

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1886.

№ 18.

СЕНТЯБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

	Стр.
Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета В. Надлера	271—299
Спиритизмъ (продолженіе). Свящ. Т. Буткевича	300—333

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи. П. Линницкаго	295—314
Философскія письма. В. Болтинной	315—324
Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лазрція, Плутарха, Стобея и др. (продолженіе). И. Б.	325—340

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Отъ Правленія Харьковскаго духовнаго Училища.—Постановленія Съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа 12 декабря 1885 года.—Журнальныя постановленія Съѣзда духовенства Ахтырскаго училищнаго округа, бывшаго 2 сентября 1886 года.—Отъ Правленія Ахтырскаго духовнаго училища.—Объявленіе Харьковскаго Епархіальнаго Архитектора.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФИЯ ОБЪЕДИНЕННАГО ШТАБА, НЕМЕЦКАЯ № 26.

1886.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ; особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Бирюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московскои ул.; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Феранонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884 и 1885 годы, по прежней цѣнѣ, т. е. по 10 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Въ рою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Октября 1 дни 1886 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННОГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

По своей сердечной добротѣ Фридрихъ-Вильгельмъ представлялъ полнѣйшее подобіе своему царственному другу, съ тою лишь разницею, что его доброта выражалась не страстными, иногда героическими порывами, а проникала равномерно всѣхъ, кто приходилъ въ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе съ королемъ. Уже по своей врожденной бережливости, Фридрихъ-Вильгельмъ не способенъ былъ такъ щедро награждать заслуги, осыпать такъ царскими милостями людей, обратившихъ на себя его вниманіе, какъ Александръ. Его спокойная, флегматическая натура не способна была къ такимъ великимъ подвигамъ христіанской любви, которые совершалъ Александръ и въ эпоху своего пребыванія въ Вильнѣ, и въ другихъ достопамятныхъ случаяхъ своей жизни ¹⁾. Добродѣтель Фридриха-Вильгельма была совершенно иного свойства; она вытекала не столько изъ ге-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 16.

¹⁾ И Фридрихъ-Вильгельмъ обходилъ, впрочемъ, госпитали раненыхъ и лично благодарилъ страдальцевъ за оказанную ими вѣрность, но не слѣдуетъ опускать изъ виду, что госпитали въ Германіи не представляли для посѣтителей и десятой доли той опасности, которая грозилась имъ въ Вильнѣ.

ніальныхъ порывовъ великодушной натуры, сколько изъ глубокаго и постояннаго сознанія долга. Король былъ всегда одинаково мягокъ и любезенъ въ обращеніи. Не было болѣе добраго и справедливаго господина, какъ онъ; вся придворная прислуга благоговѣла передъ нимъ. Его простодушное, патріархальное обращеніе располагало къ нему всѣ сердца. Онъ былъ систематическій врагъ всякихъ торжественныхъ встрѣчъ, шумныхъ и восторженныхъ овацій. Всякое проявленіе низкопоклонничества и раболѣвства возмущало его до глубины души. Онъ пришелъ въ сильнѣйшій гнѣвъ, когда жители какого-то провинціального городка хотѣли отпрячь лошадей изъ его коляски и ввезти его на своихъ рукахъ въ городъ ¹⁾. Онъ напомнилъ народной толпѣ, привѣтствовавшей его громкими криками въ Кельпскомъ соборѣ, о всемъ неприличіи ея поступка въ такомъ священномъ мѣстѣ ²⁾. Король помнилъ малѣйшія услуги, оказанныя ему послѣднимъ изъ его подданныхъ, и не оставлялъ безъ щедрой награды ни одной дѣйствительной заслуги.

Умѣренный, трезвый въ своей частной жизни, Фридрихъ-Вильгельмъ не придавалъ никакого значенія блестящей внѣшней обстановкѣ. Подобно Александру, онъ предпочиталъ услуги своего камердинера ухаживаніямъ придворныхъ полтеровъ. Въ отношеніяхъ къ женщинамъ, онъ отличался безусловною нравственною чистотою. Интриги, ухаживаніе, любовныя исторіи были неизвѣстны при его дворѣ. Его супружеская жизнь была во всѣхъ отношеніяхъ образцовая. Королева Луиза, его супруга, была женщина, можно сказать,

¹⁾ Происшествіе это случилось въ городѣ Эльбингѣ.

²⁾ См. Charakterzüge Т. I, стр. 81—82. Ничто не было такъ противно королю, какъ лесть, обращенная къ нему съ церковной кафедры. Однажды, во время путешествія по Силезіи, короля привѣтствовало мѣстное евангелическое духовенство, старшій изъ пасторовъ просилъ короля присутствовать на торжественномъ богослуженіи. „Охотно, отвѣчалъ Фридрихъ-Вильгельмъ, но подъ условіемъ, чтобы вы не говорили мнѣ съ кафедры, этого священнаго мѣста вѣчной истины, комплиментовъ“. Въ другой разъ, когда какой-то епископъ началъ говорить панегирикъ королю съ кафедры, Фридрихъ-Вильгельмъ всталъ и обратился съ досадою къ своему адъютанту съ такими словами: „Но это невыносимо. Вѣдь онъ говоритъ сущую ложь“. См. Эйлертъ, Т. III, стр. 74.

идеальная. Природа щедро осыпала ее всѣми своими дарами. Красота, съ которою не могла соперничать ни одна изъ ея современницъ, прирожденная грація, тонкая, изящная манера соединялись въ ней съ необычайно свѣтлымъ, здравымъ умомъ, съ нѣжнымъ, чувствительнымъ сердцемъ, съ ангельскою добротою. Никто не умѣлъ держать себя такъ величественно въ торжественныхъ случаяхъ, никто не очаровывалъ такъ свѣтскою любезностью на балахъ и собраніяхъ, и никто не держалъ себя въ тоже время такъ очаровательно просто въ интимномъ кружкѣ, никто не былъ такою образцовою женою и матерью, какъ королева Луиза ¹⁾. Все жесткое, надменное, напыщенное было чуждо ея душѣ. Веселая и счастливая въ счастіи, она умѣла перенести съ неслыханною твердостью страшныя бѣдствія, обрушившіяся на нее и на ея семью послѣ Генскаго погрома. Крайне чувствительная къ чужимъ страданіямъ и всегда умѣвшая облегчить ихъ по мѣрѣ силъ своихъ, она несла съ достоинствомъ и благороднымъ величіемъ тяжелыя испытанія, посланныя ей Провидѣніемъ. Она сумѣла внушить уваженіе самому Наполеону, считавшему ее, впрочемъ неосновательно, главною виновницею войны ²⁾. „Какъ отважились вы пачать войну со мною, побѣдителемъ столькихъ могущественныхъ націй?“ обратился онъ съ своею обычною солдатскою грубостью къ королевѣ въ Тильзитѣ. Луиза отвѣчала съ достоинствомъ: „Государь! Слава Фридриха Великаго могла ввести насъ въ заблужденіе на счетъ нашихъ силъ. Мы ошиблись; такъ было суждено“. Наполеонъ былъ пораженъ отвѣтомъ королевы. Онъ бесѣдовалъ съ нею долго, съ любезностью, почти ему не свойственною. Послѣ свиданія онъ сказалъ Галейрану: „Я зналъ, что увижу прелестную королеву, но я увидѣлъ не

¹⁾ Подробную характеристику Луизы мы находимъ во всѣхъ сочиненіяхъ, относящихся къ этой эпохѣ. Всѣ современники, безъ различія національности, среды, партіи, одинаково превозносятъ королеву. Эйлертъ посвящаетъ ей цѣлый отдѣлъ въ своихъ Charakterzüge, Т. II, гл. V.

²⁾ Наполеонъ, съ свойственною ему грубостью, чернилъ королеву въ своихъ первыхъ побѣдныхъ бюллетеняхъ.

только прекраснѣйшую королеву, но и интереснѣйшую женщину“¹⁾).

Судьба подвергла Фридриха-Вильгельма тяжкимъ испытаніямъ. За несчастіемъ общественнымъ послѣдовало несчастіе семейное. Подъ Іеною и Ауерштетомъ пала во прахъ военная слава прусской монархіи, въ Тильзитѣ король выпилъ до дна чашу униженія, поднесенную ему безжалостнымъ завоевателемъ; спустя три года, онъ похоронилъ свою, обожаемую супругу, королеву Луизу²⁾. Глубокая вѣра, покорная преданность Провидѣнію спасли короля отъ отчаянія; но тѣмъ не менѣе грусть о потерѣ любимѣйшаго существа не оставляла его до самыхъ послѣднихъ дней. По наружности онъ казался такимъ-же ровнымъ и спокойнымъ, какъ и всегда, но сердечная рана не давала ему внутренняго покоя. Уже много лѣтъ спустя онъ могъ проводить цѣлые дни и часы въ нѣмомъ грустномъ созерцаніи дорогихъ и незабвенныхъ для него чертъ. Онъ тратилъ большія деньги на воспроизведеніе облика покойной королевы; онъ проводилъ цѣлые часы въ мастерскихъ художниковъ, работавшихъ надъ портретомъ и бюстомъ его Луизы. Онъ забывалъ весь міръ у ея гробницы, онъ старался увѣковѣчить всѣ ея любимыя мѣста въ своихъ загородныхъ садахъ и паркахъ. Потерявъ жену, онъ сумѣлъ сохранить нравственную чистоту,—не запятналъ себя ни одною незаконною связью съ женщиною. Когда же много лѣтъ спустя, въ его душѣ вновь пробудилось чувство любви, то онъ не задумался сочетаться съ избранною имъ женщиною законнымъ бракомъ. Но онъ взялъ себѣ только жену, а не королеву; его второй бракъ оставался тайною для большинства его народа³⁾.

Представляя въ своей семейной жизни полную противоположность своему царственному другу, Фридрихъ-Вильгельмъ столь-же мало напоминалъ императора Александра

1) Eulert, Charakterzüge, Т. III, стр. 162—163.

2) Королева Луиза скончалась 19 іюля 1810 г.

3) Король женился во второй разъ въ 1824 г. на графинѣ Августѣ Гаррахъ. Подробности см. Charakterzüge, Т. III, гл. 9.

и своими политическими идеями. Александръ былъ воспитанъ въ идеяхъ модной французской философіи; Фридрихъ-Вильгельмъ, проведеншій свое дѣтство при дворѣ короля философа, остался почти что чуждъ движеніямъ вѣка. Александръ явился въ первые годы своего царствованія отважнымъ и широкимъ реформаторомъ; Фридрихъ-Вильгельмъ не рѣшился коснуться старыхъ порядковъ, хотя они и казались ему во многихъ отношеніяхъ не состоятельными. Какая разница между смѣлыми начинаніями Александра и скромными, робкими начатками Фридриха-Вильгельма. Александръ стремится преобразовать весь государственный строй своей Имперіи, онъ хочетъ утвердить свое правительство на началахъ гуманности, свободы и просвѣщенія, онъ думаетъ искоренить однимъ ударомъ всѣ закоренѣлыя предрасудки, перевоспитать, освободить, осчастливить свой народъ; Фридрихъ-Вильгельмъ довольствуется отмѣною самыхъ вопіющихъ злоупотребленій, останавливается передъ каждымъ учрежденіемъ, освященнымъ авторитетомъ старины, и рѣшается приступить къ кореннымъ преобразованіямъ, только тогда, когда страшная, небывалая катастрофа убѣждаетъ его во-очію, что старая, фридефиціанская пруссія навсегда отжила свой вѣкъ ¹⁾.

Глубокое религіозное чувство явилось впоследствии главнымъ связующимъ звеномъ между монархами Россіи и Пруссіи, но исходная точка религіознаго развитія и самый характеръ религіозности Фридриха-Вильгельма и Александра были совершенно различны. Александръ не получилъ почти никакого религіознаго воспитанія, просвѣтительная философія французскихъ мыслителей замѣнила для него съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ религію. Фридрихъ-Вильгельмъ, напротивъ, воспитанъ былъ въ твердыхъ правилахъ евангелической церкви, и гуманная философія французовъ была ему очень мало извѣстна. Александръ пришелъ къ религіи путемъ тяжелой внутренней борьбы; у Фридриха-Вильгельма тяжелыя

¹⁾ Великія реформы, пересоздавія Пруссію, начались послѣ Тильзитскаго мира.

испытанія жизни только укрѣпили религіозныя убѣжденія, насажденныя съ дѣтства. Религіозность Александра лишена была всякой вѣроисповѣдной, церковной почвы и отличалась потому характеромъ неопредѣленнымъ, почти фантастическимъ; религіозность Фридриха-Вильгельма выросла на почвѣ опредѣленнаго церковнаго ученія и отличалась характеромъ точнымъ, положительнымъ. Александръ имѣлъ очень поверхностное понятіе о христіанствѣ и его исторіи вообще, и очень плохо зналъ ученіе и обряды своей собственной церкви; Фридрихъ-Вильгельмъ зналъ отчетливо исторію христіанской церкви, а исторія реформациі, ученіе и жизнь ея представителей извѣстны были ему до мельчайшихъ подробностей ¹⁾. Представленія Александра о Божествѣ отличались характеромъ произвольнымъ, индивидуальнымъ; Фридрихъ-Вильгельмъ представлялъ себѣ Бога такимъ, какъ учила его церковь. „Я не могу, говаривалъ онъ, создавать для себя религіи. Если-бы я сталъ воображать себѣ Бога, по своему усмотрѣнію, то тѣмъ самымъ я создалъ-бы себѣ идола и въ концѣ концовъ поклонялся-бы самому себѣ. Поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ можетъ лишь одинъ христіанинъ“ ²⁾.

И Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ смотрѣли на библію, какъ на единственный источникъ христіанства, но Александръ пытался относиться къ библіи съ чисто личной точки зрѣнія, тогда какъ Фридрихъ-Вильгельмъ понималъ библію такъ, какъ понимала ее его церковь. Александръ стремился проникнуть въ сокровенный, таинственный смыслъ Божествен-

¹⁾ Скромный и сдержанный въ другихъ случаяхъ Фридрихъ-Вильгельмъ не терпѣлъ возраженій тамъ, гдѣ дѣло касалось исторіи и ученія реформаторовъ. „А! что рассказывать“, говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ. „Я долженъ знать это лучше“. Eulert, Charakterzüge, T. I, стр. 176.

²⁾ „А потому, замѣчаетъ Эйлертъ, король почиталъ въ христіанствѣ съ полнымъ убѣжденіемъ непосредственное божественное откровеніе. Все, что согласовалось съ духомъ и содержаніемъ откровенія было для него истина, все что противорѣчило ему, заблужденіе, и при этомъ онъ никогда не пускался ни въ какіе споры. Слово Божіе истинно и всѣ упованія его сбываются въ точности. Это убѣжденіе служило для него масштабомъ, по которому онъ разсуждалъ, испытывалъ, выбиралъ, рѣшалъ“. Charakterzüge. T. I, стр. 170.

наго откровенія; Фридрихъ-Вильгельмъ останавливался въ благоговѣннѣи передъ его тайнами и старался не испытывать, а вѣрить. „Я не могу низвести до себя, поставить на одну линію съ собою то, что я обожаю и почитаю, передъ чѣмъ преклоняю я колѣни. То, до чего я долженъ возвышаться, должно стоять неизмѣримо выше меня. То, что я начну постигать, перестанетъ пользоваться моимъ почтеніемъ“ ¹⁾. „Кто хочетъ понимать Священное Писаніе, долженъ читать его въ томъ-же духѣ, какъ оно написано. Надо смотрѣть на ветхій и новыи завѣтъ, какъ на нѣчто единое, какъ на завѣщаніе отца, и смотрѣть не глазами юриста, а сына, принимающаго наслѣдіе отца“ ²⁾. Императоръ Александръ придавалъ наибольшее, если не исключительное значеніе одиночной молитвѣ; Фридрихъ-Вильгельмъ ставилъ выше молитву общественную. „Время, проводимое нами въ благоговѣннѣи въ церкви,“ говорилъ онъ, „не теряется для насъ; освѣженные и подкрѣпленные молитвою, мы можемъ работать потомъ лучше и легче“ ³⁾. Въ противоположность большинству коронованныхъ лицъ, и такъ называемому свѣтскому обществу, король Фридрихъ-Вильгельмъ смотрѣлъ на христіанскую церковь, не какъ на учрежденіе полезное въ смыслѣ обузданія дикихъ инстинктовъ массы, а какъ на учрежденіе божественное, удовлетворяющее самымъ первѣйшимъ и насущнѣйшимъ потребностямъ духа человѣческаго на всѣхъ степеняхъ его развитія. Религія была для него дѣломъ сердца и жизни. „Что можетъ замѣнить живую и теп-

¹⁾ „Откровеніе, которое не открывало-бы ничего внѣ границъ человѣческаго пониманія, перестало-бы быть откровеніемъ Божественнымъ. Именно его тайны служатъ мнѣ доказательствомъ его божественности, я утратилъ-бы вѣру въ сію божественность, если-бы не было сихъ тайнъ“. Charakterzüge, T. I, стр. 172.

²⁾ Eylert, Charakterzüge, T. I, стр. 175. Эту мысль высказываетъ передъ королемъ Эйлертъ. Фридрихъ-Вильгельмъ восклицаетъ: „О, это великая идея“.

³⁾ Король всегда аккуратно посѣщалъ воскресное богослуженіе. При этомъ онъ тщательно избѣгалъ всякаго парада, не бралъ пышной свиты, а шелъ тихо и скромно, окруженный своими дѣтьми. Въ храмѣ онъ велъ себя не какъ король, а какъ человѣкъ и христіанинъ, сознающій свою немощь, свою нужду въ Божественномъ милосердіи“. Eylert, Charakterzüge, T. I, стр. 176.

люю вѣру во Христа и установленную Имъ церковь?“ задавалъ онъ вопросъ. „Говорять науки и искусства, онѣ однѣ могутъ сдѣлать людей добрыми. Пустое! Онѣ могутъ развить, сообщить извѣстный, внѣшній лоскъ, но онѣ не могутъ преобразить наши сердца, сдѣлать ихъ вѣрными, чистыми, искренними, твердыми. Одно высшее божественное начало, заключенное въ религіи, можетъ предохранить человѣка отъ погруженія въ эгоизмъ; все остальное, не исключая и самой науки, предаеть его неизбѣжно въ жертву себялюбію. Развивать умъ, не облагораживая его въ то-же время нравственно, значитъ отравлять человѣчество. Общество человѣческое превратится въ такомъ случаѣ непременно въ общество актеровъ, въ которомъ каждый будетъ стараться всячески обманывать другаго; и что всего ужаснѣе, это всеобщее обманываніе будетъ производиться вполне сознательно. Никто не будетъ тогда довѣрять другому; придется все охранять и застраховывать. Старое и драгоцѣнное слово отцовъ: „На вѣрность и вѣру,“ превратится тогда въ преданіе далекаго прошлаго. Тамъ, гдѣ нѣтъ вѣры, не можетъ быть и вѣрности“ ¹⁾.

Императоръ Александръ проникся съ самой ранней юности ученіемъ о равенствѣ и братствѣ всѣхъ людей въ томъ смыслѣ, какъ понимали его просвѣтители-философы. Онъ не могъ освободиться отъ этого ученія и въ послѣдствіи, когда религіозныя христіанскія убѣжденія, вырабатывавшіяся въ немъ путемъ тяжелой, внутренней борьбы, овладѣли, повидимому, всѣмъ его внутреннимъ существомъ. Долгое время пытался онъ примирить и слить свои старыя убѣжденія съ новыми. Ему казалось, что всякій человѣкъ способенъ на всестороннее развитіе своихъ способностей, и что онъ имѣеть право на такое развитіе. Онъ полагалъ, что человѣкъ, совершенствуясь и развиваясь путемъ религіознымъ, нравственнымъ, можетъ и долженъ, если только позволяютъ это его способности, развиваться и въ другихъ направленіяхъ путемъ приобрѣтенія всевозможныхъ, научныхъ и техниче-

¹⁾ Eylert, Charakterzüge. T. I, стр. 190—191.

скихъ знаній. Отсюда изъ этого благороднаго источника происходило страстное стремленіе императора къ просвѣщенію своего народа; отсюда шло его стараніе основывать, какъ можно болѣе, университетовъ, высшихъ, среднихъ и низшихъ школъ; отсюда вытекало покровительство библейскому обществу, желаніе дать въ руки каждаго библію, этотъ первѣйшій источникъ христіанскаго просвѣщенія.

Фридрихъ-Вильгельмъ стоялъ и въ этомъ отношеніи на совершенно иной почвѣ. Воспитанію религіозному отдавалъ онъ рѣшительное предпочтеніе передъ воспитаніемъ свѣтскимъ. „Каждый человѣкъ, безъ исключенія, говорилъ онъ, имѣетъ двойное призваніе: одно для неба, для вѣчности, другое для земли, для своего земнаго служенія. Какъ для существа нравственнаго, безсмертнаго, для человѣка не можетъ быть поставлено предѣловъ въ сферѣ развитія религіознаго. Тутъ открыто передъ нимъ поприще безконечное, вѣчно долженъ онъ стремиться къ нравственному очищенію и усовершенствованію, къ уподобленію Христу. Никогда не можетъ онъ быть здѣсь настолько совершеннымъ, чтобы не имѣть возможности, а слѣдовательно, и обязанности стремиться еще къ большому совершенствованію. И чѣмъ нравственно-выше, чѣмъ совершеннѣе будетъ онъ становиться здѣсь, тѣмъ онъ будетъ дѣлаться спокойнѣе и довольнѣе, тѣмъ пригоднѣе и полезнѣе для общества. Способность человѣческой натуры къ усовершенствованію есть для меня самое высочайшее въ ней; въ этой способности я усматриваю яснѣйшее доказательство божественнаго происхожденія природы человѣчества. Она вѣчно стремится къ Богу лишь потому, что она произошла отъ него. Въ религіозномъ воспитаніи не должно быть застоя; всякій прогрессъ на этомъ поприщѣ встрѣтитъ съ моей стороны, до тѣхъ поръ пока я живу и царствую, живѣйшее сочувствіе и поддержку. Въ церкви и въ школѣ никогда не можетъ быть сдѣлано многого и вполне достаточнаго. Пробуждать, возбуждать, содѣйствовать гдѣ и чѣмъ возможно, есть великая заслуга.

„Совсѣмъ иное дѣло—призваніе свѣтское! Не слѣдуетъ забывать, что это призваніе, по необходимости и часто въ

силу рожденія, можетъ быть самое различное. Свобода выбора стѣсняется здѣсь кромѣ того характеромъ способностей и наклонностей. Тутъ необходимо позаботиться не столько о развитіи общечеловѣческомъ, сколько о воспитаніи дѣльныхъ чиновниковъ, купцовъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ. Человѣкъ не можетъ выучиться всему; этому препятствуетъ и колоссальность знанія и краткость человѣческой жизни. Пусть каждый учится хорошо и основательно, но лишь тому, что необходимо для его призванія. Излишество знанія не нужно для жизненной цѣли; оно можетъ лишь мѣшать и вредить. Оно отнимаетъ спокойствіе, ведетъ къ сравненіямъ, вызываетъ излишнія потребности, порождаетъ зависть“¹⁾.

Такое трезвое, чуждое всякаго идеализма отношеніе къ задачамъ свѣтскаго образованія, соотвѣтствовало какъ нельзя болѣе всей натурѣ Фридриха-Вильгельма. Онъ не былъ и не могъ быть мистикомъ, человѣкомъ восторженнымъ, и вслѣдствіе того колеблющимся подобно Александру. Его религіозность была такая-же трезвая, ясная, понятная, но въ то же время такая-же сильная и непреклонная, какъ и вся его натура. Страхъ Божій²⁾, возвышающійся надъ страхомъ человѣческимъ, смиреніе во всѣхъ дѣлахъ и помыслахъ, беззавѣтная покорность волѣ Провидѣнія какъ въ несчастіи, такъ и въ счастіи, составляли основную черту этой религіозности. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ врагъ всякаго превозношенія, его смиреніе, его скромность не измѣняли ему въ самые торжественнѣйшія, радостныя минуты его жизни, и ничто не было ему такъ противно, какъ похвалы, расточаемыя ему, какъ лесть, въ какой-бы то формѣ и отъ кого-бы она не исходила. Религіозность Фридриха-Вильгельма не допускала никакихъ уступокъ, никакихъ компромиссовъ съ

¹⁾ „Несомнѣнно на теперешнее поколѣніе напалъ духъ безпокойства и возбужденія, метанія изъ стороны въ сторону, гоньбы за чѣмъ-то. Каждое сословіе хочетъ сравниться съ другими, каждый стремится выйги изъ своихъ границъ“. Eulert, Charakterzüge. Т. I, стр. 193—195.

²⁾ Противоположность страху Божию есть богозабвеніе. „Его сердце, замѣчаетъ Эйлертъ, отвращалось отъ тѣхъ, кои забыли Бога, и наоборотъ, неволью стремилось къ богобоязненнымъ“. Charakterzüge, Т. I, стр. 162.

совѣстью ¹⁾. Строгий въ этомъ отношеніи къ самому себѣ, онъ былъ неумолимо строгъ и къ другимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касалось нарушенія основныхъ религіозныхъ принциповъ, гдѣ совершались на его глазахъ проступки, которые онъ относилъ къ категоріи, такъ называемыхъ смертныхъ грѣховъ. Такими грѣхами онъ считалъ преднамѣренную ложь „совѣмъ ея родствомъ“, какъ выражался онъ, не правое стяжаніе и прелюбодѣяніе. Онъ говорилъ объ этихъ грѣхахъ съ такимъ особымъ выраженіемъ, что наводилъ невольный страхъ на своихъ слушателей ²⁾.

Какъ ни различно было религіозное настроеніе обоихъ друзей монарховъ, но именно въ области вѣры они скорѣе и тѣснѣе всего могли сойтись другъ съ другомъ. Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ пришли къ вѣрѣ и къ познанію истиннаго Бога совершенно различными путями; характеръ ихъ религіознаго чувства и религіозныхъ воззрѣній былъ также различенъ, но оба они приходили къ однимъ и тѣмъ-же конечнымъ, основнымъ результатамъ, оба черпали въ вѣрѣ силы, столь необходимыя въ тяжелой борьбѣ, выпавшей на ихъ долю. Фридрихъ-Вильгельмъ, привыкшій еще съ дѣтскихъ лѣтъ искать утѣшенія и опоры въ вѣрѣ, привыкъ покоряться смиренно неисповѣдимымъ рѣшеніямъ Провидѣнія и ожидать спасенія не отъ мудрости человѣческой, не отъ силъ и ухищреній міра сего, а отъ благодати и всемогущества Творца небеснаго. Такія-же точно правила и убѣжденія развились, какъ мы уже знаемъ, и въ императорѣ Александрѣ подъ вліяніемъ страшныхъ и великихъ событій 1812 года ³⁾. На основѣ тождественныхъ религіозныхъ убѣ-

¹⁾ „Онъ называлъ совѣсть глашатаемъ, представителемъ Бога въ сердцѣ человѣка; отсутствіе внутренняго мира, раздоръ съ самимъ собою казались ему величайшимъ несчастіемъ, съ боязливою бдительностью слѣдилъ онъ за самимъ собою, и кто часто видѣлъ и хорошо зналъ его, могъ замѣтить, какая постоянная нравственная борьба происходила въ немъ“. Charakterzüge, T. I, стр. 161.

²⁾ „Diese Sünden nannte er Todsünden; und er betonte das Wort so, dass alle, die es ihn aussprechen hörten, eine Angst über kam. Seine Gottesfurcht in dieser Beziehung war nach der alten frommen Waterweise ängstlich—abergläubig würden manche aus unserer Zeit sie nennen“. Charakterzüge, T. I, стр. 162.

³⁾ Въ письмѣ къ князю Голицыну изъ Вильны, Александръ „сознается, что

жденій, дружба монарховъ должна была пріобрѣсти еще болѣе крѣпкую и внутреннюю связь.

Извѣстно, что противоположные характеры сходятся нерѣдко скорѣе, нежели натуры во всѣхъ отношеніяхъ сходныя, родственныя. Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ, быть можетъ, и сошлись потому такъ тѣсно и неразрывно, что они пополняли другъ друга своими противоположными качествами. То, чего недоставало одному, имѣлось въ избыткѣ у другаго. Александръ былъ геніальнѣе, живѣе, воспріимчивѣе; Фридрихъ-Вильгельмъ былъ практиченъ, тяжелъ на подъемъ, медленъ на рѣшенія, но болѣе твердъ, постояненъ и послѣдователенъ. Александръ былъ способенъ на рѣшенія героическія, на величайшіе подвиги и самопожертвованіе. Ему принадлежала инициатива во всѣхъ великихъ, рѣшающихъ моментахъ этой чудесной эпохи. Своимъ героизмомъ, своимъ чарующимъ личнымъ вліяніемъ онъ увлекалъ своего друга на такія дѣла и пути, на которыя онъ никогда-бы не отважился вступить самъ по себѣ. Но, быть можетъ, Александръ не могъ-бы совершить всѣхъ своихъ геніальныхъ начинаній, быть можетъ, онъ принужденъ-бы былъ остановиться на половинѣ пути, или свернуть въ сторону съ дороги, если-бы Фридрихъ-Вильгельмъ, рѣшившись разъ идти рука объ руку съ нимъ, не ободрялъ его своимъ ровнымъ, спокойнымъ, неизмѣннымъ участіемъ, не ободрялъ его въ трудной борьбѣ съ людьми и обстоятельствами, не поддерживалъ своею твердою и незыблимою вѣрою его преданность, его покорность Волѣ Всевышняго.

Трудно представить себѣ болѣе крѣпкую и внутреннюю, и въ то же время болѣе нѣжную, душевную связь, какъ та, которая соединяла монарховъ Россіи и Пруссіи. Но было ли въ этой дружбѣ полное равенство, не принадлежало ли въ ней первенство одному изъ друзей? Мы не ошибемся, если скажемъ, что равенство было не совсѣмъ полное, что пре-

онъ давно уже предалъ себя совершенному вожденію Господа". См. изъ записокъ Ю. Н. Бартенева, рассказы князя Голицына. „Русскій Архивъ“, 1886 г. книга 5, стр. 90.

обладаніе принадлежало императору Александру. Онъ любилъ короля, но въ тоже время властвовалъ надъ нимъ до извѣстной степени. Наоборотъ, Фридрихъ-Вильгельмъ охотно слѣдовалъ за Александромъ, занималъ, уже въ силу своей скромности, второе мѣсто и относился къ своему союзнику и другу съ чувствомъ настоящаго благоговѣнія. И въ дипломатическихъ и въ военныхъ совѣщаніяхъ король всегда поддерживалъ предложенія и мнѣнія императора; въ торжественныхъ и оффиціальныхъ случаяхъ онъ всегда слѣдовалъ за нимъ. И передъ лицомъ всего свѣта, и въ частныхъ интимныхъ бесѣдахъ Фридрихъ-Вильгельмъ заявлялъ, не обинуясь, что все самое главное и рѣшающее въ великой борьбѣ было совершено русскимъ императоромъ и его войсками. При всякомъ удобномъ случаѣ говорилъ онъ съ признательностью и энтузіазмомъ о подвигахъ Александра и его воинства; о самомъ себѣ, о своихъ скромныхъ, но тѣмъ не менѣе великихъ заслугахъ, о героическихъ успѣхахъ и жертвахъ своего народа и войска онъ умалчивалъ систематически ¹⁾. Россія и все русское было дорого для короля уже потому, что связывалось для него съ представленіемъ объ Александрѣ. Онъ любилъ русскаго солдата, восхищался неспорченною патріархальностью русскаго поселянина, устраивалъ въ своихъ загородныхъ паркахъ русскія избы и поселялъ въ нихъ русскихъ мужичковъ. Однажды, 50 русскихъ солдатъ, освободившихся изъ французскаго плѣна, явились, подорогѣ на родину, къ прусскому королю. Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ ихъ съ радостью и приказалъ содержать ихъ точно также, какъ прусскихъ гвардейцевъ. Заручившись согласіемъ императора Александра ²⁾, король предложилъ нашимъ солдатамъ остаться навсегда при немъ. Солдатики не долго думая, пожелали остаться. Да и чего лучше могли желать

¹⁾ Charakterzüge, Т. II, стр. 310.

²⁾ По поводу этого согласія епископъ Эйлертъ замѣчаетъ: „солдаты пожелали остаться. Александръ далъ свое согласіе и подарилъ ихъ своему царственному другу въ томъ смыслѣ, насколько возможно здѣсь говорить о подаркѣ“. Отсюда ясно, что выраженіе, „рота подаренная Александромъ королю прусскому“, не должно быть понимаемо въ буквальномъ смыслѣ.

они? И во снѣ не чудилось имъ такой жизни. Король приказалъ помѣстить ихъ въ лучшей гвардейской казармѣ, въ Потсдамѣ. Они жили тутъ въ полномъ довольствѣ, многіе поженились частью на русскихъ, частью на пѣмкахъ ¹⁾. Имъ отпускалось самое лучшее продовольствіе, одѣвали ихъ на счетъ короля и въ добавокъ, они могли проводить время на полной свободѣ. Король никогда не забывалъ „своихъ русскихъ“. Пріѣзжая въ Потсдамъ, онъ обязательно приглашалъ ихъ во дворецъ, кормилъ и поилъ и заставлялъ пѣть любимыя имъ русскія пѣсни.

Такъ жили наши солдатики въ Потсдамѣ до самой смерти императора Александра. Потерявъ своего лучшаго друга, Фридрихъ-Вильгельмъ удвоилъ свою заботливость „о своихъ русскихъ“. Онъ скупилъ за большія деньги поля и сады въ окрестностяхъ Потсдама, и приказалъ выстроить по планамъ и моделямъ, выписаннымъ изъ Россіи, русскую деревню. Каждой избѣ онъ отвелъ кусокъ земли для двора, огорода и сада. Дворы были обнесены живыми изгородями, а всѣ улицы деревни обсажены липами. На сосѣдней возвышенности король приказалъ устроить небольшую, но изящную православную церковь и выписалъ изъ Россіи священника. Деревня, основанная въ память императора Александра, получила отъ короля названіе „Александровская“. Прошло нѣсколько лѣтъ, Фридрихъ-Вильгельмъ приближался къ концу своего земнаго поприща, но онъ не забывалъ своей Александровской. Хотя разъ въ недѣлю, обыкновенно по вечерамъ, король посѣщалъ свою колонію. Медленно проѣзжалъ онъ по улицамъ деревни, затѣмъ подымался на возвышенность, гдѣ стояла православная церковь. Тутъ онъ выходилъ изъ экипажа и долго смотрѣлъ задумчиво въ даль. Тихими шагами направлялся онъ затѣмъ къ одному изъ сосѣднихъ русскихъ домиковъ, усаживался на крыльцѣ и любовался закатомъ солнца. Вокругъ него собирались его русскіе питомцы и ихъ дѣти. Они называли его не иначе какъ „Батюшка! Ваше Величество“. По цѣлымъ часамъ сидивалъ

¹⁾ Король выписалъ для желающихъ женъ изъ Россіи.

здѣсь король въ бесѣдахъ и воспоминаніяхъ о покойномъ императорѣ ¹⁾).

XX.

Наступилъ мартъ мѣсяцъ 1813 г. Весна природы совпала съ весною народною. Русскіе быстро подвигались впередъ. Уже въ половинѣ Февраля они перешли черезъ Одеръ при помощи прусской администраціи и населенія. Казацкіе разѣзды показались въ окрестностяхъ Берлина и на берегахъ Эльбы. Населеніе повсюду подымалось противъ французовъ, броженіе обнаруживалось въ тылу французской арміи, въ Саксоніи, Вестфалии, до самого Рейна. Вице-король, смущенный надвигающеюся со всѣхъ сторонъ грозой, не рѣшился оставаться долѣе въ Берлинѣ. Казаки смѣло выѣзжали въ самыя улицы города, перестрѣливались съ французами и встрѣчали при этомъ дѣятельную поддержку со стороны жителей ²⁾). 21-го февраля повторились въ обратномъ смыслѣ сцены, происходившія нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Москвѣ. Изъ однихъ городскихъ воротъ поспѣшно уходили французы; въ другіе вступали русскіе ³⁾). Восторгъ населенія былъ неописанный. „Никогда Берлинъ не былъ такъ великолѣпно освѣщенъ, какъ вчера“, пишетъ очевидецъ; „на улицахъ было свѣтло, какъ въ полдень“. „На другой день жители были испуганы пушечными выстрѣлами, но вскорѣ успокоились—русскіе, стоявшіе въ увеселительномъ саду, приносили благодареніе Всевышнему за успѣхъ своего оружія. При пѣніи благодарственнаго молебна стрѣляли изъ пушекъ. Зрѣлище прекрасное и трогательное! Тысячи храбрыхъ и сильныхъ воиновъ преклонили въ благоговѣніи свои колѣна предъ Всевышнимъ, благословляющимъ святое ихъ дѣло“ ⁴⁾).

¹⁾ См. Eulert, Charakterzüge aus dem Leben etc. Т. II, стр. 311—314.

²⁾ Чрезвычайно интересныя и живыя подробности о занятіи Берлина русскими мы находимъ въ „Сынъ Отечества“ за 1812 г. № 11, стр. 251—256.

³⁾ Ранке, Hardenberg etc. Т. III, стр. 298.

⁴⁾ „Сынъ Отечества“ за 1812 г. № 11, стр. 256. „На другой день русскіе генералы учредили вахтпарадъ въ честь супруги принца Вильгельма. Она яви-

Все далѣе и далѣе на западъ распространялось преслѣдованіе и бѣгство. Наполеонъ требовалъ, чтобы вице-король удерживался въ Магдебургѣ и защищалъ всѣми силами линію Эльбы, но быстрое наступленіе русскихъ и пруссаковъ заставило его отступить за рѣку. Почти одновременно передовые союзные отряды переправились черезъ нижнюю и среднюю Эльбу. Въ Саксоніи, даже въ самомъ Дрезденѣ, происходили народныя возмущенія противъ французовъ. Въ Гамбургѣ населеніе встрѣтило съ восторгомъ небольшой русской отрядъ подъ начальствомъ полковника Тетенборна. „Да здравствуетъ императоръ Александръ! нашъ спаситель, нашъ избавитель!“ кричали Гамбургцы, доведенные до отчаянія поборами и истязаніями французской администраціи. Толпы народа бѣжали на встрѣчу русскимъ за нѣсколько миль изъ города. Всѣ улицы, дома, деревья, были унизаны ликующими зрителями. Изъ всѣхъ оконъ развѣвались флаги и платки, городскія гильдіи преклоняли передъ русскими казаками свои знамена; многіе жители подымали на шестахъ и шпагахъ шляпы и зеленныя вѣтви и бросали ихъ вверхъ; звонили во всѣ колокола, стрѣляли изъ пистолетовъ и ружей. Народъ тѣснился со всѣхъ сторонъ къ проходящимъ русскимъ войнамъ и украшалъ лошадей ихъ вѣнками и зелеными вѣтками. Дамы бросали изъ оконъ букеты цвѣтовъ и вѣнки. Многіе плакали отъ радости, знакомые и незнакомые обнимали другъ друга и со слезами радости поздравляли съ великимъ днемъ освобожденія. На всѣхъ улицахъ выставлены были бюсты императора Александра, увѣнчанные лаврами. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминированъ и въ театрѣ всѣ присутствующіе пѣли хоромъ: „Боже спаси Царя“. Когда командиръ русскаго отряда вышелъ изъ театра, то народъ выпрягъ лошадей изъ его коляски, довелъ его до квартиры и на рукахъ внесъ на лѣстницу. Всю ночь на улицахъ многолюднаго города кипѣло небывалое, неслыханное веселье. Повсюду вспыхивали потѣшныя огни, отовсюду гремѣла музы-

лась на балконѣ и воскликнула: да здравствуетъ Александръ! Всѣ войска отвѣчали: да здравствуетъ Фридрихъ-Вильгельмъ!“

ка, каждый русскій казакъ или солдатъ, показывавшійся на улицѣ, дѣлался предметомъ самыхъ восторженныхъ овацій. Населеніе было неистощимо въ проявленіяхъ своего восторга, своей симпатіи къ дорогимъ избавителямъ; оно казалось обезумѣло отъ радости ¹⁾.

По всей Пруссіи происходили, между тѣмъ движенія, ясно показывавшія, что предстоящая война будетъ такою-же народною войною, какъ и борьба въ Россіи въ 1812 году. Становилось очевиднымъ, что русскіе вступили въ Пруссіи въ союзъ не съ однимъ правительствомъ, а съ цѣлымъ народомъ, рѣшившимся или умереть, или свергнуть съ себя цѣпи постыднаго рабства. Наши войска и отступающіе французы то и дѣло встрѣчались на пути съ громадными партіями поселянъ, спѣшившими на сборные пункты, назначенные для приѣма рекрутъ и добровольцевъ. Они шли на войну, какъ на праздникъ, распѣвая пѣсни. Населеніе городовъ и деревень высыпало къ нимъ на встрѣчу цѣлыми толпами, привѣтствовало, угощало ихъ. Святой энтузіазмъ охватилъ всѣ сословія, возрасты и полы. Аудиторіи берлинскаго, кенигсбергскаго и другихъ университетовъ опустѣли ²⁾; всѣ студенты поголовно взялись за оружіе и поступили или въ отряды арміи, или въ отряды добровольцевъ. Многіе наставники и знаменитые профессоры, не смотря на свои преклонныя лѣта, спѣшили вмѣстѣ съ юношами на поля брани. Знаменитый философъ Фихте былъ въ числѣ первыхъ, промѣнявшихъ катедру и перо на ружье и пику ополченца. Воспитанники старшихъ классовъ гимназій не хотѣли отстать отъ студентовъ и массами брались за оружіе. Дѣти убѣгали изъ родительскаго дома, намѣреваясь принять участіе въ священной войнѣ. Формировались съ невѣроятною быстро-

1) Всѣ эти подробности заимствованы изъ современнаго изданія. См. „Сынъ Отечества“ за 1813 г. № 13, стр. 53—56.

2) „Въ Кенигсбергскомъ университетѣ прекратилось ученіе, потому что всѣ студенты добровольно отправились въ армію. Таже ревность воспламеняетъ учащихся и въ другихъ университетахъ городовъ Германіи. Изъ всѣхъ спѣшатъ бодрые юноши къ германскому войску, собирающемуся подъ орломъ прусскимъ“. „Сынъ Отечества“ 1813, № XII.

тою цѣлые отряды, въ которыхъ нельзя было встрѣтить ни одного простаго человѣка, а лишь однихъ образованныхъ и зажиточныхъ людей ¹⁾. Полковникъ Лютцовъ собралъ въ своемъ черномъ отрядѣ цвѣтъ германской молодежи. Эти восторженные юноши давали обѣтъ умереть, но не отступить передъ врагомъ; они избирали черный цвѣтъ, какъ символъ неутолимой мести, пожиравшей ихъ сердца. Они бросались въ бой съ пѣніемъ вдохновенныхъ пѣсень гениальнаго поэта Теодора Кернера, сражавшагося въ ихъ рядахъ. Громадныя пожертвованія стекались отовсюду. Страна, казавшаяся до тѣхъ поръ окончательно истощенною и разоренною, начала вдругъ доставлять для русскихъ и для своихъ войскъ массы провіанта, фуража, одежды, обуви, начала приносить на алтарь отечества милліоны. Но не слѣдуетъ опускать изъ виду, что это были послѣднія усилія народа, ставившаго на карту свое послѣднее достояніе и свою національную жизнь. За этими усиліями должно было послѣдовать одно изъ двухъ: или воскресеніе или смерть. Брались за оружіе всѣ, кто въ состояніи былъ поднять его; приносились пожертвованія не отъ богатства и избытка, а отъ нищеты и бѣдности. Мелкіе чиновники отказывались отъ своего жалованья, купцы жертвовали свои наличныя деньги и товары, поселяне отвозили въ магазины свои послѣдніе запасы, ремесленники отказывались отъ платы за вещи, поставляемыя ими въ казну, молодыя дѣвушки продавали свои волосы, замужнія женщины и невѣсты приносили въ даръ свои золотыя обручальныя кольца и принимали въ замѣнъ ихъ отъ правительства желѣзныя съ надписью: „золото отдала я за желѣзо“. Пламенное патріотическое одушевленіе, проникавшее съ одинаковою силою всѣ слои

¹⁾ Въ запискахъ Н. П. Муравьева встрѣчаемъ слѣдующія интересныя подробности: „Во всей Пруссіи вооружались, и отряды вольнослужащихъ были довольно многочисленны. Въ числѣ вольнослужащихъ находились мальчики 14 и 15 лѣтніе. Они вооружались короткими штуцерами, которые далеко били; саміе-же егеря стрѣляли весьма мѣтко и рѣдко выпускали напрасный выстрѣлъ. Ихъ сформировали въ баталіоны, и стрѣлки сіи замѣняли старыхъ солдатъ съ большимъ преимуществомъ“. „Русскій Архивъ“, 1885 г., кн. 12, стр. 454.

общества, поддерживалось и освящалось самымъ искреннимъ и теплымъ религіознымъ чувствомъ. И въ Пруссіи повторилось весною 1813 года то, что происходило въ Россіи лѣтомъ 1812 года. Нужда научила молиться, невѣріе и сомнѣніе исчезли, какъ темный призракъ передъ яркимъ свѣтомъ, вспыхнувшимъ на востокѣ. Народъ, доведенный до отчаянія чужими тиранами и проданный столько разъ своими просвѣщенными руководителями, началъ искать спасенія въ вѣрѣ своихъ отцевъ. Примѣръ русскихъ, шедшихъ на встрѣчу враговъ съ крестомъ въ груди и съ желѣзомъ въ сердцѣ, вызывалъ восторженное соревнованіе. Церкви были наполнены молящимися, старые солдаты и молодые рекруты, спѣша на бой, искали подкрѣпленія и благословенія у служителей алтаря. На шапкахъ ополченцевъ видѣлась также надпись какъ и у русскихъ ратниковъ: съ Богомъ за короля и отечество. Король учредилъ новую высшую военную награду, желѣзный крестъ, безъ всякихъ украшеній ¹⁾.

Среди всеобщаго энтузіазма явился королевскій манифестъ, возвѣщавшій народу начало священной войны. Фридрихъ-Вильгельмъ заявлялъ въ немъ, что ни его вѣрный народъ, ни германцы вообще не нуждаются въ подробномъ объясненіи причинъ, заставляющихъ его обнажить мечъ. Причины эти хорошо извѣстны всему свѣту. „Мы пали передъ превосходною силою Франціи“ ²⁾, говорилось въ манифестѣ. Миръ отнялъ у Пруссіи половину ея территоріи, онъ не доставилъ ей никакихъ выгодъ, а причинилъ раны, болѣе тяжкія, нежели сама война. Страна была излурена несмысленными контрибуціями и содержаніемъ иноземныхъ войскъ; важнѣйшія крѣпости оставались въ рукахъ непріятели; земледѣліе, промышленность и ремесла пришли въ упадокъ подъ тяжестью невыносимаго гнета; вмѣстѣ съ свободою торговли изсякъ послѣдній источникъ благосостоянія, страшная бѣд-

¹⁾ Патріотическое одушевленіе Пруссіи рисуется лучше всего въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ. См. напр. „Сынъ Отечества“ за 1813 г. Кенигсбергскія вѣдомости и другіе журналы.

²⁾ Мы приводимъ содержаніе манифеста современнаго русскаго перевода, помѣщеннаго въ „Сынъ Отечества“ за 1813 г. № 13, стр. 45—46.

ность водворилась въ странѣ. Тщетно пытался король облегчить положеніе своего народа добросовѣстнымъ исполненіемъ обязательствъ, взятыхъ имъ на себя по отношенію къ императору французовъ; всѣ его чистѣйшія намѣренія были разстроены высокоуміемъ и вѣроломствомъ, и онъ долженъ былъ убѣдиться, что миръ съ Наполеономъ вель Пруссію къ вѣрной и неизбѣжной гибели. Король призываетъ затѣмъ къ брани всѣхъ своихъ подданныхъ, онъ напоминаетъ имъ славные примѣры прошлаго, подвиги великаго курфюрста и Фридриха Великаго; онъ указываетъ имъ на великій примѣръ поданный союзниками ихъ, россіянами. Лучше, говоритъ онъ, пожертвовать послѣднимъ достояніемъ и жизнію отечеству и прирожденному королю, нежели отдавать то и другое въ жертву ненасытной алчности и властолюбію чужеземнаго владетеля. Вѣра въ Бога, неутомимое мужество, сильная помощь союзниковъ должны служить ручательствомъ побѣды. Король не скрываетъ отъ своего народа, что пачинающаяся брань есть послѣдняя и рѣшительная борьба за національное существованіе, независимость и благосостояніе. Нѣтъ иного выбора кромѣ честнаго мира или славной гибели. Лучше погибнуть, нежели влачить безчестное существованіе. Немыслимо для германца, для пруссака жить безъ чести. Но король увѣренъ, что Богъ не попуститъ погибнуть правому дѣлу. Онъ вступаетъ въ бой съ твердою надеждою на помощь Всемогущаго.

Въ то время, когда король принималъ свои послѣднія рѣшенія, царственный другъ его, императоръ Александръ уже приближался къ Бреславлю. Фридрихъ-Вильгельмъ спѣшилъ приготовить самый блестящій и радушный пріемъ своему союзнику. Въ границахъ Силезіи ¹⁾ императора привѣтствовали отъ имени короля генераль Клейстъ, полковникъ Биронъ и президентъ Силезіи Меркель. вмѣстѣ съ ними привѣтствовала императора отъ имени всего населенія многочисленная депутація отъ духовенства и земскихъ чиновъ.

¹⁾ О торжественной встрѣчѣ на границѣ Силезіи см. „Сынъ Отечества“ за 1813 г. №13, стр. 51—52, письмо изъ Бреславля.

Безчисленныя толпы народа встрѣтили Александра восторженными, радостными криками. Президентъ Меркель и графъ Бетузи обратились съ краткими рѣчами. Въ немногихъ, но сильныхъ и задумчивыхъ словахъ выражали они свою радость при видѣ великаго освободителя Германіи. Они говорили о своихъ несомнѣнныхъ надеждахъ на побѣдоносный исходъ начинающейся великой борьбы. Императоръ, видимо тронутый сердечностью встрѣчи, отвѣчалъ нѣсколькими милостивыми, проникнутыми чувствомъ словами. Дальнѣйшее путешествіе Александра по Силезіи походило на триумфальное шествіе, величественное, но въ тоже время непринужденное ¹⁾. Цѣлый народъ слѣшилъ на встрѣчу обожаемому своему избавителю. Отовсюду раздавался торжественный колокольный звонъ, населеніе городовъ, мѣстечекъ и деревень встрѣчало государя восторженными кликами, усыпало путь его цвѣтами, провожало его благословеніями и молитвами. Узнавъ о приближеніи императора, король со всѣми принцами поспѣшилъ къ нему на встрѣчу. Въ Эльсѣ въ 4 миляхъ отъ Бреславля состоялось торжественное, радостное свиданіе монар-

¹⁾ О встрѣчахъ въ Силезіи Шичковъ даетъ слѣдующія характеристичныя подробности: „Съ приближеніемъ къ предѣламъ Пруссіи, общее къ намъ уваженіе и любовь отчасу болѣе возрастали. Подъѣзжая къ городку, называемому Сдунн, версты за полторы отъ онаго, увидѣли мы, что весь народъ высиналъ на встрѣчу государя. Старшины и чиновники въ мундирахъ; а прочіе составили изъ себя разныя толпы, изъ коихъ каждая особеннымъ отъ другой образомъ приготовилась изъявить намъ свою о прибытіи нашемъ радость: нѣкоторые въ разноцвѣтномъ платьѣ, съ турбанами на головахъ, ѣхали верхами; другіе шли пѣшкомъ, неся на шестахъ балдахины; нѣкоторые, одѣтые скороходами, бѣжали и хлопали бичами для очищенія дороги; нѣкоторые пороховыми хлопунками, замѣившими, пушечную пальбу, поздравляли наше прибытіе; нѣкоторые держали въ рукахъ обнаженныя шпаги съ воткнутыми на нихъ лимонами. Всѣ сии толпы, при проѣздѣ каждаго изъ насъ, кричали изо всей мочи ура! Передъ городомъ сдѣланы были торжественныя врата съ надписью: „Des Allmächtigen Hand schütze dich (т. е. рука Всемогущаго да защититъ тебя). По обѣимъ сторонамъ оныхъ, стояли въ бѣлыхъ одѣяніяхъ 50 или 60 дѣвицъ съ гирляндами, корзинками и цвѣтами. Государь ѣхалъ верхомъ; и какъ скоро появился онъ за воротами, то поднялся колокольный звонъ и безпрестанныя восклицанія. Весь, встрѣчавшій насъ и ожидавшій внутри города, народъ побѣжалъ за нимъ съ крикомъ, хлопаньемъ и всякимъ изъявленіемъ восторга своего. На улицѣ, по которой мы ѣхали, стоялъ столбъ съ указательною рукою, на которой было написано— Alexander's Strasse (т. е. Александрова улица). Въ городѣ, когда государь

ховъ союзниковъ. Что должны были почувствовать въ этотъ незабвенный моментъ Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ! со слезами счастья обняли они другъ друга. Король могъ говорить лишь о томъ чувствѣ беззавѣтной дружбы, которое питалъ онъ къ императору Александру; Александръ повторилъ слова, выраженные имъ уже въ письмѣ, скорѣе умереть, нежели оставить друга. Оба монарха соединились въ одномъ великомъ и святомъ чувствѣ твердаго упованія на милость Всевышняго.

Императоръ и король продолжали слѣдовать къ Бреславилю, сначала въ одномъ экипажѣ, погруженные въ интимную бесѣду, но восторженные клики несмѣтной массы народа, возрастающей съ каждою минутою, тѣснившейся вокругъ экипажа, мѣшали имъ отдаваться всецѣло самимъ себѣ. За полъ-мили отъ города монархи вышли изъ коляски и продолжали дальнѣйшій путь верхами. Войска, разставленные по обѣимъ сторонамъ дороги, встрѣчали своихъ повелителей громовымъ „ура“. Стѣсненіе народа было такъ велико, что государи и ихъ свита могли подвигаться впередъ лишь шагъ за шагомъ. Наступили уже сумерки, когда торжественное

сошелъ съ лошади, говорили ему рѣчь, поднесли стихи и просили войти въ домъ. Хозяйки, богато разряженныя, встрѣтили его у крыльца. Подали тотчасъ на серебрянныхъ подносахъ чай, кофе, шоколадъ и гобель-мобель. Въ другой комнатѣ накрытъ былъ столъ. Просили государя позавтракать, но онъ не остался; и мы всѣ уѣхали за нимъ, не смотря на усиленную просьбу хозяекъ, убѣждавшихъ насъ остаться и хоть не много покушать. Черезъ два часа прѣѣхали мы въ мѣстечко Милитцъ. Здѣсь нашли прекрасный домъ и садъ графа Мользама, осмидесятилѣтняго старика, но еще здороваго и свѣжаго, который нашу аннинскую ленту, надѣтую на него Петромъ Третьимъ, носилъ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ. Вечеру садъ его, гдѣ видѣли мы и анстовъ, и лебедей, и орловъ, и оленей, и дикихъ козъ или сернь, былъ иллюминированъ, и такъ хорошо, что могъ назваться образчикомъ петергофскаго праздника. На торжественныхъ воротахъ, при входѣ въ оный, написано было съ одной стороны: *Der Deutsche dem Russen* (нѣмецъ русскому), а съ другой: *Gott mit dir* (съ тобою Богъ). Восхищенія, радости и привязанности къ намъ народной невозможно описать. Повсюду, гдѣ только идешь, мужчины и женщины смотрятъ тебѣ въ глаза, и поклонами, и веселымъ лицомъ стараются изъяснить удовольствіе, что тебя видятъ. Иныхъ словъ не слышишь, какъ: избавители наши, снимающіе съ насъ самыя тяжелыя оковы. Признаюсь, что при подобныхъ привѣтствіяхъ часто на глазахъ моихъ наворачивались слезы радости и удовольствія“. Записки Т. I, стр. 185—186.

шествіе достигло Бреславля. Всѣ улицы города были залиты потоками свѣта. Звонъ колоколовъ, пушечные выстрѣлы, крики народа и войска сливались въ одинъ безконечный, потрясающій окрестности гулъ. Среди ежеминутно возростающаго энтузіазма братья монархи достигли королевскаго дворца.

Императоръ Александръ остался вѣренъ себѣ и въ эту торжественную минуту. Какъ въ Вильнѣ, такъ и въ Бреславлѣ онъ не отдался всецѣло тѣмъ радостнымъ, возвышающимъ до самозабвенія душу обыкновеннаго смертнаго, чувствамъ, кои должны были пробудиться въ немъ при видѣ того энтузіазма, того обожанія, съ которыми встрѣчалъ его цѣлый народъ. Любовь къ ближнему, память о страждущихъ была и теперь первымъ и сильнѣйшимъ движеніемъ его души. Тотчасъ-же по прибытіи въ Бреславль, императоръ спросилъ о Штейнѣ и выразилъ желаніе посѣтить немедленно-же своего сподвижника и друга. Штейнъ провелъ въ Бреславлѣ тяжелые дни. Лихорадка, томившая его въ Калингѣ, не замедлила перейти въ нервную горячку. Болѣзнь возрастала въ теченіе нѣсколькихъ дней и приняла, наконецъ, самый опасный оборотъ. Хотя Штейнъ былъ въ глазахъ всѣхъ оффиціальныхъ сферъ чуть не опальнымъ лицомъ, хотя самъ король не справлялся ни разу объ его здоровьѣ, хотя канцлеръ Гарденбергъ смотрѣлъ на Штейна съ крайнимъ недовѣріемъ, опасаясь, чтобы великій изгнанникъ не вступилъ вновь въ королевскую прусскую службу ¹⁾, хотя, наконецъ, всѣмъ придворнымъ запрещены были сношенія съ Штейномъ ²⁾, по симпатіи населенія и даже самыхъ высокопоставленныхъ лицъ къ великому патріоту насильственно вырвались наружу, вопреки всѣмъ внушеніямъ и предупрежденіямъ. Первѣйшіе медицинскіе знаменитости тогдашней Пруссіи, Гүфеландъ и Вибель пользовали Штейна, молодые врачи дежурили у его постели; принцесса Вильгельма посылала ему ежедневно бульонъ изъ своей кухни; принцъ Вильгельмъ, принцъ Августъ, генералы Блюхеръ и Шарнгорстъ посѣщали его почти

1) Гарденбергъ занялъ мѣсто канцлера и перваго министра послѣ выхода въ отставку Штейна.

2) Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 310.

ежедневно, президентъ Меркель и другіе высшіе чиновники оказывали ему всевозможное вниманіе и любезности. Мало по-малу болѣзнь начала принимать благопріятный оборотъ, опасность миновалась.

Никто изъ друзей Штейна не рѣшался увѣдомить супругу его, проживавшую въ Прагѣ, объ его отчаянномъ положеніи. Не получая долгое время писемъ, баронесса Штейнъ, сильно любившая своего мужа, томилась въ неизвѣстности. Вдругъ она узнаетъ случайно отъ проѣзжаго курьера объ опасной болѣзни супруга. Не теряя ни минуты времени, захвативъ съ собою лишь самое необходимое, она пустилась въ дорогу съ своими малолѣтними дочерьми. Не смотря на страшный холодъ, на убійственныя дороги, она ѣхала день и ночь безъ остановки, пока не достигла Бреславля. Боясь не застать мужа въ живыхъ, не зная его квартиры, она заѣхала сначала къ Меркелю. Ея радость не знала предѣловъ, когда она услышала, что здоровье Штейна поправляется, что онъ можетъ принять ее немедленно. Послѣ девятимѣсячной разлуки, послѣ такихъ великихъ и потрясающихъ событій, многострадальный изгнанникъ могъ, наконецъ, обнять со слезами радости своихъ близкихъ, могъ лично передать имъ свою твердую надежду на скорое воскресеніе отечества ¹⁾.

Императоръ Александръ, еще до прибытія въ Бреславль, освѣдомлялся съ безпокойствомъ о здоровьѣ Штейна. Потерять такого незамѣнимаго для него человека, и потерять въ такую минуту, было-бы для него великимъ несчастіемъ. Онъ не хотѣлъ допустить, чтобы Провидѣніе подвергло его такому новому, тяжелому испытанію. Заботливые разспросы императора о здоровьѣ барона дошли до оффиціальныхъ прусскихъ сферъ и онъ вдругъ поняли, какъ безтактно вели онъ себя до сихъ поръ по отношенію къ уполномоченному и другу русскаго императора. Теперь онъ спѣшили поправить свою оплошность. Штейну отведено было, наконецъ, вмѣсто чердака болѣе удобное и приличное помещеніе. На другой-же день, по пріѣздѣ своемъ въ Бреславль,

¹⁾ Перць, Stein's Leben, Т. III, стр. 310.

Александръ поспѣшилъ къ Штейну. Баронъ былъ еще такъ слабъ, что могъ встрѣтить государя лишь посреди своей комнаты. Александръ обнялъ его съ радостными слезами и усадилъ его возлѣ себя. Нѣсколько часовъ провели они въ уединенной дружеской бесѣдѣ. Пожелавъ барону возможно скорѣйшаго, полного выздоровленія, императоръ вышелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ привѣтствовала его съ дѣтьми баронесса Штейнъ. Онъ бесѣдовалъ съ своею обычною, чарующею любезностью съ баронессою, обласкалъ ея дочерей и обратилъ вниманіе на ихъ большое сходство съ отцомъ.

Посѣщеніе Штейна русскимъ императоромъ было настоящимъ событіемъ. Дальнѣйшая опала утратила теперь всякій смыслъ. Весь дворъ, всѣ официальныя сферы мгновенно измѣнили свое поведеніе. Любезностямъ, визитамъ, справкамъ о здоровьѣ—не было и конца. Штейну положительно не давали покою. Являлись даже такія лица, которыя могли рассчитывать лишь на самый сухой пріемъ ¹⁾.

Что значили, однако-же, подобныя частныя проявленія хотя и возвышенныхъ чувствъ въ сравненіи съ тою великою борьбою, къ которой напрягались теперь силы цѣлаго міра. Какъ въ началѣ 1812 года, такъ и теперь вся Европа раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря, по положеніе дѣлъ было теперь, повидимому, нѣсколько иное, нежели тогда. На сторонѣ праваго дѣла были, казалось, большія вѣроятности успѣха. Но ожиданія Александра не оправдались въ двухъ чрезвычайно важныхъ отношеніяхъ. Франція не смотря на все свое истощеніе и глухое недовольство, покорно продолжала повиноваться мановеніямъ своего властелина. Населеніе главнѣйшихъ городовъ имперіи, руководимое своими префектами, спѣшило прислать императору адреса съ заявленіями безграничной преданности и готовности къ новымъ пожертвованіямъ. Не только старо-французскіе города, какъ на примѣръ, Парижъ и Ліонъ, но и города завоеванныхъ странъ, какъ на примѣръ: Римъ, Миланъ, Венеція, Брюссель, Антверпенъ, Амстердамъ, Майнцъ, Кельнъ при-

¹⁾ Перцъ, Stein's Leben T. III, стр. 309—311.

няли участіе въ этихъ манифестаціяхъ. Чтобы громкіе адреса и заявленія не остались одними словами, — объ этомъ заботилась императорская администрація, работавшая, какъ превосходно устроенная и заведенная машина. Еще 12 января 1813 года французскій сенатъ постановилъ выставить, кромѣ конскрипціи 1813 г. 100,000 ч. перваго призыва національной гвардіи, 100,000 конскриптовъ 1809, 1810, 1811 и 1812 г.г., и 150,000 конскрипціи 1814 г., что составляло въ совокупности до полумилліона солдатъ. По объявленіи же войны Пруссіею, сенатъ постановилъ усилить армію еще ста восьмидесятью тысячами человѣкъ. Въ составъ этого послѣдняго контингента входили 80,000 перваго призыва національной гвардіи, 90,000 конскриптовъ 1814 г. и 10,000 ч. почетной гвардейской кавалеріи, набранныхъ волею или неволею изъ знатной французской молодежи. Наполеонъ не ограничился одними этими мѣрами. Независимо отъ призыва части войска изъ Испаніи, онъ старался усилить и иными способами армію свои въ Германіи. Изъ Италіи онъ вытребовалъ 30,000 ч., на укомплектованіе пѣхоты и артиллеріи онъ вызвалъ въ армію большую часть морскихъ капопировъ и флотскихъ экипажей, всего около 30,000 ч.; 3,000 жандармовъ должны были составить кадры для формировація кавалерійскихъ полковъ. Масса лошадей приобрѣтена была въ Германіи и Франціи частью за деньги, частью путемъ реквизиціи. Благодаря всѣмъ этимъ чрезвычайнымъ мѣропріятіямъ, Наполеонъ имѣлъ полное основаніе надѣяться, что число вооруженныхъ силъ его достигнетъ при открытіи кампаніи до 800,000 пѣхоты, 100,000 кавалеріи, 100,000 артиллеріи и техническихъ войскъ ¹⁾.

Разсчеты Александра оказались невѣрными и въ другомъ отношеніи. Вассалы Наполеона остались ему вѣрны и послѣ катастрофы. Не одни только братья, родственники и слуги Наполеона, явившіеся на престолахъ по его мановенію, и хорошо сознавшіе, что судьба ихъ связана неразрывно съ судьбою императора, поспѣшили двинуть свои контингенты

¹⁾ О вооруженіяхъ и приготовленіяхъ Наполеона см. между прочимъ Монитеръ за январь, февраль, мартъ и апрѣль 1813 г. Thiers XV, стр. 279—295.

на помощь императору; точно также поступили и тѣ члены Рейнскаго союза, которые принадлежали къ числу старинныхъ династій. Баварія, Виртембергъ, Баденъ напрягали послѣднія свои силы для оказанія помощи Наполеону. Нѣмецкіе князья, чуждые совершенно національному духу, рассчитывали и теперь, что военный геній Наполеона и его колоссальныя средства восторжествуютъ надъ одушевленіемъ русскихъ и пруссаковъ ¹⁾.

Не смотря на эти не сбывшіяся надежды Александра, полагавшаго, что Франція не въ состояніи будетъ дать Наполеону новыхъ средствъ для продолженія борьбы и что большинство его союзниковъ поспѣшнѣе отложится отъ него, Россія все-же находилась теперь въ несравненно лучшемъ положеніи нежели въ началѣ кампаніи 1812 года. Ея дѣйствующія силы въ Германіи пополнялись непрерывно присылкою свѣжихъ войскъ изъ резервной арміи, а вооруженія Пруссіи принимали съ каждымъ днемъ все болѣе грандіозныя размѣры. Англія вступила въ тѣсный союзъ съ Россіею и Пруссіею и обязывалась уплачивать имъ весьма значительныя субсидіи; Швеція, не смотря на всѣ усилія наполеоновской дипломатіи, осталась вѣрна обѣщаніямъ, даннымъ Бернадотомъ въ Або и собиралась высадить свои войска въ сѣверной Германіи. Австрія не трогалась пока съ мѣста, но для союзниковъ было очень важно уже то, что они могли рассчитывать съ полнымъ основаніемъ на нейтралитетъ этой державы.

Всѣ эти политическіе расчеты, какъ ни велико было само по себѣ ихъ значеніе, не могли, однако-же, доставить союзникамъ перевѣса надъ Наполеономъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. Не трудно было предвидѣть, что численное превосходство окажется, по крайней мѣрѣ, въ началѣ кампаніи на сторонѣ французовъ; что они будутъ располагать боль-

¹⁾ Въ воззваніи, обнародованномъ 13 марта въ Калишѣ отъ имени кн. Кутузова, союзники заявляли свое твердое намѣреніе возстановить политическую самостоятельность владѣтелей и народовъ Германіи, но грозили въ то-же время тѣмъ изъ государей, которые вѣроломно измѣнили-бы общему отечеству, низложеніемъ. Вѣра въ непобѣдимость Наполеона была однако-же такъ сильна, что ни одинъ изъ нѣмецкихъ князей не рѣшился измѣнить французскому императору.

шими массами и, что на ихъ сторонѣ будутъ все матеріальныя и чисто военныя преимущества. За то все преимущества нравственныя были на сторонѣ Россіи и Пруссіи. Могучій народный духъ, проявившійся впервые въ Испаніи, охватившій потомъ Россію, началъ распространяться теперь и въ Пруссіи. Наполеонъ продолжалъ говорить съ презрѣніемъ объ этомъ страшномъ для него духѣ, но онъ говорилъ уже неискренно, онъ видимо старался обманывать себя и другихъ. Попрежнему, продолжалъ онъ сваливать всю вину за свои неудачи на негостепримный климатъ Россіи и отваживался утверждать, что русскій народъ и даже русская армія были совершенно невинны въ его несчастіяхъ. Онъ возвѣщалъ неустанно, что пожаръ Москвы былъ неслыханнымъ варварствомъ со стороны русскихъ и не хотѣлъ видѣть въ немъ грознаго проявленія національно-религіознаго воодушевленія народа, затронутого въ своихъ священнѣйшихъ интересахъ, не останавливающагося ни передъ какими жертвами. Какъ передъ началомъ своихъ прежнихъ войнъ, такъ и теперь Наполеонъ старался показать всему свѣту, что онъ преисполненъ прежнимъ гордымъ сознаніемъ своего неизмѣримаго превосходства, что онъ относится къ своимъ жалкимъ противникамъ съ такимъ-же чувствомъ полнѣйшаго презрѣнія, какъ и прежде. Демоническія силы окончательно завладѣли его душою. Пусть полагаются его противники на сверхъестественную помощь Провидѣнія, пусть они ищутъ силы и спасенія у алтаря христіанскаго Бога; онъ не нуждается въ этой помощи; онъ сынъ революціи, низвергшей въ прахъ знаменія христіанства, почерпаетъ неисчислимыя силы въ своей собственной груди, въ неисчерпаемой сокровищницѣ своего генія. Но и онъ, наслѣдникъ революціи, чуждый вѣры, не чуждъ суевѣрія. Онъ вѣритъ въ свою судьбу, онъ убѣжденъ, что звѣзда его не померкнетъ, что она вновь поведетъ его отъ побѣды къ побѣдѣ. Но онъ впадаетъ, самъ не замѣчая того, въ страшное противорѣчіе съ самимъ собою. Онъ замѣчаетъ, что на этотъ разъ противъ него ополчаются не кабинеты, а цѣлыя народы, онъ слышитъ, что его враги идутъ на него во имя свободы и человѣчества, т. е.

тѣхъ самыхъ идей, защитникомъ которыхъ выдавалъ онъ самъ себя. Теперь онъ не задумывается осудить и эти идеи. Варвары, говоритъ онъ своимъ нѣмецкимъ солдатамъ, монголы, пришедшіе изъ глубины Азіи, соединились съ якобинцами, революціонерами и измѣнниками образованной Европы, и собираются сокрушить европейскую цивилизацію. Мы должны наказать примѣрнымъ образомъ этихъ безчестныхъ негодяевъ; мы должны загнать обратно этихъ скифовъ въ ихъ снѣжныя пустыни. Можетъ-ли быть сомнѣніе въ успѣхѣ нашего праваго дѣла ¹⁾

Великая борьба началась! Первые военныя дѣйствія оправдывали, повидимому, самоувѣренность и надежды Наполеона. Онъ дѣйствовалъ быстрѣе своихъ противниковъ, а численный перевѣсъ былъ повсюду на его сторонѣ. Уже въ самомъ началѣ кампаніи русскіе отряды, перешедшіе чрезъ нижнюю Эльбу, принуждены были отступить обратно за рѣку передъ напоромъ громаднхъ непріятельскихъ массъ ²⁾ и другіе ганзейскіе города, только что освобожденные русскими, подверглись страшному возмездію со стороны грубыхъ и безпощадныхъ французскихъ генераловъ.

В. Мадлеръ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Послѣ Люценской битвы Наполеонъ такъ говорилъ своимъ войскамъ: „Татары, сжегшіе Москву, пришли въ Германію; къ нимъ примкнуло все, что есть дурнаго въ Германіи, Франціи, Италиі. Эти перебѣжчики проповѣдуютъ бунтъ, беззаконіе, гражданскую войну, убійство. Апостолы всевозможныхъ преступленийъ они селятся воспламенить нравственный пожаръ между Вислою и Рейномъ и создать, по обычаю варварскихъ народовъ, пустыни между собою и нами“. Штейнъ казался Наполеону главою всѣхъ революціонеровъ и разбойниковъ. „Извѣстный Штейнъ“, писалъ онъ въ Монетерѣ, „сдѣлался предметомъ презрѣнія для всѣхъ честныхъ людей. Онъ хотѣлъ поднять чернь противъ собственниковъ. Всѣ не могутъ прійти въ себя отъ изумленія, какъ могутъ государи, подобныя королю прусскому и въ особенности императору Александру, одаренному отъ природы столькими прекрасными качествами, содѣйствовать своимъ именемъ такимъ преступнымъ и ужаснымъ планамъ“. См. Церцъ, Stein's Leben, Т. III, стр. 363.

²⁾ Гамбургъ былъ взятъ французами за нѣсколько дней до перемирія. Французы наложили на городъ контрибуцію въ 48 милліоновъ франковъ и заставляли жителей работать на укрѣпленія. На небольшой городъ Любекъ наложена была контрибуція въ 2½ милліона.

СПИРИТИЗМЪ.

(Продолженіе *).

II.

По словамъ одного нѣмецкаго ученаго *Христофора Блюмгардта*, около 1848 года, спиритизмъ, при посредствѣ Петербурга, былъ занесенъ въ Европу изъ средней Азіи, по всей вѣроятности, отъ шамановъ. Извѣстіе это не заслуживаетъ, впрочемъ, серьезнаго вниманія. Въ немъ вѣрно только то, что спиритизмъ вообще имѣетъ языческое происхожденіе, и что въ древности онъ былъ довольно распространенъ между индійцами. Въ 40-хъ-же и 50-хъ годахъ въ Индіи онъ былъ уже почти забытъ, пока американецъ *Олькотъ* снова не распространилъ его тамъ, основавъ „теософское общество“, въ которомъ онъ и дѣйствовалъ въ качествѣ его предсѣдателя и гіерофанта. Петербургъ не только не былъ проводникомъ спиритизма въ Западную Европу, но совершенно наоборотъ самъ заимствовалъ тогдашнее спиритистическое ученіе именно отъ Западной Европы и въ частности отъ Франціи. Истинною родиною спиритизма 40-хъ и 50-хъ годовъ нашего столѣтія несомнѣнно слѣдуетъ считать Сѣверную Америку, гдѣ уже около половины сороковыхъ годовъ въ самомъ Нью-Йоркскомъ штатѣ мы встрѣчаемъ вполне организованный культъ предсказывающихъ и стучащихъ духовъ. Изъ Америки-же, только 8 или 10 лѣтъ спустя послѣ своего появлені-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 года № 17.

ніа, онъ нашель себѣ путь въ Европу—Францію, Англію, Германію, Испанію и даже Россію. Къ этому-же времени должно относить появленіе въ домахъ русскихъ людей и небольшихъ кругленькихъ столиковъ.

Истиннымъ основателемъ, первымъ серьезнымъ писателемъ и „пророкомъ“ этого американскаго спиритизма, по всей справедливости, слѣдуетъ считать не ученаго какого-нибудь или профессора, а простого сельскаго парня, взрослога почти безъ всякаго школьнаго образованія, сына одного бѣднаго ремесленника, который прокармливалъ себя и свою семью лишь тѣмъ, что починялъ старыя, поношенныя башмаки. Будучи еще мальчикомъ, *Андрей Яксонъ Дави* (Andrew Jackson Davis), такъ звали основателя американскаго спиритизма, пася скотъ своего отца въ глухомъ, отдаленномъ и уединенномъ полѣ, самъ не сознавая того, невольнo вступилъ въ таинственное сношеніе съ невидимыми духами. Затѣмъ, такіе случаи стали повторяться чаще и чаще. Слухъ о новомъ „духовидцѣ“ сталъ распространяться по окрестнымъ поселкамъ. Начали говорить о немъ много неслыханныхъ вещей. Между тѣмъ семнадцатилѣтній *Дави* случайно свелъ знакомство съ однимъ ловкимъ портнымъ, по имени *Левингстономъ*, по убѣжденіямъ месмеристомъ, который былъ довольно знакомъ съ тогдашнею теоріею сомнамбулистическихъ явленій и магнетизерствомъ. *Левингстонъ* сталъ производить надъ нимъ опыты магнетизированія, которые къ необычному его удовольствію выходили всегда весьма удачными. Эти опыты производились сначала наединѣ, а потомъ и въ присутствіи многочисленной публики, на которую особенное впечатлѣніе производили предсказанія новаго медиума. Какъ истинные американцы, магнетизеръ и его медиумъ вскорѣ-же увидѣли возможность извлекать большую пользу изъ своего обладанія недоступными для другихъ тайнами и обратили свои занятія въ предпріятіе чисто коммерческое. Бесплатныя предсказанія были оставлены; молодой ясновидецъ занялся медицинскою практикою. За приличный гонораръ—пять долларовъ съ каждаго приходящаго больного за одинъ визитъ онъ опредѣлялъ свойство болѣзни и указывалъ средства для ея

излѣченія. Впрочемъ, въ глухой провинціи практика такого рода не могла имѣть слишкомъ обширныхъ размѣровъ. Вотъ почему, около 1846 года, молодой, 20-тилѣтній медиумъ рѣшился переселиться въ самый Нью-Йоркъ, гдѣ уже дѣло пошло совершенно иначе. Кромѣ пользованія больныхъ, молодой медиумъ расширилъ свою дѣятельность и въ другихъ сферахъ: сталъ сообщать различныя откровенія относительно религіозныхъ, физическихъ, математическихъ и другихъ ученыхъ предметахъ. Этотъ переходъ отъ ненаучнаго къ научному занятію, сдѣланный американскимъ спиритизмомъ, *Дави* называлъ переходомъ отъ „clairvoyance“ къ „clairscience“, утверждая, что *ясновидящій* не можетъ не быть въ тоже время и человекомъ *яснознающимъ*. Съ этого-то именно момента вторженія спиритизма въ религіозную и научную области, спириты начинаютъ превозноситься своимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ развитію строгой науки въ ущербъ слѣпой вѣры. Спиритъ, уже по одному тому что онъ спиритъ, есть вмѣстѣ и компетентный ученый, хотя-бы онъ не получилъ никакого школьнаго образованія. Никакой школы, никакого школьнаго обученія для спирита не существуетъ, и даже не должно существовать. Онъ всегда пользуется уроками наилучшихъ профессоровъ, обитающихъ по ту сторону гроба, которые и сообщаютъ ему всевозможныя познанія. Доказательство на лицо. *Дави*, первоначально совершенно необразованный, не получившій никакого школьнаго образованія, сразу становится знаменитымъ писателемъ. Проживая въ Нью-Йоркѣ, онъ издалъ въ свѣтъ двѣ довольно объемистыхъ книги своего сочиненія подъ заглавіемъ „Принципы природы“, которыя встрѣтили къ себѣ сочувствіе въ самомъ ученомъ мірѣ, разошлись въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, выдержали множество изданій и были переведены на многіе европейскіе языки. Слава новаго медиума возростала съ каждымъ днемъ, и быстро распространялась какъ въ новомъ, такъ и въ старомъ свѣтѣ. Среди американцевъ увлеченіе дошло до положительнаго безумія, оглупѣнія. На мѣстѣ родины новаго спиритистическаго медиума былъ построенъ величественный „храмъ“, такъ называемый „Пан-

теонъ Успѣха“, въ галлерейхъ котораго въ странной смѣси были разставлены статуи Браммы, Будды, Моисея, Иисуса (!), Павла, Лютера, Сведенборга, Анны Лее и др., какъ предметы удостоенныя спиритистическаго богопочитанія!... Когда говоришь объ этомъ, на умъ невольно приходятъ слова великаго апостола Павла относительно древнихъ идолопоклонниковъ: „и какъ они не заботились имѣть Бога въ разумѣ, то предалъ ихъ Богъ превратному уму, дѣлать непотребства... Они знаютъ праведный судъ Божій, что дѣлающіе такія дѣла достойны смерти; однако не только ихъ дѣлаютъ, но и дѣлающихъ одобряютъ“... (Рим. 1, 28, 32).

Въ 1848 году, совершенно независимо отъ этого Нью-Йорскаго медіума—пророка, является въ Америкѣ еще новыи медіумъ—нѣкто *Фоксъ* съ своею женою и двумя дочерьми, изъ которыхъ старшей было 14, а младшей—12 лѣтъ; вскорѣ къ нимъ присоединяется еще и г-жа *Фишъ* (Fish). Компанія эта уже открываетъ новыя тайны изъ міра духовъ и указываетъ совершенно новый способъ для вступленія съ ними въ личныя сношенія. Являются на сцену „стучащіе“ духи и несовершеннолѣтнія дѣвушки первыя вступаютъ съ ними въ сношенія. Измышляется „стучащій оракулъ“, которому предлагаются всякаго рода устные вопросы и получаютъ подлежащія отвѣты. Духи оставили свой загробный міръ и разбрелись по всей Сѣверной Америкѣ, поселившись въ домахъ частныхъ лицъ, въ ихъ шкафахъ, камодахъ, стульяхъ, преимущественно-же въ столахъ. Вотъ какъ представляется у *Фигель* ¹⁾ происхожденіе этого новаго спиритистическаго оракула „стучащихъ духовъ“.

Въ 1846 г., въ Кантонѣ Acadie, въ графствѣ Wagne, въ селеніи Hydenville, нѣкто Michel Weckman ни съ того, ни съ сего, сталъ слышать по вечерамъ стукъ въ наружныя двери своего дома. Онъ выходилъ на стукъ, отворялъ двери, осматривалъ, и ни кого не находилъ за ними, подстерегалъ, и ничего не замѣчалъ. Такъ продолжалось довольно долго. Безпокоймый жилецъ дома мало по малу привыкъ къ

¹⁾ Хр. Чт. 1866. ч. II. стр. 55.

страннымъ и, повидимому, безпричиннымъ, часто повторявшимся стукамъ, и пересталъ обращать вниманіе на нихъ. Но начавшееся, спустя нѣсколько времени, движеніе и перемѣщеніе мебели въ домѣ, безъ всякаго видимаго чьего нибудь участія, подъ вліяніемъ лишь какой-то скрытой силы, навело страхъ на Weckman'a съ его семействомъ, и онъ оставилъ домъ, не разглашая о происходившихъ въ немъ странностяхъ. Домъ этотъ заняла фамилія Fox. Странныя явленія въ домѣ продолжались и при новыхъ жильцахъ, и были слышимы и видимы сначала двумя только молодыми дѣвками, изъ поселившагося въ немъ семейства, Катериною (14 л.) и Маргаритою (12 л.) Fox, и именно въ то время, когда дѣвочки одна отходили ко сну въ свою комнату. Сдѣлавши участницей секрета мать свою, они вмѣстѣ съ нею скоро освоились съ невидимыми и докучливыми нарушителями ночнаго покоя ихъ. Не находя какихъ нибудь естественныхъ причинъ къ объясненію того, что видѣли и слышали, и подъ вліяніемъ подстрекавшаго ихъ любопытства, въ одну ночь въ мартѣ 1848 года, m-me Fox осмѣлилась обратиться съ вопросами къ стѣнѣ, гдѣ казалось избрали помѣщеніе невидимые гости. „Кѣмъ производится этотъ стукъ?“ былъ сдѣланъ вопросъ. Отвѣта не послѣдовало никакого. „Живымъ-ли лицомъ?“—продолжали спрашивать. Отвѣта не было опять. „Или умершимъ?“—послышался одинъ ударъ. „Несчастный это духъ?“—опять одинъ ударъ. „Несчастенъ онъ за себя или за свое семейство?“—Молчаніе. „Сколько лѣтъ моей старшей дочери?“—спросила мать дѣвочки.—Четырнадцать ударовъ. „А младшей?“—двѣнадцать ударовъ. Число ударовъ дѣйствительно съ точностію соответствовало годамъ обѣихъ сестеръ. Послѣ этого духъ, при томъ-же способѣ бесѣды, открылъ свое имя, равно какъ и то, что онъ былъ отцомъ многочисленнаго семейства, изъ котораго пять сыновей были живы еще и въ то время, и даже назвалъ человѣка, убившаго его пять лѣтъ тому назадъ въ этомъ-же самомъ домѣ. Странныя явленія, происходившія въ домѣ Fox, быстро оглашались, привлекали любопытныхъ, желавшихъ провѣрить ходившіе слухи и испытать на дѣлѣ диковинныя вещи. Яв-

ленія стали повторяться чаще и чаще, одни опыты вызывали другіе, и запросовъ на нихъ становилось все больше. Вопросы мало по-малу предлагались разнообразнѣе, и отвѣты получались удовлетворительнѣе; послѣдніе не ограничивались уже только однимъ стукомъ, въ знакъ утвержденія и молчаніемъ въ томъ случаѣ, когда вопросы были неопредѣленными и требовали довольно сложныхъ отвѣтовъ и когда въ вопросѣ не заключалось напередъ отвѣтной мысли, когда, словомъ, отвѣтъ долженъ быть больше и иначе, чѣмъ только *да* и *нѣтъ*. Мать Fox скоро сошла со сцены; вмѣсто нея къ двумъ сестрамъ Fox присоединилась третья—старшая сестра—Fish или, по второму мужу, Brown. Скоро сестры переселились въ Рочестеръ, въ домъ старшей сестры. Здѣсь было открыто уже публичное бюро „духосообщеній“, куда каждый могъ приходить и куда дѣйствительно стремилось множество любопытныхъ и жаждавшихъ разговора съ душами когда-то близкихъ и дорогихъ лицъ...

Еще болѣе замѣтный шагъ впередъ въ своемъ развитіи теоретическій и практическій спиритизмъ дѣлаетъ въ пятидесятихъ годахъ, когда д-ромъ Гуксе былъ изобрѣтенъ, такъ называемый „спиритоскопъ“, который спиритамъ, повидимому, долженъ былъ существенно облегчить сношеніе съ предсказывающими и стукащими духами. И дѣйствительно, двое дѣтей д-ра Гуксе, изъ которыхъ младшему было всего только пять мѣсяцевъ отъ роду, дѣйствовали этимъ сложнымъ аппаратомъ съ удивительною ловкостію и успѣхомъ; они быстро давали отвѣты духовъ на самые разнообразныя вопросы любопытствовавшихъ. Но при дальнѣйшемъ развитіи американскаго спиритизма оказалось недостаточнымъ и это средство. Ловкіе и изобрѣтательные американскіе медиумы довели свои медиумическія способности до такого совершенства, что сами духи приводили въ движеніе ихъ руки, находившіяся на чистой бумагѣ и державшія карандашъ, и такимъ образомъ заставляли ихъ *неволью* писать свои откровенія частію обычнымъ англійскимъ письмомъ, частію какими-то странными гіероглифами, частію, наконецъ, клинообразными знаками. Но и этотъ способъ сношенія съ духами

оказался недостаточнымъ. Явились еще психомантическіе ораторы, при посредствѣ которыхъ духи свободнѣе могли удовлетворять желаніямъ смертныхъ, называя себя разными именами. Такъ: самъ будто-бы апостолъ Павелъ внятно читалъ свои посланія съ обширными на нихъ комментаріями, евангелисты дополняли недосказанное въ ихъ письменныхъ евангеліяхъ и примирялись въ своихъ „противорѣчіяхъ“ и „разногласіяхъ“, отцы церкви вели свои бесѣды по истолкованію Св. Писанія, Сведенборгъ произносилъ разныя вдохновенныя рѣчи, Тома Кемпійскій читалъ отрывки изъ своихъ обширныхъ сочиненій, Шекспиръ, Байронъ, Шенье и другіе поэты превосходно декламировали свои прекрасныя произведенія и т. п.

Чтобы яснѣе представить только-что сказанное нами, мы считаемъ здѣсь необходимымъ остановить нѣсколько вниманіе своихъ читателей на тѣхъ способахъ, которыми спиритисты 40-хъ и 50-хъ годовъ достигали своего сношенія съ таинственнымъ міромъ невидимыхъ духовъ. Самымъ обыкновеннымъ и общераспространеннымъ способомъ сообщенія съ духами былъ *непосредственный медиумизмъ*, какъ мы находимъ его у основателя американскаго медиумизма—*Дави*, т. е. способъ, который является совершенно безсознательнымъ для самаго медиума и внушается ему непосредственно духами. Это непосредственное дѣйствіе на медиума со стороны духа у спиритовъ называется обыкновенно *интуиціей* или вдохновеніемъ, а способность воспринимать его—интуитивнымъ медиумизмомъ. Хотя способъ этотъ, повидимому и весьма распространенъ, но сами спириты согласны съ тѣмъ, что онъ не представляетъ намъ осязательныхъ данныхъ и не подтверждаетъ прямого дѣйствія духа, а потому и всегда легко можетъ быть приписанъ самой личности медиума. Вотъ почему и сами спириты-экспериментаторы не придаютъ этому способу сношенія съ духами никакого существеннаго значенія. Гораздо важнѣе поэтому тѣ реальныя или чисто объективныя проявленія, какими духъ даетъ о себѣ знать. Такимъ проявленіемъ прежде всего считается стукъ или ударъ о полъ ножкою стола. Но какимъ образомъ

посредствомъ стука, производимаго ножкою стола, возможно сношеніе человѣка съ таинственными существами загробнаго міра? Для этого между медиумами и спиритами были установлены извѣстные условные знаки; такъ, на примѣръ, одинъ ударъ означаетъ „да“, два удара „нѣтъ“, три удара, повторенные непрерывно, означаютъ желаніе духа объясниться по азбукѣ, а для этого кто-либо изъ присутствующихъ на сеансѣ громко читаетъ азбуку, причемъ духъ указываетъ требуемыя буквы, которыя должны составить слово. Удары производятся ножками качающагося стола, а стукъ бываетъ слышенъ въ столѣ, стѣнахъ и окружающихъ предметахъ, которые однакоже остаются при этомъ неподвижными. Скоро, впрочемъ, этотъ способъ сообщенія съ духами былъ найденъ крайне медленнымъ и неудобнымъ, а потому его и замѣнили письмомъ. Къ ножкѣ стола привязывали карандашъ, которымъ духъ и писалъ на подложенной подъ ножку стола бумагѣ. Такъ какъ лица, занимавшіяся такимъ столописаніемъ, думали, что это дѣйствительно пишутъ духи, т. е. души умершихъ—*ψυχαί*, то и самый способъ такого писанія стали обыкновенно называть *психографіею* (т. е. душеписаніемъ). Впослѣдствіи, для удобства, вмѣсто стола, съ этою-же цѣлью употребляли какой-либо подвижной предметъ, какъ, на примѣръ, дощечку, корзиночку или коробочку, и прикрѣпляли къ нему карандашъ, конецъ котораго слегка прикасался къ бумагѣ. Видъ, свойство и составъ употребляемаго предмета, по увѣренію спиритовъ, не имѣли при этомъ никакого значенія. Медиумъ прикасался къ этому предмету своими руками, послѣ чего карандашъ начиналъ двигаться, чертя буквы. Наконецъ, съ этою-же самою цѣлью былъ изобрѣтенъ и особый приспособленный аппаратъ, называвшійся *психографомъ*. Впрочемъ, спириты впослѣдствіи отказались и отъ этого способа, такъ какъ онъ, по ихъ мнѣнію, только усложняетъ дѣло. Явились медиумы, которые, держа карандашъ непосредственно въ своихъ рукахъ, получали отъ духовъ такія-же сообщенія, какъ и посредствомъ *психографа*, только съ большою быстротою и съ гораздо меньшимъ трудомъ. Такіе пишущіе

медіумы, бывшіе въ особенномъ распространеніи, по ученію спиритовъ, раздѣляются на два главныхъ вида сообразно съ двумя способами воздѣйствія на нихъ со стороны духовъ: 1) когда духъ дѣйствуетъ непосредственно на руку медіума, сообщая ей бессознательное движеніе; такой медіумъ назывался механически пишущимъ или просто механическимъ; 2) если-же духъ мозгу медіума сообщаетъ свою мысль, которую, воспринимая, медіумъ не признавалъ за свою, такой видъ медіумизма назывался интуитивнымъ или полумеханическимъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, какъ увидимъ ниже, медіумы были устранены отъ писанія совсѣмъ и стали писать самые духи. Кромѣ того, духи, помимо письма, начали передавать свои мысли внятными словами, которыя раздавались гдѣ-то въ воздухѣ или надъ самимъ ухомъ слушателей, при посредствѣ однако-же *гортани медіума*. Наконецъ, сообщенія съ духами стали совершаться посредствомъ рисованія, музыки и многихъ другихъ способовъ, о которыхъ мы будемъ говорить еще въ свое время. Не станемъ разсуждать о достоинствѣ этихъ способовъ; предоставляемъ вниманію самаго читателя сдѣлать заключеніе, насколько эти способы ручаются передъ нами за истинность и достовѣрность свѣдѣній, сообщаемыхъ будто-бы изъ загробнаго міра при посредствѣ медіумовъ.

Замѣчательно, — хотя это и совершенно въ духѣ американцевъ, что въ такомъ чудовищномъ движеніи, какимъ представляется намъ спиритизмъ 50-хъ годовъ текущаго столѣтія, въ Америкѣ принята горячее личное и непосредственное участіе многія истинно даровитыя и нравственно незапятнанныя личности, думая, какъ-бы увеличить добрую о себѣ славу тѣмъ, что въ качествѣ избранныхъ духовидцевъ и выдающихся медіумовъ отличались на тогдашнихъ спиритическихъ сеансахъ. Изъ множества подобныхъ лицъ особеннаго вниманія заслуживаютъ два представителя американскаго духовенства (Charles Hammond и Thomas L'Harris) въ Филадельфій и членъ высшаго судебнаго учрежденія въ Нью-Йоркѣ (John Worth Edmonds), который былъ сначала яркимъ противникомъ современнаго ему спиритизма, а потомъ ока-

заяся самъ побѣжденнымъ и считалъ себя пророчественнымъ орудіемъ духовъ многихъ умершихъ знатныхъ особъ и въ томъ числѣ *Генри Клая* (Henry Clay), который будто-бы и сказалъ ему: „братъ Эдмондъ, ты сдѣлаешь безкопечно больше добра спиритизмомъ, чѣмъ своею политикою“.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи приведенный примѣръ не единичный и не исключительный. Многие изъ критиковъ-испытателей, прежде скептически относившіеся къ новоявившейся „тайнѣ“ духосообщеній, послѣ испытанія и провѣрки ея явленій прямо и рѣшительно становились на сторону обезоружившихъ ихъ спиритовъ и побѣдившихъ ихъ таинственныхъ явленій, дѣлаясь затѣмъ жаркими и убѣжденными ревнителями-проповѣдниками перазоблаченной и непреоборимой для нихъ тайны. Расплодившіеся медиумы, весьма скоро наполнили собою всѣ главные города американскаго континента и положительно завладѣли общимъ вниманіемъ. Какъ велико въ это время было увлеченіе спиритизмомъ и какое гнетущее впечатлѣніе было имъ произведено на американское общество, можно видѣть изъ адреса, который въ началѣ пятидесятихъ годовъ (1850—1853) былъ поданъ въ законодательное собраніе сѣверо-американскаго союза за подписью четырнадцати тысячъ гражданъ, между которыми много было именъ пользовавшихся особеннымъ уваженіемъ въ странѣ. „Нижеподписавшіеся граждане республики Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, говорилось въ этомъ адресѣ,—почтительнѣйше представляютъ почтенному собранію, что въ нашей странѣ и почти во всѣхъ странахъ Европы, въ продолженіе очень немногаго времени, быстро распространились и продолжаютъ распространяться извѣстныя явленія — *phisiques es intellectuels* — начала сомнительнаго и стремленія таинственнаго. Явленія эти такъ размножились и усилились на сѣверѣ, въ центрѣ и на западѣ Соединенныхъ Штатовъ, что имъ живо и сильно занято теперь общественное вниманіе“. Далѣе въ адресѣ слѣдуетъ описаніе и характеристика явленій (*phénomènes*).

1) „Какая-то скрытая тайная сила передвигаетъ съ мѣста на мѣсто, поднимаетъ вверхъ и опускаетъ внизъ, дер-

жить на воздухѣ, или приводить въ сотрясеніе и другими разными способами измѣняетъ нормальное положеніе многихъ, даже тяжеловѣсныхъ предметовъ. Будучи, повидимому, въ своихъ обнаруженіяхъ въ прямомъ и совершенномъ противорѣчій съ естественными законами и превышая силы человѣческаго пониманія, эта сила обнаруживается на тысячахъ лицъ здравомыслящихъ и умныхъ, и человѣческой смыслъ до сихъ поръ еще не успѣлъ открыть первыхъ или хотя приблизительныхъ причинъ явленій, связанныхъ съ этою загадочною силою“.

2) „Искры и сіянія различныхъ формъ и перемѣнныхъ цвѣтовъ появляются въ темныхъ залахъ, гдѣ не находится ничего такого, что-бы способно было развить какое-либо химическое дѣйствіе и явленіе или произвести фосфорическое освѣщеніе, и гдѣ нѣтъ никакого прибора, могущаго возбудить электричество или произвести горѣніе“.

3) „Третій родъ явленій, на который податели адреса почтительнѣйше обращаютъ вниманіе собранія, составляютъ звуки, весьма часто и быстро повторяющіеся, до странности разнообразныя по характеру и болѣе или менѣе значительныя по силѣ. Звуки эти состоятъ отчасти въ какихъ-то таинственныхъ пристукиваніяхъ, свидѣтельствующихъ, повидимому, объ образномъ выраженіи въ нихъ какого-то смысла или разумнаго значенія. Кромѣ того, часто слышатся звуки, похожіе на тѣ, какіе раздаются въ разныхъ механическихъ мастерскихъ, или бываетъ слышенъ шумъ какъ-бы отъ вѣтра и бури, къ которому примѣшивается что-то похожее на скрипъ мачтъ и звуки на поверхности корабля, борющагося съ сильною бурей и поражаемаго крѣпкими ударами стремительныхъ волнъ. Иногда бываютъ громкіе удары, подобныя раскатамъ грома или залпамъ артиллеріи, и эти удары сопровождаются движеніемъ окружающихъ предметовъ, иногда колебаніемъ и сильнымъ сотрясеніемъ цѣлаго дома, гдѣ происходятъ явленія. Въ другихъ случаяхъ слышатся слухъ гармоничныя звуки, то какъ человѣческіе голоса, а чаще какъ аккорды многихъ музыкальныхъ инструментовъ: флейты, барабана, трубы, гитары, арфы и піано. Всѣ эти зву-

ки производится таинственно, и совместно и порознь, то вовсе безъ инструментовъ, то отъ сотрясенія и игры ихъ однихъ, безъ всякаго видимаго участія человѣческой руки или другаго какого дѣятеля. Образование этихъ звуковъ совершается, какъ кажется, по способамъ и законамъ извѣстнымъ въ акустикѣ. Происходятъ, очевидно, волнообразныя движенія въ воздухѣ, которыя ударяютъ въ слуховыя нервы и *въ стѣллицу чувствительности слуха*. Но начала этихъ атмосферическихъ сотрясеній и волненій не открываютъ объясненія самыхъ строгихъ наблюдателей“.

4) „Тѣлесныя и душевныя отправления человѣка отъ экзерцицій въ описываемыхъ явленіяхъ часто подвергаются страннымъ вліяніямъ; такъ что состояніе цѣлой животно-органической или душевной системы становится ненормальнымъ; и это происходитъ отъ причинъ, неопредѣленныхъ достаточно и понятно. Невидимая сила часто повреждаетъ нормальное по нашимъ понятіямъ отправление нашихъ способностей, прерываетъ чувствительность, останавливаетъ силу произвольнаго движенія, понижаетъ температуру членовъ и частей тѣла до холодности и трупнаго оцѣпененія. Иногда дыханіе задерживается совершенно въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ и цѣлыхъ дней, послѣ которыхъ силы духа и отправления тѣла возвращаютъ вполнѣ свой правильный ходъ. Можно утвердительно сказать, что въ многочисленныхъ случаяхъ явленія эти сопровождаются навсегда душевнымъ разстройствомъ и неизлѣчимыми тѣлесными болѣзнями; но не менѣе вѣрно то, что многія лица, страдавшія органическими недостатками и поврежденіями или застарѣлыми болѣзнями и, повидимому, неизлѣчимыя внезапно получали облегченіе и даже совершенно исцѣлялись силою того же таинственнаго дѣятеля“.

„Нельзя резонно отрицать, продолжаютъ податели адреса, чтобы разнообразныя явленія, о которыхъ говоримъ, не повели за собою важныхъ и продолжительныхъ послѣдствій, постепенно разстраивая физическое состояніе, умственныя отправления и нравственный характеръ *большей части* американскаго народа. Ясно, что эти скрытыя си-

лы оказываютъ вліянія на существенныя начала здоровья и жизни, мысли и поведенія, и по этому самому могутъ послужить къ измѣненію условій нашего существованія, къ измѣненію вѣры и философіи нашего времени, равно какъ и гражданскаго управленія“. (Хр. Чт. 1866 г. ч. II.) Въ заключеніе своего адреса граждане, высказывая свое безпокойство и невѣдѣніе, — что имъ думать, во что вѣрить и какъ вести себя, при возникшемъ и все болѣе и болѣе разливавшемся странномъ движеніи, просили или совѣта и правственной помощи себѣ для сопротивленія опасному и темному стремленію, или же напротивъ—законной авторизаціи для подчиненія ему вмѣстѣ съ другими...

Между тѣмъ спириты не дремали. Пропаганда совершалась весьма ревностно; устраивались спиритистическіе съѣзды или конгрессы, издавались адреса и манифесты. Спириты успѣли значительно отуманить головы большинства официальныхъ, вліятельныхъ лицъ; въ ихъ ряды вступили уже, по словамъ Фигье, какъ гражданскія, такъ и многія церковныя власти и управители...

Примѣру американцевъ не замедлили послѣдовать и европейцы. Восемь или десять лѣтъ спустя послѣ появленія спиритизма въ Америкѣ, почти одновременно какъ въ Англіи, такъ и во Франціи и Германіи быстро начало распространяться спиритистическое движеніе. По выраженію одного ученаго, едва первый медиумъ высадился въ Шотландію, какъ тотчасъ-же появилось ихъ десять въ Англіи и почти непосредственно нѣсколько сотъ въ Германіи, гдѣ въ то время не успѣли еще забыть имени Сведенборга, извѣстнаго духовызывателя и ясновидца. Особенно въ Англіи, этой странѣ всевозможныхъ сектъ и общинъ, спиритизмъ нашелъ для себя рыхлую, удобную почву. Но главнымъ центромъ европейскаго спиритизма въ половинѣ текущаго столѣтія сталъ однако-же не Лондонъ, а Парижъ. Нѣкто *Ипполитъ Лео Денисартъ Ривайль*, извѣстный, впрочемъ, болѣе по своему анониму *Аланъ Кардекъ* (Allan Kardec) основалъ здѣсь весьма многочисленную спиритистическую общину, которая въ теченіе двухъ десятилѣтій, т. е. до самой кончины Аланъ

Кардека, послѣдовавшей въ 1869 году, всегда слушала съ благоговѣніемъ своего „великаго оракула и пророка“. Алланъ Кардеку, вмѣстѣ съ двумя его преданнѣйшими послѣдователями и учениками Шапело и Грандомъ, первому принадлежитъ честь инициативы—дать спиритистическому ученію научную постановку, поддержать и защитить его отъ нападокъ и возраженій со стороны здраваго разума и провести его въ сознаніе современнаго ему европейскаго общества. Задача эта была, впрочемъ, для него далеко не подъ силу, такъ какъ въ дѣйствительности его спиритистическое ученіе не только не было обосновано истинно-научными данными, но представляло собою престранную смѣсь католическихъ догматовъ, раввинскихъ побасенокъ и позднѣйшихъ чисто натуралистическихъ спекуляцій. Такъ, вы можете въ немъ встрѣтить ученіе о переселеніи и предсуществованіи чело-вѣческихъ душъ, католическій догматъ о непорочномъ зачатіи Пресв. Дѣвы и т. п.

Въ духѣ и направленіи Алланъ Кардека дѣйствовалъ также и лифляндскій баронъ *Гюльденштубе* вмѣстѣ съ своими друзьями генераломъ *Бреверномъ* и графомъ *д'Урши*. Впрочемъ, послѣ того, какъ извѣстная американская „ясновидящая“ миссъ *д'Абнуръ*, родомъ изъ Новаго Орлеана, посвятила барона Гюльденштубе въ тайны метода вопропанія невидимыхъ духовъ непосредственно въ ихъ собственномъ мѣстопробываніи и научила его составлять такъ называемыя „американскія цѣпи“, онъ пошелъ дальше самаго Алланъ Кардека и на его сеансахъ скоро были достигнуты, по его увѣренію, удивительные результаты. Не будемъ говорить о различныхъ частныхъ манифестаціяхъ духовъ на сеансахъ барона Гюльденштубе; всѣ эти манифестаціи почти повсюду однѣ и тѣ-же. Но мы не можемъ не упомянуть объ одномъ великомъ спиритистическомъ открытіи, принадлежащемъ барону Гюльденштубе. Мы говоримъ о „феноменѣ непосредственнаго писанія самими духами“. Открытіе это было совершено 13-го августа 1856 года и это число въ спиритистическомъ кружкѣ барона Гюльденштубе считается самымъ достопримѣчательнѣйшимъ днемъ. Благодаря этому открытію

барона, мы узнаемъ, что духи загробнаго міра большіе охотники до писанья и медиумы напрасно такъ долго продолжали навязываться къ нимъ съ своими услугами. Наскучивъ вѣроятно своимъ бездѣйствіемъ въ загробномъ мірѣ, таинственные духи съ такою ревностію схватились за предложенный имъ карандашъ, что въ письменномъ столѣ барона, говорятъ, иногда не доставало даже и писчей бумаги. Одинъ духъ умѣлъ писать даже по-эстонски и въ его почеркѣ баронъ Гюльденштубе узналъ руку своего покойнаго отца, который съ нѣмецкаго на эстонскій языкъ перевелъ много богословскихъ сочиненій. Чтобы узнать, есть-ли дѣйствительно пишущій духъ—духъ истинный, за котораго онъ выдавалъ себя и за котораго принялъ его баронъ Гюльденштубе на основаніи его почерка, т. е. духъ его покойнаго отца, графъ д'Урше, руководствуясь словами апостола Іоанна Богослова (1 Іоан. 4, 1--3), потребовалъ отъ него, чтобы онъ непосредственнымъ своимъ писаніемъ далъ отвѣтъ на предложенный ему вопросъ: „исповѣдуетъ-ли онъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти?“ И что-же — шесть сдѣланныхъ попытокъ, оказались совершенно напрасными. И только въ годъ своей смерти около 11 часовъ вечера при ясномъ свѣтѣ горѣвшей свѣчи на вопросномъ листѣ духъ усопшаго отвѣчалъ: „Je confesse Jesus en chair“ (я исповѣдую воплощеніе Іисуса). Трудно, впрочемъ, и на основаніи этихъ словъ дѣлать заключеніе о достоинствѣ отвѣчавшаго духа. Какъ увидимъ ниже, сами спириты-экспериментаторы не исповѣдуютъ Іисуса Христа и Его воплощенія въ томъ смыслѣ, въ какомъ повѣствуютъ Евангелія и учитъ христіанская Церковь.

Изъ Европы спиритизмъ былъ, между прочимъ, занесенъ и къ намъ въ Россію, гдѣ онъ также нашелъ для себя немало самыхъ ревностныхъ приверженцевъ и послѣдователей, хотя и въ то время русское общество увлекалось спиритизмомъ, собственно говоря, больше изъ одного любопытства. Впрочемъ, русское общество обязано своимъ спиритистическимъ увлеченіемъ въ особенности замѣчательному въ своемъ родѣ чудодѣю—Юму. Личность эта довольно интересна; ея исторія показываетъ намъ, какъ и при какихъ условіяхъ,

внутреннихъ и внѣшнихъ, совершается образованіе и возможное видоизмѣненіе спирита. Даніилъ Дунгласъ Юмъ, родомъ изъ Единбурга, воспитывался въ Америкѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ, у своей тетки. Въ дѣтствѣ былъ слабого здоровья и нервнаго темперамента; рано обнаружилъ живое, увлекавшееся и болѣзненно-пылкое воображеніе, склонное къ сверхъестественному, къ страннымъ сказкамъ и суевѣріямъ. У него былъ сверстникъ и другъ Эдвинъ, также слабый и задумчивый. Оба съ увлеченіемъ толковали о привидѣніяхъ, о которыхъ слышались. По условію, заключенному между молодыми суевѣрами, Эдвинъ явился Юму чрезъ три дня послѣ своей смерти, когда этотъ былъ въ трехъ стахъ миляхъ отъ мѣста смерти и могилы друга. Такимъ образомъ въ 13 лѣтъ Юмъ былъ уже ясновидящимъ. По словамъ его, у него и мать была ясновидящая; она заранѣе предугнала о своей смерти и предупредила сына. Ей явилась умершая дочь ея, маленькая Мери, и, бросивши изъ руки одну за другой 4 лиліи, дала этимъ понять матери, что она умретъ чрезъ 4 мѣсяца. Юмъ, жившій у тетки, предчувствовалъ, что мать желаетъ его видѣть и въ то-же время получилъ отъ нея увѣдомленіе о явленіи сестры; но при смерти матери онъ не могъ быть по болѣзни, и былъ извѣщенъ о ея смерти видѣніемъ, получасомъ прежде телеграммы.

Америкою въ это время владѣли уже *духи*; тысячи медиумовъ обоого пола занимали вниманіе публики. Вотъ и въ комнатѣ племянника—Юма, повидимому, ни съ того ни съ сего, какъ казалось теткѣ, принялась трещать и ходить мебель, завертѣлись столы, стали слышны звуки. Почтенная воспитательница Юма скоро къ ужасу своему сообразила, что всѣ эти странности—дѣло нечистой силы, съ которою Юмъ вступилъ въ сношенія. Послѣ многихъ безуспѣшныхъ увѣщаній, преусердно дѣланныхъ племяннику, оставить недоброе занятіе и страшное сообщество, набожная и напуганная тетка нечаянно вбѣгала въ комнату, гдѣ творились чародѣйства, съ молитвою крестила вертящійся столъ, клала на него Библію, наконецъ, вскакивала и садилась на него сама и, къ большому ужасу и негодованію старухи, столъ

вертѣлся какъ будто-бы еще легче, быстрѣе и граціознѣе. Затѣмъ слѣдовало безуспѣшное увѣщаніе Юма тремя священниками разныхъ исповѣданій, которыхъ приглашала тет-ка. Слава объ Юмѣ скоро разошлась почти по всей Америкѣ. По словамъ самаго Юма, будто-бы день и ночь, осаждали его толпы посѣтителей разныхъ сословій, люди свѣтскіе и духовные, не ученые и ученые, священники и врачи, здоровые и больные. Между тѣмъ, вслѣдствіе разлада съ теткою и съ дѣлю спиритической пропаганды, Юмъ перенесъ свою практику въ Европу, объѣхалъ Англію, Италію, Францію, Голландію, Германію и Россію. Въ 1858 году онъ женился въ Петербургѣ на сестрѣ одной русской графини. Молодая госпожа Юмъ скоро была посвящена мужемъ въ его спиритскія новоявленные тайны и предалась имъ съ увлеченіемъ и искренно. Впрочемъ, 22 лѣтъ она умерла отъ легочной чахотки. Смерть была даже пріятна довѣрчиво преданной спириткѣ. Умирая, она мечтала, какъ вернется на землю, и, прощаясь съ подругою, совѣтовала ей хорошо оцупать ея руку, чтобы потомъ было легче узнать ее, когда она предстанетъ изъ того міра... Дѣйствительно на сеансахъ Юма, какіе дѣлалъ онъ, разъѣзжая по Европѣ, присутствовавшіе могли оцупывать руку являвшихся духовъ (т. е. душъ умершихъ)—то влажную, теплую и нѣжную, то липкую и противную, чувствовали прикосновеніе духа къ своимъ колѣнамъ и плечамъ; рука духа подавала колокольчикъ клавшему руку подъ столъ одному изъ присутствовавшихъ; колокольчикъ звонилъ будто самъ собою. Однажды рука такого-же духа сняла всѣ кольца съ рукъ присутствовавшихъ и высыпала ихъ на столъ. Отвѣты духовъ были получаемы по первоначальному спиритскому способу посредствомъ стука; бывали, впрочемъ, иногда и образные: послѣ отвѣта, напр., даннаго отъ духа посредствомъ обращенія къ алфавиту: „мы (т. е. духи) желаемъ, чтобы вы вѣрили въ ...“; спрашивали, въ кого? И, вмѣсто отвѣта обыкновеннымъ порядкомъ, спрашивающій ощущалъ ударъ въ колѣно, опускалъ руку и находилъ на колѣнѣ крестъ, дополняющій смыслъ выше приведенной фразы или желанія духовъ. Много и другихъ эффектныхъ вещей производилъ Юмъ

въ Европѣ: волшебные аккордеоны, поднятіе себя на воздухъ къ потолку, даже быстрия, безъ помощи естественныхъ фармацевтическихъ средствъ, исцѣленія и проч. Необходимо однакоже замѣтить, что всё его представленія давались въ одномъ привилегированномъ, аристократическомъ кругу, позднимъ вечеромъ, при одномъ лупномъ свѣтѣ и развѣ при полусвѣтѣ лампы; наиболѣе поразительныя вещи дѣлалъ онъ, какъ скоро скрывалась луна. На сеансы допускались только „вѣрующіе“, невѣрующіхъ-же тщательно удаляли, такъ какъ „духи съ большимъ трудомъ дѣйствуютъ тамъ, гдѣ встрѣчаютъ противное вліяніе, гдѣ живетъ духъ скептицизма“. Поэтому Юмъ, прежде сеанса, требовалъ обыкновенно списокъ приглашенныхъ и исключалъ всѣхъ несимпатичныхъ духамъ. Въ особенности-же духи отказывались дѣйствовать при ученыхъ, „высокія качества которыхъ обращаются противъ нихъ самихъ на этомъ новомъ поприщѣ, гдѣ матерія дѣйствуетъ за одно съ духомъ“. Цѣль своей практики самъ Юмъ полагалъ въ стремленіи—„доказать спиритуальность и безсмертіе души“...

Уже изъ представленнаго нами краткаго очерка можно усмотрѣть, что спиритизмъ 50-хъ годовъ заключаетъ въ себѣ такія характеристическія черты, которыми онъ рѣзко отличается отъ спиритизма первой четверти текущаго столѣтія. Прежде всего онъ сталъ прямо во враждебное отношеніе какъ къ религіи вообще, такъ и къ религіи христіанской въ частности. Спиритизмъ высказалъ теперь дерзкое притязаніе, по указанію своихъ духовъ, открывать и очищать истинный смыслъ христіанства, выраженный будто-бы въ священныхъ книгахъ не собственно, образно, приспособительно къ грубымъ, чувственнымъ понятіямъ и соотвѣтственной имъ подготовкѣ людей, современныхъ появленію христіанства, которымъ проповѣдывали свое ученіе Иисусъ Христосъ и Его Апостолы,—и затѣмъ болѣе и болѣе будто-бы искажавшійся еще впоследствии „корыстными и невѣжественными толкователями въ пользу ихъ кастическихъ и властительныхъ интересовъ“. Что-же дѣлаетъ спиритизмъ? Онъ принимаетъ только нравственную сторону христіанства и признаетъ его

значение только именно съ этой стороны, но отвергаетъ или совершенно измѣняетъ сторону догматическую, а вмѣстѣ съ этимъ и христіанскій смыслъ, и истинное спасительное значеніе искупленія, которое, какъ оно понимается въ христіанствѣ, съ точки зрѣнія спиритской было и есть совершенно не нужно. При такомъ отношеніи къ христіанству, спириты представляютъ его только приготовленіемъ къ спиритизму, какъ религіи болѣе „чистой и духовной“, соотвѣтственно развитію понятій и требованій прогрессирующаго человѣчества; поставляютъ христіанство въ такое-же отношеніе къ спиритизму, въ какомъ въ области истиннаго, Божественнаго Откровенія Ветхій Заветъ находится къ Новому. Это искаженіе христіанства въ спиритизмъ имѣло своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ то, что къ нему отнеслись положительно враждебно съ своей стороны и лучшіе представители христіанскихъ церквей какъ православной, такъ и католической. Изъ католиковъ одинъ ученый богословъ написалъ даже въ опроверженіе спиритизма довольно объемистую книгу—*La Pneumatologie ou des esprits et de leur manifestations fluides*“,—въ которой барона Гюльденштубе онъ называетъ гораздо болѣе опаснымъ врагомъ Церкви, чѣмъ даже самъ Репанъ, извѣстный французскій популяризаторъ Штраусовой „Жизни Иисуса“. Въ 1854 году у насъ также почти одновременно въ двухъ періодическихъ изданіяхъ (въ Христіанскомъ Читаніи,—по желанію членовъ Св. Синода, и въ Твореніяхъ Св. Отцевъ,—по предложенію митрополита Филарета) была помѣщена статья „О стологаданіи“, которая, впрочемъ, есть ничто иное, какъ выписка изъ письма Н. А. Муравьева къ митрополиту Московскому Филарету. (Письма стр. 436). Въ этой выпискѣ авторъ, не подвергая, впрочемъ, сомнѣнію истинности спиритическихъ феноменовъ, доказываетъ только непозволительность заниматься ими,—доказываетъ какъ на основаніи Св. Писанія, такъ и на основаніи противуправственнаго характера самыхъ спиритскихъ опытовъ. Между прочимъ приводится, въ видѣ примѣра, слѣдующій фактъ: „передъ однимъ страстнымъ стологадателемъ столъ оклеветалъ близкую къ нему особу. Теперь, говорятъ,

борющійся съ подозрѣніемъ стологадатель и оскорбленная особа проводятъ бессонныя ночи“. Указавъ нѣсколько подобныхъ примѣровъ, авторъ замѣчаетъ: „Сихъ пемногихъ опытовъ довольно, чтобы понять, какъ немало виновны и какъ ведутъ себя къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ, непокоряющіеся премудрому и благому Богу, запершему отъ насъ сокровенное и будущее, и покупающіеся отпереть оное подѣльными ключами“. Въ заключеніе авторъ касается вопроса „дѣйствительно-ли стологадателямъ отвѣчаютъ души умершихъ, которыхъ имена имъ объявляются, или имена сіи объявляются ложно и подъ ними скрываются нѣкія неизвѣстныя?“—Не отвѣчая положительно на этотъ вопросъ, авторъ, впрочемъ, не одобряетъ спиритическихъ занятій ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ.

Къ сожалѣнію, нельзя не замѣтить, что тогдашнія анти-спиритскія сочиненія не всегда отличались убѣдительностію и соотвѣтствующимъ достоинствомъ. Вотъ что, напр., объ одномъ изъ такихъ сочиненій писалъ митрополитъ Московскій Филаретъ въ своемъ письмѣ къ Муравьеву отъ 2-го февраля 1854 года: „Статьи французскаго епископа о столахъ въ журналѣ преній я читалъ и не восхитился. Апокалипсическій образъ книги съ семью печатями онъ прилагаетъ къ будущему вообще невѣрію и говоритъ, что на небесахъ столько-же не знаютъ будущаго, какъ на землѣ,—опять невѣрно. Говоритъ о томъ, что входитъ въ сношеніе съ мертвыми не позволено, а съ нечистыми духами странно, потомъ говоритъ, что въ стологаданіи дѣйствуетъ обманъ воображенія; а наконецъ, что обманываетъ сатана. Изворачивается сбивчиво и почти съ противорѣчіемъ себѣ“.

Вмѣстѣ съ духовенствомъ возстали противъ спиритизма и гражданскія власти. Даже... гражданское правительство Франціи начало подозрительно посматривать на спиритическія сборища и потому относилось къ нимъ далеко не благосклонно. Впрочемъ, Наполеонъ III, мечтавшій при посредствѣ спиритизма обуздать пародныя страсти, первоначально даже благопріятствовалъ спиритамъ; но крайней мѣрѣ для ихъ засѣданій онъ предоставилъ даже Луврскій музей

и Версальскій замокъ. Но, усмотрѣвъ заблаговременно, къ чему способенъ привести спиритизмъ, когда рѣшится быть послѣдовательнымъ, онъ измѣнилъ свою тактику и воспретилъ спиритистическіе сеансы въ обоихъ указанныхъ мѣстахъ; наконецъ, осенью 1858 г., барону Гюльденштубе былъ воспрещенъ доступъ и въ королевскій склепъ St. Denis, гдѣ онъ производилъ свои эксперименты съ извѣстнымъ американскимъ политикомъ и спиритистомъ Дель-Оуеномъ, такъ какъ все католическое духовенство положительно высказалось какъ противъ барона Гюльденштубе, такъ и противъ его спиритистическаго кружка, какъ ассоціаціи противурелигіозной и опасной даже для самаго государства, какъ людей, которые не питали уваженія къ покою мертвыхъ даже и въ королевскомъ склепѣ.

Другою характеристическою чертою спиритизма 40-хъ и 50-хъ годовъ, какой мы не встрѣчаемъ и въ спиритизмѣ первой четверти текущаго столѣтія, является стремленіе главныхъ его представителей дать спиритистическому ученію научную, серьезную постановку, систематизировать его въ извѣстномъ философскомъ направленіи и такимъ образомъ представить законченное и осмысленное міровоззрѣніе. Что-же это за міровоззрѣніе? На вопросъ этотъ мы однакоже не имѣемъ возможности дать сразу точный и опредѣленный отвѣтъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи между самими спиритами существуетъ столько разногласій и противорѣчій, что трудно указать хотя нѣсколько выдающихся пунктовъ, относительно которыхъ они были-бы вполне согласны между собою, не говоря уже о неясности, сбивчивости и запутанности ихъ основныхъ богословскихъ и философскихъ положеній. Болѣе или менѣе спириты этого времени согласны между собою 1) въ томъ, что признаютъ конечность адскихъ наказаній и возможность для всѣхъ умершихъ освобожденія отъ вѣчнаго осужденія; 2) въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, всѣ духи какъ добрые, такъ и злые, первоначально были людьми, или будутъ будто-бы людьми впоследствии, наконецъ 3) въ томъ, что проповѣдуютъ языческое ученіе о переселеніи и предсуществованіи душъ и умалчиваютъ, или совершенно от-

рицають бытіе ангеловъ и діаволовъ. Одна спиритика, именно баронесса Adelta von Vay, была самою преданнѣйшею послѣдовательницею французскаго спирита Алланъ Кардека и особенно придерживалась его теоріи о *переволоче-ніи* (Reincarnationstheorie), по которой душа человѣческая послѣ смерти снова можетъ воцлостаться въ другое тѣло, о себѣ самой она утверждала, что въ 1394 году въ Кельнѣ она была извѣстною предсказательницею и по суду, какъ колдунья, была предана смерти.

Обобщая различныя спиритистическія ученія этого времени, профессоръ Цеклеръ различаетъ въ нихъ три главныя направленія: а) *пантеистически-материалистическое*, б) *полу-ортодоксальное* или *католическое* и в) *эклектическое* или *примирительное, посредствующее*.

Большинство спиритовъ, особенно—въ Сѣверной Америкѣ, принадлежитъ къ направленію *пантеистическому*, переходящему нерѣдко въ самый грубый матеріализмъ. Основатель американскаго „Цаптеона Успѣха“, Яксонъ Дави, въ своемъ сочиненіи „Принципы природы“ прямо говоритъ: „матерія есть субстанція и единственное основоположеніе вѣхъ вещей въ мірѣ. Вѣхъ духи суть только ультиматы матеріи, даже человѣкъ есть ничто иное, какъ высшая и совершеннѣйшая комбинація организованной матеріи, а идея есть лишь слабѣйшая или сильнѣйшая вибрація, въ которую вступаетъ каждая индивидуальная человѣческая душа чрезъ законосообразное самодвиженіе универсальнаго духа“. *Грѣхонъ* въ обыкновенномъ и общепринятомъ смыслѣ этого слова *не существуетъ*, ибо истиннымъ и внутреннѣйшимъ принципомъ всякаго человѣческаго бытія является именно то, что человѣкъ имѣетъ непосредственное божеское происхожденіе, а слѣдовательно и не можетъ сдѣлаться *злымъ*, или запятнать себя грѣхами. Зло въ мірѣ есть только нѣчто совершенно внѣшнее, случайное и вѣми нами сознается или чувствуется, лишь какъ являющееся отвнѣ, но не отъ насъ самихъ. Человѣкъ дѣлаетъ зло не самъ по себѣ, но въ силу извѣстныхъ мотивовъ или внѣшнихъ обстоятельствъ. А потому, чтобы изгнать изъ міра зло, для этого необходимо только ос-

новательное преобразование *соціального положенія* человѣчества посредствомъ организаціи труда, государственныхъ реформъ и т. д. Это міровоззрѣніе „и только одно именно это, говорятъ спириты пантеистически—матеріалистическаго направленія,—есть истинное богословіе неба и тѣхъ сферъ, гдѣ каждая звѣзда есть слово, а каждое созвѣздіе—тепденція“. Всѣ теперешнія формы богопознаія и богопочитанія, по ихъ ученію, должны исчезнуть предъ этими новыми откровеніями, какъ облако исчезаетъ передъ солнцемъ. Особенно Библия, этотъ „мутнѣйшій изъ всѣхъ источниковъ“, этотъ „корень всѣхъ заблужденій и ужасовъ въ человѣчествѣ, послѣ того, какъ была она канонизирована и утверждена на Никейскомъ соборѣ“ (!¹⁾),—должна быть выкинута изъ ряда положительныхъ и достовѣрныхъ религіозныхъ „документовъ“. Тѣмъ не менѣе, и по ученію самыхъ спиритовъ, главныя лица священной исторіи какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта должны еще до времени находить для себя мѣсто въ „Пантеонѣ Успѣха“,—таковы: *Моисей*,—былъ онъ вообще на свѣтѣ или нѣтъ, это все равно,—равнымъ образомъ—*Иисусъ*, хотя объ Его жизни и ученіи также ничего не можетъ быть достовѣрно извѣстно (это возвѣстилъ спиритамъ, по всей вѣроятности, *духъ* Штрауса или Бауэра!)—точно также какъ и *Павелъ*, этотъ апостоль безотчетной вѣры, духъ котораго, полный фанатическаго благоговѣнія, всегда преклонялся передъ алтаремъ особеннаго воплощенія міроваго духа (?!). „Даже Брама, Будда, Юпитеръ и... Іегова,—всѣ они должны ступать передъ величіемъ нашей новой религіи и міровоззрѣнія“, говоритъ *Гудзонъ Гуттле*, извѣстный спиритъ—дарвинистъ, превзошедшій самого Дарвина. Что-же послѣ этого остается для спиритизма?—Должны остаться навсегда въ своихъ полныхъ правахъ, говоритъ тотъ-же спиритъ, возвышенные принципы разума (!) и любви, какъ руководители нравственно-религіозной жизни. Какъ будто христіанство исключаетъ собою эти принципы, которые именно и были введены имъ въ нравственную и соціальную жизнь народовъ!

¹⁾ Такъ духи знаютъ исторію откровенія.

„Какая странная смѣсь дарвиническихъ, социалистическихъ, атеистическихъ экспектораций, замѣчаетъ Веберъ по поводу приведеннаго міровоззрѣнія,—и это въ странѣ, гдѣ процвѣтали общества квакеровъ, методистовъ и тому подобныхъ мистическихъ ассоціацій!“...

Въ противоположность этимъ грубо-материалистическимъ положеніямъ сѣвероамериканцевъ незначительная часть французскихъ спиритовъ, въ томъ числѣ почти вся школа вышеупомянутаго Алланъ Кардека, старается доказать свое полное согласіе съ католическимъ догматизмомъ,—такъ что на спиритическихъ сеансахъ въ устахъ воодушевленныхъ ораторовъ сталъ находить для себя защиту и оправданіе даже любимый догматъ повѣйшаго ультрамонтанства о „непорочномъ зачатіи Пресв. Дѣвы“. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что спириты школы Алланъ Кардека не старались вдаваться въ глубину философскаго міровоззрѣнія, а заботились болѣе лишь объ изобрѣтеніи простой теоріи для объясненія занимавшихъ ихъ явленій. Объ этомъ, впрочемъ, мы будемъ говорить подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Представителемъ примирительнаго или посредствующаго спиритическаго направленія, по всей справедливости, слѣдуетъ назвать упомянутаго нами уже лифляндскаго барона Гюльденштубе, который хотя былъ рожденъ и въ лютеранскомъ вѣроисповѣданіи, но несомнѣнно циталъ гораздо больше сочувствія къ церкви католической. Вотъ почему и на его сеансахъ чаще являлись души умершихъ членовъ католической церкви, чѣмъ протестантской,—каковы: бл. Августинъ, Бригитта, Терезія и даже самъ католическій догматикъ Мелеръ. Замѣчательно, что, вызвавъ въ присутствіи одного католическаго епископа (орлеанскаго Duranjour) духъ самаго Лютера, Гюльденштубе, въ интересахъ, конечно, папства, заставилъ его написать слѣдующее двустиніе:

„In vita pestis eram papae,

„In morte mors ero“.

„Lutherus“ ¹⁾.

1) „Въ жизни я былъ для папы чумою,
Въ смерти же смерть будетъ на вѣки со мною“.

„Лютеръ“.

Напротивъ, другой представитель, *посредствующаго* направления въ спиритизмъ графъ Понинскій (полякъ и католикъ) почему-то всегда отдавалъ преимущество протестантству. Такъ, напр., свои сеансы онъ открывалъ не иначе, какъ чтеніемъ или общимъ пѣніемъ одной изъ Лютеровыхъ пѣсенъ по лейпцигскому сборнику. Въ этомъ случаѣ любимыми его пѣснями были: „О, Иисусе Христе, истинный свѣте, просвѣти невѣдущихъ тебя“ и „Господь есть мое прибежище“. Молясь о просвѣщеніи невѣдущихъ Иисуса Христа, Понинскій, впрочемъ, разумѣлъ вовсе не язычниковъ, а самыхъ христіанъ „невѣрующихъ“, т. е. не признававшихъ новаго свѣта спиритистической мудрости, какъ часто въ этомъ смыслѣ и баронъ Гюльденштубе истолковывалъ слова евангелиста Іоанна: „былъ свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядущаго въ міръ“, разумѣя подъ откровеніемъ Логоса—откровеніе духовъ изъ загробнаго міра.

Баронъ Гюльденштубе думалъ примирить спиритистическое ученіе съ ученіемъ христіанскимъ тѣмъ, что употреблялъ фразы библейскія или церковныя, а смыслъ давалъ имъ чисто спиритистическій. Въ его сочиненіяхъ упоминаются почти всѣ главнѣйшіе пункты евангельскаго вѣроученія,—искупленіе крестною смертію Христа, оправданіе вѣрою, покаяніе и возрожденіе,—но доберитесь до ихъ смысла и вы увидите, что имѣете дѣло только съ отъявленнымъ спиритомъ и—ничего болѣе. Такъ,—у него есть, напр., такія выраженія: „Намъ смерть услаждается чрезъ Того, Который на Лобномъ мѣстѣ расплатился за нее своею жизнію“, „человѣкъ достигаетъ совершенства чрезъ воздѣйствіе *высшихъ силъ*“. Въ связи съ предшествующею фразою можно, пожалуй, подумать, что подъ „*воздѣйствіемъ высшихъ силъ*“ здѣсь разумѣются *дары благодати*... Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ просто о *духахъ*. Есть выраженія свидѣтельствующія, повидимому, о *монотеистическомъ* міровоззрѣніи автора; такъ напр., Гюльденштубе говоритъ: „Троичность (Лицъ Божества) есть позднѣйшее, Церковію выработанное ученіе, равно какъ и ученіе о тримурти также гораздо позднѣйшаго происхожденія“; тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ вполне

раздѣлялъ міровоззрѣніе пантеистическое,—что съ несомнѣнностію вытекаетъ изъ его слѣдующихъ положеній: „всѣ души суть только индивидуализированныя манифестаціи перво-сущности всѣхъ вещей“,—„во всѣхъ различныхъ и отдѣльныхъ духахъ пульсируетъ (движется, бьется, проявляется) всегда одинъ и тотъ-же разумъ, поелику всѣ они имѣютъ одно основаніе“,—„первосущество есть вмѣстѣ и *всесущество*, обнимающее собою все міровое теченіе, альфа и омега всякой дѣйствительности“. Само собою понятно, что одно уже такое поведеніе Гюльденштубе, вмѣсто примиренія, способно только оттолкнуть отъ спиритизма всякаго члена Церкви Христовой; по Гюльденштубе еще и этимъ не удовлетворяется и начинаетъ дерзко кощунствовать, сравнивая, напр., себя съ основателемъ христіанской Церкви и т. п. Особенно не по сердцу ему лютеранскіе проповѣдники, раздѣляющіе и другимъ проповѣдующіе библейское ученіе о сатанѣ. По его взгляду, „они скорѣе заслуживаютъ имя учениковъ Іоанновыхъ, чѣмъ Іисусовыхъ“, „это—адвокаты сатаны, подъ безсознательнымъ вліяніемъ котораго они-то, быть можетъ, сами и бѣснуются“.

Выше мы сказали, что спиритская школа Алланъ Кардека, не вдаваясь во всю глубину своихъ философскихъ основъ, занималась преимущественно обработкою своей теоріи для объясненія спиритистическихъ феноменовъ. Эти теоретическія начала изложены Алланъ Кардекомъ довольно полно въ двухъ его книгахъ на французскомъ языкѣ—„книгъ духовъ“ (Le livre des Esprits) и „книгъ медиумовъ“ (Le livre des médiums),—подпольный переводъ которыхъ былъ довольно распространенъ и среди русскаго общества. Что же поваго узнаемъ мы изъ этихъ книгъ? Узнаемъ прежде всего, что спиритизмъ есть наука (?), касающаяся всѣхъ отраслей человѣческаго знанія—философіи, метафизики, психологіи, этики, богословія, вовсе не занимающаяся показываніемъ привидѣній, гаданіемъ и предсказываніемъ будущаго,—не признающая въ мірѣ ничего чудеснаго и сверхъестественнаго, имѣющая опредѣленныя законы своего развитія и не подчиняющаяся поэтому никакому произволу, поставившая свою

цѣлю—просвѣтитъ и морализировать челоѳчество, произвести великую нравственную революцію въ немъ, поборотъ въ немъ зло и возродитъ его къ добру новымъ откровеніемъ и новой религіей духовъ ¹⁾, искоренитъ безбожіе, вражду и матеріализмъ, подъ знаменемъ любви и милосердія ²⁾ и т. д. и т. п. Цѣли этой спиритизмъ думаетъ достигнуть не філософскимъ путемъ естественнаго развитія, а единственно путемъ откровеній изъ міра духовъ и непосредственныхъ сношеній съ сими послѣдними. На возраженіе, что такія сношенія (въ спиритскомъ смыслѣ и въ спиритскихъ формахъ) невозможны, Алланъ Кардекъ отвѣчаетъ въ „книгѣ медиумовъ“ слѣдующее: „Чтобы съ основаніемъ отвергать сообщенія и проявленія душъ умершихъ, сначала нужно съ несомнѣнностію доказать слѣдующіе антитезисы: что существо мыслящее въ насъ во время нашей жизни, не должно болѣе мыслить послѣ нашей смерти; если-же оно еще мыслитъ, то не должно болѣе думать о тѣхъ, кого любило; ежели-же оно думаетъ о тѣхъ, кого любило, то не должно болѣе желать сообщаться съ ними; если оно можетъ быть вездѣ (?), то не можетъ быть подлѣ насъ; ежели-же оно около насъ, то не можетъ сообщаться съ нами;—что посредствомъ своей эфирной оболочки, составленной изъ тока (?), оно не можетъ дѣйствовать на неподвижную матерію; а ежели можетъ дѣйствовать на нее (?), то не можетъ дѣйствовать на существо одушевленное; если можетъ дѣйствовать на одушевленное существо (?), то не можетъ управлять его рукою для письма; а если можетъ заставить его писать, то не можетъ отвѣчать на его вопросы и передать ему свою мысль“ ³⁾. Въ этомъ *Кардековскомъ соритѣ*, какъ видитъ читатель, есть много логическихъ скачковъ и такихъ основаній, которыя сначала необходимо было-бы еще доказать. Но мы не будемъ возражать спиритамъ; а будемъ продолжать изложеніе ихъ теоріи. Представленіе невозможности спиритскихъ фактовъ духопро-

¹⁾ Хр. Чт. 1866. Ч. II, стр. 88.

²⁾ Румиловъ, стр. 16.

³⁾ Le livre des médiums part. 1-ère cb. 1-ère § 5 и 6. Хр. Чт. 1866 года. Ч. II, стр. 99.

явленій и отрицаніе ихъ происходитъ, говоритъ Алланъ Кардекъ, отъ незнанія природы духовъ, о которой вообще имѣютъ самую ложную идею, потому что представляютъ ихъ (т. е. духовъ) существами какими-то отвлеченными, туманными и неопредѣленными, — что совершенно несправедливо. Факты проявленія духовъ кажутся неопредѣленными только для тѣхъ, которые полагаютъ, что духъ не имѣетъ *ничего матеріальнаго*. Въ этомъ-то и заключается заблужденіе; ибо духъ не есть ничто отвлеченное, онъ есть существо опредѣленное, ограниченное пространствомъ и имѣющее свои очертанія. Для насъ идея формы не раздѣльна съ идеею о духѣ, и мы не можемъ себѣ представить духа безъ формы. Все (?) намъ говоритъ, что духъ оставляя тѣло, не выходитъ изъ него освобожденнымъ отъ всякой *оболочки*; онъ сохраняетъ образъ человѣка, и, дѣйствительно, когда онъ является намъ, мы видимъ его такимъ, какимъ знали прежде ¹⁾. Такимъ образомъ, кромѣ матеріальной оболочки—тѣла, духъ имѣетъ (?) еще другую—*полуматеріальную*, которая соединяетъ его съ первою. Эта вторая оболочка или „периспри“ „авра“ (perisprit, avra), существуя и во время пребыванія души въ тѣлѣ, остается при духѣ и послѣ смерти, когда онъ освобождается отъ первой, грубо матеріальной, тѣлесной оболочки. Периспри составляетъ такую-же необходимую принадлежность духа, какъ тѣло—принадлежность человѣка. Тонкая, воздухообразная, эфирная, неосязаемая, невѣсомая, въ нормальномъ состояніи невидимая, эта оболочка духа имѣетъ матеріальныя свойства и матеріальное происхожденіе, образуясь изъ пламенной *fluide* (основная, элементарная жидкость или токъ) и существуя въ данное время въ состояніи, соответствующемъ качеству планеты, на которой живетъ воплощенный духъ, а также—степени развитія и совершенства самого духа. Мы не знаемъ, говоритъ Алланъ Кардекъ, внутреннихъ свойствъ периспри, но предполагаемъ его составленнымъ изъ матеріи электрической, свѣтовой или какой-либо другой столь-же тонкой... По мѣрѣ совершенствованія ду-

¹⁾ Le livre mediums, §§ 3, 54 и 55. Хр. Чт. 1866 г. Ч. II, стр. 266.

ха, периспри дѣлается все тоньше и эфирнѣе. Обыкновенно периспри имѣетъ форму человѣка или лучше—это форма всѣхъ разумныхъ существъ, воплощенныхъ и не воплощенныхъ; потому-то если намъ является духъ, то—всегда съ тѣми формами, въ которыхъ мы знали его во время жизни. Будучи въ нормальномъ своемъ состояніи невидимъ и вообще не осязаемъ, периспри имѣетъ, однако, если можно такъ выразиться, гибкость и расширяемость, также способность уплотниться или сгущаться, подобно тому, какъ нѣкоторыя тѣла переходятъ изъ жидкаго состоянія въ твердое, изъ разряженнаго въ сгущенное и обратно. Форма периспри измѣняется по волѣ духа, который по своему желанію можетъ дать ему тотъ или другой видъ. Вотъ почему, духъ, когда желаетъ быть признаннымъ, можетъ на время принять на себя ту именно наружность, которую имѣлъ во время земной жизни со всѣми тѣлесными особенностями и недостатками. Для духа воплощеннаго периспри служитъ агентомъ или органомъ, посредствомъ котораго онъ дѣйствуетъ въ тѣлѣ и на тѣло; чрезъ него духъ получаетъ впечатлѣнія чувствъ, передаетъ свою волю и управляетъ тѣлесными органами. Для духовъ, вышедшихъ изъ тѣлъ, особенно для такъ называемыхъ духовъ *блуждающихъ*, въ промежуткѣ между однимъ воплощеніемъ и другимъ, периспри составляетъ необходимое, но вмѣстѣ и совершенно естественное (органическое) условіе и средство дѣйствованія на матерію, на человѣческія тѣла, на медиумовъ. Кромѣ периспри духъ имѣетъ еще своимъ агентомъ *всемірный токъ* (fluide) и *токъ животный*—медиума. Всемірный токъ—это элементарное начало всѣхъ вещей. Онъ есть элементъ электрическаго тока. Не находимый и не представимый нами на землѣ въ его безусловной простотѣ, въ измѣненномъ видѣ онъ составляетъ всю обыкновенную матерію; онъ-же составляетъ и периспри. Всемірный токъ представляетъ для духа нѣчто въ родѣ проводника, на который духъ дѣйствуетъ, какъ мы дѣйствуемъ на воздухъ, чтобы произвести нѣкоторыя явленія посредствомъ его расширения, сжатія, сотрясенія и проч. *Животный токъ* отдѣляется медиумомъ отъ периспри его духа. Такимъ обра-

зомъ вызванный духъ сочетаваетъ часть извлеченнаго, собраннаго имъ всемірнаго тока, съ токомъ, который отдѣляетъ отъ себя медиумъ, и этимъ сочетаніемъ оживляетъ извѣстный предметъ; напр., столъ искусственною, поддѣльною и мгновенною жизнію. Подготовленный такимъ образомъ предметъ духъ притягиваетъ къ себѣ вверхъ и приводитъ въ движеніе подъ вліяніемъ своего собственнаго тока, отдѣляющагося по его волѣ. Когда масса, которую духъ желаетъ поднять или привести въ движеніе, тяжела для него, онъ призываетъ къ себѣ другихъ духовъ, находящихся съ нимъ въ одинаковыхъ условіяхъ¹⁾.

Для того, чтобы духи могли имѣть такое участіе къ людямъ, какое представляется спиритизмомъ, могли сохранять въ такой степени мірскіе, человѣческіе интересы и имѣть такой легкой доступъ въ этотъ міръ къ людямъ и дѣламъ ихъ и т. п.,—для этого, очевидно, нужно, чтобы для нихъ не было рѣшительнаго разрыва съ міромъ, окончательнаго удаленія изъ него; нужно, чтобы оставалась у нихъ близкая связь съ нимъ и стремленіе къ нему. Согласно съ этими требованіями спириты, какъ мы видѣли, признаютъ и проповѣдуютъ *перевоплощенія* или *пересуществованія* духовъ, равно какъ и *предсуществованіе ихъ*...

Что касается свойствъ спиритскихъ духовъ, то, по ученію спиритовъ, духи избавлены отъ физическихъ несовершенствъ, т. е. отъ болѣзней и недуговъ, присущихъ тѣлу; между ними есть умственно и нравственно развитые; но было-бы ошибочно полагать, что всѣ духи, оставляя матеріальную оболочку, сразу познаютъ свѣтъ истины. Развитіе духа совершается постепенно и даже иногда весьма медленно; постепенное совершенство духовъ зависитъ отъ степени ихъ очищенія во время земной жизни; обыкновенно и въ загробномъ мірѣ духи оставляютъ за собою всѣ страсти, предрасудки и заблужденія до тѣхъ поръ, пока новыя испытанія не просвѣтятъ ихъ. На вопросъ: „почему не всѣ духи совершен-

¹⁾ Le livre des mediums, part. 11, ch. 1. § 58, ch. 4. § 74. Хр. Чт. 1866 г. Ч. II, стр. 266—270; Бесѣды Румилова, стр. 69—73.

ны?" спириты обыкновенно отвѣчаютъ такъ: это все равно, что спросить: почему не всѣ воспитанники идутъ по одному курсу? Всѣ духи имѣютъ одно происхожденіе и одинаковое предопредѣленіе свыше. Различіе, существующее между ними, не зависитъ отъ ихъ происхожденія, но отъ степени собственнаго, самими ими выработаннаго, совершенства. Духи несовершенны потому, что они суть души несовершенныхъ людей, равно какъ и люди несовершенны потому, что они представляютъ собою воплощеніе несовершенныхъ духовъ (*idem per idem!*) Вещественный и духовный, видимый и невидимый міры постоянно сливаются въ одно. Смертью тѣлесной оболочки вещественный міръ доставляетъ контингентъ духовному; воплощеніемъ-же духовъ невидимый міръ наполняетъ человѣчество. При каждомъ новомъ воплощеніи духъ въ извѣстной степени совершенствуется и, достигнувъ на землѣ возможныхъ познаній и нравственнаго подъема, онъ оставляетъ ее, чтобы перейти въ болѣе совершенныя *планетныя* міры, гдѣ онъ познаетъ новыя истины. Духи, невидимо населяющіе землю, составляютъ нѣкоторымъ образомъ отраженіе вещественнаго міра; они обладаютъ тѣми-же добродѣтелями и пороками, что и живые люди; между ними есть ученые, мудрецы, философы, софисты, невѣжды и легкомысленные, добрые и злые, серьезные и шаловливые. Не всѣ они свободны отъ предрасудковъ; большая часть ихъ находится еще подъ вліяніемъ религіозныхъ и даже политическихъ убѣжденій. Каждый выражаетъ свои мысли, и то, что они высказываютъ, бываетъ обыкновенно только ихъ личнымъ мнѣніемъ; поэтому нельзя слѣпо вѣрить всему тому, что они утверждаютъ ¹⁾).

Эта дѣтская, наивная теорія, не имѣющая для себя нигдѣ и ни въ чемъ рѣшительно никакого основанія, намъ кажется, настолько краснорѣчиво говоритъ сама противъ себя, что нѣтъ никакой нужды подвергать ее еще критическому анализу. Въмѣсто этого, мы обратимъ лучше вниманіе на то, какъ другіе, не спириты, тогда объясняли себѣ, такъ называемые

¹⁾ Румиловъ, стр. 94—96.

спиритистическіе феномены. Они, конечно, также не хотѣли видѣть въ нихъ ничего чудеснаго, сверхъестественнаго, спиритуальнаго и старались, напротивъ, понять ихъ какъ обыкновенныя, совершенно естественныя явленія. Такъ, напр., движеніе столовъ и столописаніе, одни просто на-просто объясняли себѣ тѣмъ, „что напряженное, любопытное ожиданіе, продолжительное и утомительное держанье рукъ въ одномъ, не совсѣмъ удобномъ положеніи, и происходящее вслѣдствіе того нервное колебаніе ихъ, можетъ производить въ пальцахъ, лежащихъ на удободвижимомъ предметѣ, достаточное сотрясеніе, чтобы сообщить ему движеніе“. Другіе объясняли это явленіе тѣмъ, что „мысль объ ожидаемомъ движеніи стола и о написаніи при этомъ какихъ-нибудь словъ, всецѣло занимая въ данное время напряженное вниманіе извѣстнаго лица (каковыя лица спириты называютъ медиумами), можетъ независимо отъ сознанія дѣйствовать на нервы и оконечности его пальцевъ, которые, сообщая движеніе столу, будутъ незамѣтно управлять имъ такъ, что напишется именно то, что думалъ, чего желалъ, ожидалъ или опасался этотъ человѣкъ, словомъ, чѣмъ было занято его напряженное вниманіе и ожиданіе въ это время“. Наконецъ, третьи полагали, что секретъ загадочныхъ спиритскихъ явленій во многихъ отношеніяхъ, даже прямо въ существѣ дѣла, сходенъ или тождественъ съ секретомъ бывшихъ чудодѣйствъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, *тавматурговъ*—Месмера, Калиостро, Филиппа и другихъ и что спиритскіе медиумы производятъ всѣ свои феномены при такихъ-же условіяхъ, въ такомъ-же положеніи и по тѣмъ-же законамъ, какъ и субъекты магнетизера или сомнамбулы подъ его вліяніемъ (гипнотизмъ, біологизмъ, аневрозизмъ).

Кромѣ того, всѣ ученые—не спириты—того времени единогласно допускали въ произведеніи извѣстныхъ спиритскихъ феноменовъ и извѣстную долю сознательнаго обмана. Съ этимъ отчасти согласны и лучшіе изъ спиритовъ. „Спиритизмъ, говорили они, по новизнѣ своей, даетъ поводъ къ злоупотребленіямъ, но вмѣстѣ онъ даетъ и средства (?) отличать обманъ отъ истины“. „Спиритизмъ не ручается за тѣхъ, кто

злоупотребляетъ имъ, медицина не отвѣчаетъ за знахарей, сбывающихъ свои вредныя смѣси, точно также какъ нельзя на церковь возложить отвѣтственность за ея представителей, не поддерживающихъ высокаго значенія духовнаго сана“¹⁾. Въ частности спириты сознаются и въ возможности подмѣны *вѣщаній духа* собственными, человѣческими мыслями медиума, только говорятъ при этомъ, что нужно умѣть различать подлинно-спиритическое отъ просто-человѣческаго; а этимъ умѣньемъ въ совершенствѣ владѣютъ лишь они сами—хорошіе практиканты—спириты²⁾.

Наконецъ, всѣ тогдашніе ученые—не спириты согласны въ томъ, что спиритизмъ не имѣетъ, да и не можетъ имѣть никакого существенно-важнаго значенія въ дѣлѣ и исторіи развитія человѣческаго духа. За все время своего существованія спиритизмъ не сдѣлалъ ничего для расширенія умственнаго кругозора и нравственнаго усовершенствованія человѣчества. Такъ называемыя „откровенія“ духовъ ограничивались пустыньскими, безсодержательными, а иногда и пошленькими изреченіями и ничего не сообщали, что-бы заслуживало серьезнаго вниманія. Въ этомъ отношеніи, разбирая книгу Гюльдепштубе, *Г. Лео* сказалъ довольно мѣтко: „Духи эти чрезъ смерть, повидимому, *оглутились*; ибо хотя въ числѣ пишущихъ духовъ очень часто фигурируютъ духи весьма знаменитыхъ и разумныхъ мужчинъ и женщинъ, каковы, напр., Мелхиседекъ, св. ап. Іоаннъ и Павелъ, Сократъ, Платонъ, Цицеронъ, Абельярдъ, Элоиза, Людовикъ Святой, королева Марія Аптуанета и др.,—но они все-таки не сумѣли написать ничего, кромѣ своихъ именъ и краткихъ отрывковъ изъ своихъ давнымъ давно отпечатанныхъ сочиненій или пезначительныхъ общихъ выраженій и тривіальностей, словомъ, вещей, какія обыкновенно находятся въ записной тетрадиъ каждаго ученика перваго класса нѣмецкой гимназіи. Если такимъ образомъ эти пачканья являються вещественнымъ доказательствомъ непрерывности существованія душъ человѣ-

1) Румиловъ, стр. 16.

2) Le livre d. espr. ch. X; Хр. Чт. 1866. Ч. II. стр. 307.

ческихъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ они должны быть также и доказательствомъ того, что чрезъ смерть души дѣйствительно становится только тѣнями, очень *глубокими* душенками“. Этою внутреннею пустотою и безсодержательностію спиритизма только и можно объяснить себѣ, что нѣкоторые ученые, какъ напр., американецъ Гудзонъ Туттле и англичанинъ Уаллесъ, также скоро оставили его, какъ и увлеклись имъ. Въ послѣднее время они объявили уже себя дарвинистами.

Въ русскомъ обществѣ спиритизмъ этого времени былъ популяризировалъ русскимъ спиритомъ пѣкинъ Аполлономъ Болтинымъ, статья котораго „Спиритизмъ“ была сначала помѣщена въ „Радугѣ“, а потомъ издана отдѣльнымъ оттискомъ; кромѣ того, по рукамъ ходили еще три произведенія неизвѣстнаго русскаго спирита въ рукописяхъ: 1) „Изложеніе спиритскихъ догматовъ“—„Догматы Христовой Церкви, изложенныя согласно спиритическому ученію“; 2) „Нравственныя начала, извлеченныя изъ спиритскаго ученія“ и 3) „Записка о неперпятствованіи распространенію спиритическаго ученія“.

Свящ. М. Бункевичъ.

(Продолженіе будетъ).

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

XXV.

Критическое обозрѣніе философіи Гегеля.—Что было причиною сильнаго увлеченія философіей Гегеля и затѣмъ скорого охлажденія къ ней?—О формѣ и содержаніи философіи Гегеля.—Нѣкоторыя возраженія противъ философіи Гегеля, объясняемыя единственно формою изложенія этой философіи, но не имѣющія основанія въ содержаніи ея.—Разсмотрѣніе философіи Гегеля со стороны содержанія ея.—Общее историческое значеніе ея въ этомъ отношеніи.—Натурализмъ, какъ существенный основной характеръ философіи Гегеля.—Понятія о природѣ и отношеніе къ природѣ, какъ отличительныя черты новаго времени.—Слѣды вліянія философіи Гегеля на общее сознаніе, замѣчаемые въ нѣкоторыхъ общепринятыхъ понятіяхъ и взглядахъ.—Ученіе Гегеля объ абсолютномъ и критическія замѣчанія относительно этого ученія.—О развитіи абсолютнаго въ природѣ и исторіи.—Взглядъ Гегеля на исторію.—Отношеніе этого взгляда къ понятію его объ абсолютномъ.—Задачи дальнѣйшаго изслѣдованія.

Философія Гегеля въ свое время имѣла многочисленныхъ послѣдователей и притомъ не только тамъ гдѣ она возникла, но и въ другихъ странахъ, и даже у насъ было не мало ея приверженцевъ. Велико было обаяніе этой философіи, но непродолжительно. Чѣмъ объяснить сначала быстрое возрастаніе, а потомъ такой-же упадокъ вліянія на умы Гегелевой философіи? Конечно, много было писано и въ защиту и въ опроверженіе этой философіи; но и опроверженія и апологетическія сочиненія о философіи Гегеля безъ сомнѣнія были послѣдствіемъ того, что вліяніе философіи Гегеля пало, и потому мало имѣютъ значенія въ объясненіи этого

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 года № 17.

факта. Многие-ли изъ тѣхъ, которые сначала увлекались философiею Гегеля, а потомъ охладѣли къ пей, и интересовались серьезнымъ критическимъ разборомъ этой философiи и желали дать себѣ отчетъ о значенiи и недостаткахъ этой философiи? Есть еще и теперь такiе послѣдователи философiи Гегеля, которые находятъ, что серьезно она еще никѣмъ не была опровергнута; другiе-же полагаютъ, что и нѣтъ нужды въ такомъ опроверженiи, довольствуясь тѣмъ, что философiя Гегеля безвозвратно отошла въ область прошедшаго. Но философiя не есть дѣло вкуса, и судьба философской системы, имѣвшей значительное влiяние, не можетъ, конечно, зависѣть отъ случайныхъ и ничего не значущихъ причинъ. Между тѣмъ трудно указать такiе недостатки философiи Гегеля, которые были-бы общеизвѣстны, за исключенiемъ того развѣ, на что дѣйствительно часто указываютъ; именно говорятъ, что эта философiя будто-бы пренебрегала опытнымъ познаниемъ и имѣла притязанiе будто-бы на рѣшенiе научныхъ вопросовъ безъ всякаго пособiя опытныхъ знанiй. Но такой упрекъ не столько основанъ на дѣйствительномъ характерѣ философiи Гегеля, сколько служитъ показателемъ снова наступившаго преобладанiя реалистическаго направлениа, которое вовсе отрицаетъ всякое значенiе умозрѣнiя и потому готово видѣть пренебреженiе къ опыту, гдѣ только замѣчается усиленiе мысли дать нѣчто большее, чѣмъ сколько даетъ самъ по себѣ опытъ. Невозможно довольствоваться повторенiемъ ничего не означающихъ общихъ мѣствъ. Философiя Гегеля сама предъявляетъ такiя критическiя требованiя, прямо вытекающiя изъ свойственнаго ей духа, что безъ серьезнаго вниканiя въ значенiе этой философiи требованiя эти остались-бы невыполненными. Если философiя Гегеля имѣла блестящiй успѣхъ, а потомъ столь-же быстро и рѣшительно она была отвергнута, то эти явленiя,—увлеченiе и разочарованiе,—мало того что состоятъ въ тѣсной связи между собою, имѣютъ основанiе въ философiи Гегеля. Философiя Гегеля по тому въ особенности должна была приковывать къ себѣ умы, что она съ замѣчательною полнотою, обстоятельностью и глубиною выразила совокупность попи-

тій, взглядовъ и выводовъ, для которыхъ основы были положены философіею Фихте и затѣмъ далѣе были развиты и расширены Шеллингомъ. Поэтому вліяніе, оказанное въ свое время философіею Гегеля, слѣдуетъ относить не къ одной этой философіи; но также къ философіи Фихте и Шеллинга. Философія Гегеля была зрѣлымъ плодомъ того движенія мысли, которое было возбуждено еще философіей Капта. Тѣ результаты, къ которымъ привело это движеніе философской мысли, представлены у Гегеля въ строго упорядоченномъ систематическомъ изложеніи. Этимъ, конечно, облегчалось усвоеніе того, что было добыто всею предыдущею работою философской мысли, но при этомъ самая форма, въ какой было представлено выработанное философскою мыслию содержаніе, не была необходимою, неотдѣлимою отъ него, принадлежностію этого содержанія, будучи лишь только средствомъ для первоначальнаго усвоенія его. Напротивъ, форма эта была такова, что она столько-же и затрудняла, сколько облегчала усвоеніе выраженныхъ въ ней философскихъ понятій. Облегченіе достигалось тѣмъ, что всѣ положенія и выводы были приведены въ строгій порядокъ, такъ что для всякаго вопроса и для каждаго отдѣльнаго ученія было дано свое опредѣленное мѣсто, чего именно не доставало ни философіи Шеллинга, ни философіи Фихте, которые, какъ извѣстно, различнымъ образомъ измѣняли изложеніе своихъ ученій и однимъ и тѣмъ-же вопросамъ и выводамъ давали различный видъ. Затрудненіе-же состояло въ томъ, что слишкомъ преувеличенное значеніе придавалось формѣ изложенія вслѣдствіе той мысли выраженной еще у Фихте, что форма и содержаніе должны быть въ философіи нераздѣльны. Требованіе это можетъ быть оправдано лишь въ томъ смыслѣ, что какъ въ искусствѣ и вообще тамъ, гдѣ дѣйствуетъ живая свободная сила, форма должна опредѣляться самимъ содержаніемъ, и какъ всякое живое дѣло само для себя создаетъ соотвѣтственную форму, такъ и философія можетъ быть жизненною только тогда, если она будетъ не механическимъ построеніемъ по данному напередъ образцу, по созданіемъ внутренней дѣятельности мысли. Между тѣмъ, что-же мы

видимъ въ философіи Гегеля? Изъ понятія объ абсолютномъ началѣ онъ выводитъ законъ или форму развитія этого начала, состоящую въ томъ, что всякій послѣдующій положительный актъ самоутвержденія его въ бытіи исходитъ изъ предыдущаго такого-же акта не иначе, какъ при посредствѣ третьяго отрицательнаго акта самоограниченія, которымъ исключается (впрочемъ не уничтожается) то, что прежде было положено, дабы дать мѣсто слѣдующему акту. И затѣмъ какъ въ цѣломъ составѣ своей философской системы, въ распредѣленіи ея отдѣльныхъ частей, такъ и въ подробностяхъ раскрытія и изложенія этихъ частей, Гегель старается, во что-бы ни стало, удержатъ эту тройственную форму діалектическаго развитія, такъ что форма эта для абсолютнаго начала и для самого Гегеля обращается въ нѣкотораго рода фатумъ. Между тѣмъ и самъ по себѣ методъ діалектическій таковъ, что онъ допускаетъ неопредѣленное продолженіе какъ въ раздѣленіи, такъ и въ сочетаніи раздѣленнаго, будучи соединеніемъ анализа и синтеза; а потому остается непонятнымъ, отчего каждая отдѣльная форма дѣйствительности и каждое понятіе необходимо должны представлять въ себѣ цѣлость трехъ моментовъ и никакъ не болѣе, или менѣе и соединеніе, и раздѣленіе, — это такіе акты, которыми можно пользоваться съ полною свободою, но Гегель самъ лишилъ себя этой свободы, принявъ за нѣчто необходимое тройственную форму выраженія таковыхъ актовъ, а чрезъ то внесъ въ свою систему много искусственнаго. Гегель рабски слѣдовалъ, установленной имъ для своей философіи, діалектической формѣ построенія понятій. И само абсолютное есть такое начало, по Гегелю, которое, когда приходитъ къ самосознанію, то становится свободнымъ, и притомъ свобода есть даже его сущность, въ пей заключается истинный его характеръ. Поэтому если-бы, слѣдуя Гегелю, мы стали смотрѣть на философію его, какъ на одну изъ формъ откровенія самого абсолютнаго, то и тогда не теряеть своей силы то замѣчаніе, что движеніе мысли въ этой философіи, въ отношеніи формы, могло и даже должно было быть болѣе свободнымъ. Къ этому заключенію при-

водитъ въ особенности то, что противъ философіи Гегеля были высказываемы такія возраженія, для которыхъ поводомъ послужила единственно формальная сторона этой философіи. Такъ раздѣленіе философіи Гегеля на три части (логику, натурфилософію и философію духа) основывается на томъ, что абсолютное должно быть представлено въ тройномъ видѣ,—какъ оно есть въ себѣ, какъ оно является инымъ (въ природѣ), а наконецъ, какъ оно возвращается къ самому себѣ и приходитъ къ самосознанію (въ духѣ). Такое раздѣленіе абсолютнаго и соотвѣтственное этому раздѣленію—раздѣленіе самой философіи на три части, для чего основаніемъ послужила единственно формула діалектическаго метода, подало поводъ къ тому возраженію противъ Гегеля, высказанному еще Шеллингомъ, что непонятно—почему именно абсолютное не остается въ самомъ себѣ, но переходитъ въ состояніе инобытія, причемъ какъ-бы отрицаетъ себя, и что переходъ изъ логики въ натурфилософію остается такимъ образомъ пеленымъ. Возраженіемъ этимъ предполагается, какъ-бы въ самомъ дѣлѣ абсолютное существовало вначалѣ въ себѣ самомъ, а потомъ, оставляя себя, переходило въ природу. На самомъ-же дѣлѣ въ логикѣ излагается только понятіе объ абсолютномъ, а не разсматривается дѣйствительное его бытіе, и лишь въ томъ смыслѣ Гегель говоритъ о бытіи абсолютнаго въ самомъ себѣ, что понятіе объ абсолютномъ, излагаемое въ логикѣ, представляетъ абсолютное такимъ, каково оно есть въ самомъ себѣ, а таковымъ оно является лишь когда приходитъ къ сознанію себя именно въ духѣ человѣческомъ, собственно въ мышленіи, а никакъ не прежде природы, которая напротивъ, есть первоначальный образъ существованія абсолютнаго. И хотя понятіе объ абсолютномъ, излагаемое въ логикѣ, есть выраженіе самаго абсолютнаго, каковымъ оно является въ духѣ, когда приходитъ къ самосознанію, однакожь, въ самомъ этомъ самосознаніи должно же различать само абсолютное, какъ предметъ сознанія, отъ того, какъ оно сознаетъ себя или отъ сознанія. Понятіе объ абсолютномъ, излагаемое въ логикѣ, и есть выраженіе этого сознанія о себѣ абсолютнаго, а само абсолютное, какъ само-

сознающее, изображается въ философіи духа. Логика излагаетъ лишь мышленіе абсолютнаго, а мышленіе абсолютнаго есть наше мышленіе, ибо только въ духѣ человѣческомъ абсолютное является мыслящимъ существомъ. Излагая понятіе объ абсолютномъ, выражающее то, — какъ абсолютное себя мыслить, Гегель не только не отступаетъ отъ философіи Шеллинга, напротивъ, въ этомъ случаѣ онъ выполняетъ задачу, которая вытекаетъ изъ самой этой философіи. И Шеллингъ высказываетъ въ своей философіи понятіе объ абсолютномъ, опредѣливъ абсолютное, какъ тожество идеальнаго и реальнаго, — только онъ не выводитъ и не излагаетъ этого понятія систематически. Но Гегель могъ-бы спросить Шеллинга, — откуда онъ взялъ свое понятіе объ абсолютномъ и какое отношеніе имѣетъ это понятіе къ самому абсолютному? По Шеллингу интеллектуальное созерцаніе, какъ способъ философскаго познанія, состоитъ въ совершенномъ единствѣ или совпаденіи познанія съ познаваемымъ. Прилагая этотъ общій взглядъ Шеллинга на философское познаніе къ понятію его объ абсолютномъ, приходимъ къ заключенію, что понятіе это по Шеллингу есть выраженіе самаго абсолютнаго, и притомъ, такъ какъ и по Шеллингу абсолютное раскрывается и въ природѣ и въ духѣ, слѣдовательно и въ познавательной дѣятельности духа, то значитъ, понятіе, къ которому Шеллингъ пришелъ объ абсолютномъ, онъ долженъ былъ разсматривать, какъ дѣйствіе или проявленіе самаго абсолютнаго; теперь оставалось только допустить, а допустить это было необходимо, что абсолютное мыслить себя систематически, каково и есть наше мышленіе, когда оно дѣйствуетъ надлежащимъ образомъ; и тогда сама собою возникала задача — систематически вывести понятіе объ абсолютномъ. Равно, если въ духѣ своего діалектическаго метода Гегель опредѣляетъ природу какъ инобытіе идеи, какъ отрицаніе ея, то очевидно это должно понимать лишь въ томъ смыслѣ, что природа, по сравненію съ духомъ, есть несовершенное, неполное выраженіе абсолютнаго, подобно тому какъ человѣкъ въ дѣтствѣ не есть еще совершенный человѣкъ и можно сказать, что каждый становится вполнѣ самимъ собою лишь

когда приходитъ въ зрѣлый возрастъ. Итакъ очевидно, въ чемъ заключается главная причина паденія философіи Гегеля и къ чему собственно относится это паденіе. Причина эта заключается въ слишкомъ монотонной и по своей монотонности неудобопріемлемой формѣ изложенія философіи Гегеля. Діалектической методъ Гегеля былъ слишкомъ искусственною, изысканною формою для того, чтобы онъ могъ долгое время держаться. Но что касается содержанія философской системы Гегеля, то какъ наслѣдство столь цвѣтущаго періода въ развитіи философской мысли, совпадающаго притомъ съ не менѣе блестящимъ развитіемъ искусства, особенно поэзіи, оно конечно не могло остаться и дѣйствительно не осталось безслѣднымъ для послѣдующаго времени. Значительная доля понятій, выработанныхъ тѣмъ движеніемъ философской мысли, наиболѣе полнымъ выразителемъ котораго былъ Гегель, навсегда вошла въ оборотъ въ сознаніи образованныхъ классовъ, а еще важнѣе быть можетъ то, что подъ влияніемъ философіи Гегеля установились и сдѣлались общеупотребительными извѣстные приемы мысли, вошли въ обычай извѣстный способъ постановки вопросовъ, т. е. особенное свойственное повѣйшему времени отношеніе къ нимъ, какъ равно и нѣкоторый методъ рѣшенія ихъ. Попробуемъ съ этой стороны взглянуть на философію Гегеля.

Философія Гегеля, по содержанію своему, есть не что иное, какъ систематическое проведеніе во всехъ подробностяхъ и въ самомъ широкомъ объемѣ основнаго принципа того натуралистическаго міросозерцанія, которое еще слишкомъ несовершеннымъ образомъ, и притомъ въ отрицательной формѣ, было ясно выражено въ французской философіи XVIII в. Въ чемъ состоялъ отличный характеръ философіи XVIII в.? Въ борьбѣ противъ супранатурализма, въ отрицаніи вѣрованій въ бытіе и дѣятельное участіе въ жизни природы и человѣка сверхъестественныхъ силъ. Отвергая вѣру въ существованіе сверхъестественныхъ дѣятелей, французскіе философы проводили то требованіе, чтобы и общество и отдѣльные лица какъ въ своихъ сужденіяхъ и взглядахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ своихъ руководились единственно понятіями

о природѣ, объ ея законахъ и свойственныхъ ей силахъ. Чтобы общество благоденствовало, а равно чтобы каждый его членъ могъ быть счастливымъ, для сего, по ученію французскихъ философовъ, существуетъ одинъ только путь—во всемъ сообразоваться съ требованіями и законами природы. Поэтому было необходимо выработать правильныя понятія о природѣ. Въ этомъ состояла главная задача философіи того времени, равно какъ и послѣдующаго затѣмъ. Вначалѣ понятія о природѣ были грубы и поверхностны, а главное не было согласія въ нихъ. Однакожъ и тогда уже были элементы, изъ которыхъ образовались послѣдующія болѣе утонченныя понятія о природѣ. Въ развитіи понятій о природѣ особенно важнымъ должно признать представленіе о мірѣ, какъ единомъ цѣломъ, представленіе, которое будучи унаслѣдовано отъ классической древности, неизмѣнно повторяется у всѣхъ значительныхъ философовъ новаго времени. Другимъ не менѣе важнымъ элементомъ, въ значительной степени опредѣлившимъ отношеніе челоѣка къ природѣ, свойственное новому времени, былъ взглядъ на природу какъ на существо живое, дѣятельное, какъ на организмъ. Спиноза различалъ двоякую сторону въ бытіи природы: *творящую* и *творимую* (*natura naturans et natura naturata*). Но онъ не въ состояніи былъ еще связать эти двѣ стороны въ одномъ общемъ взглядѣ на природу. Субстанцію, какъ причину творящую, онъ отдѣляетъ отъ ея модусовъ, рассматривая ихъ, однако, не столько какъ произведенія, но главнымъ образомъ какъ проявленія, обнаруженія субстанціи. Съ теченіемъ времени все болѣе выдвигается активная сторона въ существованіи природы; природа рассматривается по преимуществу какъ творческая, производительная сила, какъ живое цѣлое, въ которомъ заключена безконечная полнота и неистожимое разнообразіе живыхъ силъ. Уже философія Лейбница отчасти приводила къ такому взгляду на природу. Не меньшее значеніе въ этомъ отношеніи имѣла также поэзія, достигшая наибольшаго процвѣтанія въ Германіи подъ вліяніемъ изученія классическаго искусства. Поэзія изображала природу, какъ предметъ и источникъ наслажденій самыхъ чистыхъ и возвышенныхъ.

Поэзія и философія, такимъ образомъ, дружно сошлись въ одномъ общемъ дѣлѣ, въ дѣлѣ воспитанія натуралистическихъ чувствъ, идеаловъ и стремленій. Поэтому неудивительно, что въ это время мы видимъ такое смѣшеніе философіи и поэзіи, когда философы (Руссо, Шеллингъ) говорили языкомъ поэзіи, и наоборотъ—поэты философствовали (Гердеръ, Шиллеръ, Гете).

Но безспорно важнѣйшее значеніе въ образованіи философскихъ понятій новаго времени о природѣ имѣла философія Канта.

Философія Канта привела къ тому выводу, что природа главнѣйшимъ образомъ опредѣляется для насъ тѣмъ, какъ она познается. Какъ предметъ чувственнаго созерцанія природа дана намъ въ формахъ пространства и времени, т. е. является намъ совокупностью частей, лежащихъ однѣ вѣ и подлѣ другой, и совокупностью моментовъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ; какъ предметъ мысли, она представляется намъ на основаніи категоріи причинности, въ видѣ непрерывно продолжающейся цѣпи причинъ и дѣйствій; но такъ какъ это понятіе о природѣ лишено цѣльности и единства (ибо рядъ причинъ и дѣйствій мы можемъ мысленно продолжать безкопечно), то необходимымъ восполненіемъ его служить обсужденіе природы и эстетическое созерцаніе ея съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Ибо только разсмотрѣніе природы съ точки зрѣнія цѣлесообразности даетъ намъ идею о природѣ, какъ единомъ цѣломъ, и притомъ такомъ цѣломъ, которое само себя производитъ, будучи единствомъ причины и дѣйствія, или иначе,—причиною и дѣйствіемъ себя. А важность этого опредѣленія природы, какъ единого цѣлага, для философовъ, при натуралистическомъ направленіи ихъ мышленія, заключалась, очевидно, въ томъ, что этимъ опредѣленіемъ исключается вмѣшательство всякой посторонней силы въ тѣсно сплоченную и совершенно замкнутую естественную цѣпь причинъ и слѣдствій. Ибо природа, какъ цѣлое, очевидно, разсматривалась по аналогіи съ организмомъ, въ которомъ все связано и взаимно условливается одно другимъ, такъ что вся жизнь природы по этому взгляду образуетъ круговоротъ, гдѣ предыдущее воспроизводится въ послѣдую-

щемъ и гдѣ одно и тоже есть вмѣстѣ и начало и конецъ, и причина и дѣйствіе. Такое понятіе о природѣ, какъ органически цѣломъ, мы находимъ и въ философіи Фихте и въ философіи Шеллинга и Гегеля. Но въ виду этого понятія самъ собою являлся вопросъ, какъ можетъ быть объяснена ясно сознаваемая нами противоположность природы и духа безъ нарушенія цѣлости и единства природы? По философіи Фихте природа есть организмъ, но сила организующая этотъ организмъ есть духъ, ибо что мы называемъ природою есть не что иное, какъ совокупность необходимыхъ дѣйствій духа, частію бессознательныхъ, частію сознательныхъ. По Шеллингу духъ, какъ организующая сила природы, есть столько-же духъ, сколько и природа, слѣдовательно есть единство, тождество природы и духа (поэтому духъ каждаго человѣка есть не только образуемое свободною его дѣятельностію, но и рожденное, т. е. данное природою), такъ что это тождество не только въ насъ заключается, въ предѣлахъ нашего субъективнаго духа, (какъ полагалъ Фихте) но и внѣ насъ, въ природѣ видимой. Поэтому природа и духъ (какъ это въ особенности хотѣлъ показать Гегель) не что иное, какъ различные виды или степени проявленія одного абсолютнаго начала, организующая дѣятельность котораго состоитъ въ постепенномъ объединеніи и приведеніи къ цѣлости, имъ-же самимъ производимыхъ разностей.

Итакъ природа и духъ составляютъ единое цѣлое, но такое цѣлое, которое не просто существуетъ, а постоянно образуется и преобразуется собственною присущею ему силою, почему является въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Будучи цѣлымъ, природа и духъ образуютъ единый организмъ; это лишь различныя формы существованія единаго организма, въ которомъ каждая отдѣльная часть, подобно цѣлому, также есть организмъ. Таково основное воззрѣніе Шеллинго-гегеліанской философіи.

Укажемъ теперь послѣдствія и выводы этого воззрѣнія, сдѣлавшіяся довольно распространенными и, такъ сказать, уже обычными.

Такъ какъ организмъ есть цѣлое, слѣдовательно единство

или связность частей есть необходимая его принадлежность, то рассматривая съ этой точки зрѣнія какъ природу, такъ равно и различные виды духовной жизни, мы приходимъ къ заключенію, что тамъ и здѣсь должна быть внутренняя и необходимая связь между явленіями послѣдующими и предыдущими, какъ-бы ни были они различны, и что эта связь и есть способъ, какимъ цѣлое осуществляется; потому и для познанія этого цѣлаго нѣтъ иного пути кромѣ обзорѣнія отдѣльныхъ явленій въ ихъ послѣдовательной связи;—отсюда историческая точка зрѣнія является господствующею и въ научныхъ и въ практическихъ вопросахъ; генетическое разсмотрѣніе предмета признается лучшимъ способомъ къ уясненію его. Съ другой стороны, изложенное воззрѣніе ведетъ къ тому заключенію, что хотя мы и видимъ въ природѣ смѣну противоположныхъ явленій и борьбу силъ, а равно и въ области духа одно, повидимому, исключается другимъ, одно отрицается ради другаго, по все это только различныя формы перехода отъ одной ступени къ другой въ раскрытіи органическаго начала. Отсюда, далѣе, въ практическомъ отношеніи вытекаетъ требованіе согласовать послѣдующія свои дѣйствія и стремленія съ предыдущими въ увѣренности, что успѣхъ можетъ имѣть лишь то, что стоитъ въ органической связи съ предшествующими условіями. Эта точка зрѣнія, вмѣсто легкомысленнаго отрицанія даннаго состоянія жизни и самопадѣяннаго проектированія новыхъ порядковъ и формъ, требуетъ рассматривать всякое учрежденіе и всякое утвердившееся въ жизни міровоззрѣніе, какъ продуктъ медленнаго историческаго роста, слѣдовательно какъ явленіе необходимое, которое и должно быть признаваемо таковымъ пока сохраняетъ въ себѣ жизнеспособность. Жизнь, какъ сила организующая, сама для себя создаетъ необходимыя формы. Требуется только содѣйствіе, состоящее въ устраненіи препятствій къ правильному и свободному росту жизнеспособныхъ силъ ¹⁾. Но къ чему направляется этотъ ростъ жизни, какова его цѣль?

¹⁾ Гегель, говоритъ Виндельбандъ, былъ такъ проникнутъ мыслию объ объективномъ достоинствѣ, какое имѣютъ государственныя учрежденія, какъ выра-

Всякій организмъ имѣетъ извѣстныя потребности и нуждается въ средствахъ удовлетворенія, но то, что служитъ къ удовлетворенію жизненныхъ потребностей, вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ даетъ ощущеніе удовольствія или наслажденія, — что и служитъ признакомъ удовлетворенія. Отсюда всякій жизненный процессъ имѣетъ цѣлью довольство, счастье. Все живущее стремится къ счастью. И дѣйствительно, какъ выше замѣчено, на самыхъ первыхъ порахъ натурализмъ выразился между прочимъ и въ взглядѣ на природу, какъ на предметъ и источникъ наслажденія, а также въ стремленіи основать счастливую жизнь на возвращеніи къ первобытной естественности жизни, на возстаповленіи, нарушеннаго будто-бы предрасудками и ложною цивилизаціею, союза чело-вѣка съ природою. Затѣмъ эта общая идея о счастьи, какъ цѣли жизни, получила немаловажное видоизмѣненіе вслѣдствіе той мысли, что для чело-вѣка счастье истинное можетъ

женіе общаго духа, что онъ никакъ не могъ приписать случайно образовавшемуся въ данный моментъ времени большинству и его субъективнымъ убѣжденіямъ право потрясать существенныя основанія государственной жизни. Духъ народа сказывается не въ текущемъ мнѣніи дня и не въ произволѣ парламентскихъ вожаковъ, а въ крѣпости государственнаго зданія, пріобрѣтаемой чрезъ постепенное развитіе. Съ такимъ историческимъ разумѣніемъ Гегель былъ поистинѣ консервативенъ и рѣшительный противникъ революціоннаго духа. Преній приверженецъ французской революціи, который въ Тюбингенѣ считался самымъ яркимъ якобинцемъ и ученикомъ Руссо, нашелъ центръ своего міросозерцанія въ понятіи развитія: въ виду разрыва съ исторіею, который былъ послѣднимъ результатомъ просвѣщенія, онъ понялъ, что разумъ господствуетъ только въ историческомъ поступательномъ движеніи. Такимъ образомъ, благодаря этому признанію историческаго права, онъ могъ считаться въ нѣкоторомъ смыслѣ философомъ реставраціи, и этимъ-то объясняются нападенія на него со стороны не столько настоящаго, сколько радикальнаго либерализма. Если онъ въ предисловіи къ философіи права высказалъ извѣстное типическое положеніе: все дѣйствительное разумно, то лишь тѣ, которые или не понимали, или не хотѣли его понимать, могли толковать это изреченіе въ томъ смыслѣ, какъ-бы, по его мнѣнію, всѣ существующія установленія безусловно разумны и потому твердо должны быть содержимы такими, каковы они въ дѣйствительности. Кому извѣстно его ученіе, тотъ знаетъ, что для него разумъ тождественъ съ развитіемъ и что дѣйствительность для него лишь въ томъ смыслѣ можетъ быть признана разумною, насколько представляетъ она необходимый процессъ развитія, въ которомъ достигаетъ полнаго своего осуществленія первоначальный зародышъ (Anlage), т. е. въ настоящемъ случаѣ духъ народа. Die Geschichte d. neuer. Philos. 2, 322—323.

заключаться лишь въ удовлетвореніи наиболѣе цѣнныхъ потребностей, каковы потребности умственные, эстетическія и нравственно практическія или общежительныя. Отсюда, вмѣсто прежняго отрицанія цивилизаціи и всего исторически сложившагося жизненнаго строя, во имя неопредѣленной идеи о первобытномъ натуральномъ состояніи, мы видимъ лишь усиленное стремленіе къ тому, чтобы дать просторъ общественнымъ силамъ и возбудить свободную дѣятельность таковыхъ силъ, — стремленіе руководимое увѣренностію въ томъ, что этимъ путемъ только и можетъ быть обезпечено правильное развитіе наукъ, искусствъ и общественной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полное, совершенное довольство, доставляемое въ особенности занятіями наукою и искусствомъ (см. Фихте). Но необходимость добыванія средствъ для удовлетворенія жизненныхъ потребностей, вмѣстѣ съ расширеніемъ послѣднихъ, какъ признакомъ развитія жизни, съ теченіемъ времени, измѣнила и самый характеръ отношеній человѣка къ природѣ. Если прежде природа была предметомъ и источникомъ наслажденія, то теперь она является преимущественно предметомъ эксплуатированія. Предметомъ наслажденія природа можетъ быть болѣе или менѣе для всѣхъ; какъ предметъ созерцанія она одинаково всѣмъ доступна и повсюду она щедрою рукою разсыпаетъ свои красоты, поэтому наслажденіе, почерпаемое въ созерцаніи природы, не имѣетъ корыстнаго характера, такъ что способность наслаждаться созерцаніемъ природы не безъ основанія считается признакомъ благородства души; эксплуатированіе-же природы, извлеченіе изъ нея наибольшей пользы не всѣмъ доступно въ равной мѣрѣ; да и притомъ, когда вмѣсто эстетическаго безкорыстнаго удовольствія, выгода преимущественно имѣется въ виду, то при этомъ миръ трудно достижимъ, раздѣленіе и враждебное столкновеніе интересовъ неизбѣжны. Вотъ почему въ эпоху, когда въ природѣ искали лишь наслажденія, спокойствія душевнаго, могли процвѣтать мечты о всеобщемъ счастіи и благополучіи людей, о единствѣ народовъ, о свободѣ и равенствѣ; когда-же вопросъ о счастіи, о всеобщемъ благополучіи изъ области поэ-

тическихъ и философскихъ гаданій перешелъ на почву практическую, когда вмѣстѣ съ тѣмъ и отношеніе къ природѣ, вмѣсто эстетическаго, сдѣлалось практическимъ, то насталь копецъ мечтаніямъ, тѣмъ болѣе что и къ людямъ стали при-мѣнять ту-же систему извлеченія наибольшей пользы (съ точки зрѣнія натурализма вѣдь и люди не болѣе какъ произведенія природы). Вмѣсто братства народовъ мы видимъ затаенную вражду и заботы каждаго о наилучшемъ удовлетвореніи лишь своихъ собственныхъ интересовъ, хотя-бы въ ущербъ интересамъ другихъ; вмѣсто оптимизма въ общемъ настроеніи мы видимъ преобладающую склонность къ пессимизму. Спрашивается, могутъ-ли наслажденія, почерпаемыя въ области наукъ и искусствъ, въ дѣятельности посвященной высшимъ духовнымъ интересамъ, могутъ-ли наслажденія этого рода служить противовѣсомъ удручающимъ заботамъ и безотраднымъ явленіямъ жизни? По Гегелю эта область и есть именно та, гдѣ имѣютъ мѣсто интересы общечеловѣческаго значенія и характера, а общечеловѣческое, какъ всеобщее, есть высочайшее и важнѣйшее по философіи Гегеля; слѣдовательно полное удовлетвореніе для духа можетъ быть найдено только въ этой области.

Что придаетъ особенно важное значеніе общечеловѣческому по понятіямъ Гегеля,—это именно наиболѣе совершенное проявленіе въ немъ абсолютной идеи. Слѣдовательно, не само по себѣ общечеловѣческое важно и спасительно, а только какъ наиболѣе чистое откровеніе абсолютнаго начала, въ которомъ одномъ заключается вся истина и вся полнота бытія. Поэтому является вопросъ объ абсолютномъ, именно о томъ,—есть-ли абсолютное въ самомъ себѣ сущее, независимо отъ различныхъ формъ проявленія, или-же оно всегда есть то, чѣмъ является, и ничего болѣе? Шеллингъ различаетъ абсолютное, какъ оно есть въ себѣ, отъ него самаго, какимъ оно является въ развитіи, т. е. въ области конечнаго. По крайней мѣрѣ въ позднѣйшую эпоху его философствованія онъ имѣлъ, очевидно, въ виду установить такое различіе противъ Гегеля, который полагалъ, что абсолютное есть то именно, чѣмъ оно является. Такъ какъ сущность, по

философіи Гегеля, неотдѣлима отъ явленія, сила организующая немислима отдѣльно отъ организма, то и абсолютное какъ безконечное не внѣ конечнаго, а единственно только въ конечномъ существуетъ, образуя конкретную общность или цѣлость изъ всего конечнаго. Поэтому абсолютное есть разумъ или духъ, но таково оно когда приходитъ къ сознанію себя и это лишь въ человѣческомъ духѣ, но оно есть также слѣпое инстинктивное влеченіе, какимъ является въ природѣ. Абсолютное есть столько-же личное существо какъ и безличное,—личное въ человѣкѣ, безличное въ природѣ (поэтому неудивительно, что къ философіи Гегеля у его послѣдователей могли примкнуть и теизмъ и атеизмъ). Но собственно принадлежащее абсолютному опредѣленіе таково: оно есть мышленіе или просто мысль, идея все объемлющая. Опредѣленіе это выражаетъ абсолютное въ его общности и единствѣ; имъ покрываются всѣ различія и противоположности, ибо есть и бессознательно дѣйствующая мысль и мысль сознающая себя, мысль себя мыслящая. Но можно-ли признать на самомъ дѣлѣ мышленіе достаточнымъ опредѣленіемъ абсолютнаго? Такъ какъ опредѣленіе это могло быть взято лишь изъ нашего сознанія, то обратимся къ показаніямъ нашего сознанія относительно этого вопроса. Еще Фихте указалъ на то, что всякая мысль не есть только представленіе того, что мыслится, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствіе мыслящаго, а какъ дѣйствіе, оно не можетъ быть чѣмъ-либо постороннимъ, случайнымъ и безслѣднымъ для мыслящаго; напротивъ, мысль должна быть глубочайшимъ выраженіемъ существа мыслящаго; въ мышленіи должно заключаться самое существо мыслящее; одно не есть что-либо отличное отъ другаго. А какъ мышленіе обнимаетъ и постигаетъ всегда общее, заключающееся въ частномъ, то и само мыслящее существо, какъ не раздѣльное съ мышленіемъ, также должно быть не индивидуальнымъ, а общимъ. Однакожь, всегда-ли мысль имѣетъ дѣйствительно такое значеніе, т. е. всегда-ли она есть выраженіе самаго существа мыслящаго? Бываютъ мысли навѣяныя, которыя хотя и усвоятся нами, но не проникаютъ въ глубь души; только такія мысли могутъ быть признаны

органическою частью нашего существа и слѣдовательно подлинно заключаютъ въ себѣ наше существо, которыя не остаются въ насъ бездѣйственными, но воплощаются въ живомъ плодотворномъ дѣлѣ, переходятъ въ акты нашей воли. Вотъ почему тотъ-же Фихте полагалъ, что еще болѣе глубокимъ и первичнымъ опредѣленіемъ нашего существа, нежели мышленіе, слѣдуетъ признать волю, не отдѣлимую, впрочемъ, отъ мышленія: хотѣніе и нехотѣніе еще въ большей степени, нежели признаніе и непризнаніе, утвержденіе и отрицаніе, суть проявленія нашего внутренняго существа. Однако, и самые акты воли могутъ быть вынужденными и несвободными, слѣдовательно чуждыми и посторонними для нашего существа. Что-же можетъ служить признакомъ того, что извѣстный актъ воли дѣйствительно истекаетъ изъ нашего существа и есть его выраженіе? Такимъ признакомъ можетъ служить для насъ только искренность признанія въ себѣ и заявленія извѣстнаго акта воли: только тогда какъ этотъ актъ скрѣпляется всею полнотою чувства, только тогда такой актъ можетъ быть признанъ необходимо присущимъ нашему духовному существу. Такимъ образомъ, ни мышленіе отдѣльно отъ воли, ни волю отдѣльно отъ мышленія, ни умъ и волю отдѣльно отъ чувства нельзя признать достаточнымъ опредѣленіемъ абсолютнаго существа. Если это существо должно быть мыслимо, какъ органическая цѣлость, то, очевидно, лишь органическая цѣлость духовныхъ силъ можетъ быть признана достаточнымъ для насъ опредѣленіемъ высшаго существа, а такая органическая цѣлость духовныхъ силъ и есть личность. Такимъ образомъ, выходя даже изъ основанія философіи самого Гегеля, мы приходимъ къ заключенію, что абсолютнымъ существомъ можетъ быть признано только существо личное. Съ точки зрѣнія самого Гегеля, утверждающаго, что бытіе полное и совершенное есть наиболѣе конкретное, лишь то опредѣленіе абсолютнаго, что оно есть личность, можетъ быть признано вполне достаточнымъ, ибо личное существо есть наиболѣе конкретное существо. Опредѣленіе абсолютнаго, по которому оно есть мышленіе или идея, имѣетъ связь съ тѣмъ предположеніемъ

философіи Гегеля, что наука и въ особенности философія есть совершеннѣйшее откровеніе абсолютнаго существа. Если слѣдовать этому предположенію Гегеля, то необходимо признать научное образованіе, особенно-же философское, наилучшимъ способомъ къ тому, чтобы придти въ соприкосновеніе съ абсолютнымъ существомъ; достигнуть наиболѣе близкаго съ нимъ общенія. Но что мы видимъ на дѣлѣ? Наука вовсе исключаетъ изъ себя и самый вопросъ объ абсолютномъ; философія-же можетъ быть и дѣйствительно бываетъ прямо атеистическою, и однако, не смотря на то, что наука ставитъ себя внѣ всякаго отношенія къ абсолютному существу, а философія можетъ даже отрицать это существо, ни существованіе науки, ни существованіе философіи чрезъ то не прекращается. Равнымъ образомъ мы видимъ, что искусство можетъ также чуждаться всякаго отношенія къ идеѣ абсолютнаго существа, что также не препятствуетъ ему существовать. Религія, вотъ та единственная область духа, гдѣ отчужденіе отъ абсолютнаго существа, а тѣмъ болѣе отрицаніе его было-бы совершеннымъ уничтоженіемъ самой этой области. Религія не можетъ быть атеистическою, по наука и искусство могутъ быть таковыми. Поэтому такіе предметы какъ вѣра, откровеніе, общеніе человѣка съ существомъ высочайшимъ только въ области религіозной имѣютъ свое первоначальное и дѣйствительное значеніе. Гегель-же и науку и искусство разсматриваетъ, какъ необходимыя формы откровенія абсолютнаго, и даже поставяетъ науку въ этомъ отношеніи выше религіи. Для науки и искусства идея абсолютнаго существа, стремленіе къ нему и общеніе съ нимъ (въ мысляхъ, чувствованіяхъ) все это можетъ быть лишь заимствованнымъ изъ религіозной вѣры, а потому самому и не можетъ быть въ нихъ столь жизненнымъ, чистымъ и совершеннымъ, какъ въ сферѣ религіозной.

Такъ какъ абсолютное по Гегелю есть то, чѣмъ является, а является оно постепенно все съ большею и большею ясностію и полнотою, то посему оно не просто существуетъ, а развивается, образуется, изъ одной формы своего проявленія переходитъ въ другую (вслѣдствіе чего абсолютная идея познается, какъ

систематическая цѣлость идей), повинуюсь при этомъ единственно заключающейся въ ней логической необходимости. Съ этой точки зрѣнія какъ въ мірозданіи вообще, такъ въ особенностяхъ въ исторической жизни человѣчества всякое отдѣльное явленіе представляется необходимымъ продуктомъ предшествующаго ему процесса самораскрытія абсолютной идеи. Что касается явленій физической природы, то опытное изученіе вещей, да и самое поверхностное наблюденіе давно уже привели къ тому взгляду на нихъ, по которому каждое изъ таковыхъ явленій разсматривается, какъ выраженіе общаго закона, а съ другой стороны, какъ необходимое послѣдствіе цѣлаго ряда предшествующихъ и сопутствующихъ ему условій. Но примѣнимъ-ли такой-же взглядъ и къ явленіямъ человѣческой жизни въ исторіи? Однако, и по Гегелю свобода, какъ принципъ духовной жизни, составляетъ существенное различіе между этою жизнью и бытіемъ природы физической. Но какова эта свобода? Свобода духа есть не что иное, какъ независимость отъ природы, но, будучи свободнымъ относительно природы, духъ не свободенъ въ самомъ себѣ. Такимъ образомъ, въ области духа, вмѣсто внѣшней необходимости, господствующей въ природѣ, наступаетъ необходимость внутренняя, но все-же необходимость. И въ природѣ и въ исторіи одинаково дѣйствуетъ необходимость, но въ природѣ абсолютное остается еще *внѣ себя*, и потому необходимость, господствующая въ природѣ, есть *внѣшняя*,—въ духѣ-же абсолютная идея возвращается къ себѣ, входитъ въ себя самое, а потому и необходимость здѣсь внутренняя. Какова-же именно эта внутренняя необходимость, въ чемъ она состоитъ? Внутренняя необходимость есть необходимость *субъективная*, состоящая въ совокупности внутреннихъ свойствъ, побужденій и стремленій, predeterminedъ для каждаго отдѣльнаго лица его природою, положеніемъ, внѣшними условіями. Гегель, конечно, различаетъ отъ субъективной воли, predeterminedъ природою человѣка, нравственную свободу, но свобода эта уже не есть принадлежность лица, а свойство общаго духа, дѣйствующаго только чрезъ посредство отдѣльныхъ личностей и слѣдовательно для по-

слѣднихъ свобода эта на самомъ дѣлѣ есть необходимость. Съ точки зрѣнія Гегели отдѣльные лица въ исторіи не болѣе, какъ мимолетныя явленія, скорѣе призраки, тѣни, нежели существа реальныя. И однако несомнѣнно, что многое въ исторіи было-бы необъяснимо, если исключить чисто личные побужденія. Участіе личной свободы въ исторіи и является причиною того, что при разсмотрѣніи историческихъ событій мы не можемъ преодолѣть въ себѣ убѣжденія, что всегда ходъ исторіи могъ быть инымъ какъ въ направленіи лучшаго, такъ и въ направленіи худшаго. Когда наблюденія надъ жизнью народовъ въ широкихъ размѣрахъ приводятъ къ тому заключенію, что жизнь эта въ значительной степени предопредѣлена и мѣрою и свойствомъ творческихъ силъ, положенныхъ въ самой природѣ извѣстнаго народа, окружающею его природою, то мы при этомъ вполне ясно сознаемъ, что этимъ ни мало не исключается самодѣятельность отдѣльныхъ лицъ и обществъ. Противоположное этому положенію воззрѣніе, именно то, что въ исторіи все предопредѣлено и условлено необходимыми законами и нѣтъ мѣста для субъективнаго произвола, ведетъ къ ни съ чѣмъ несообразному въ практическомъ отношеніи выводу, что всякое данное состояніе жизни необходимо таково, каково есть и не можетъ быть инымъ, ни лучшимъ ни худшимъ. Такимъ образомъ, если слѣдуетъ различать внутреннюю субъективную необходимость отъ внѣшней объективной, то это различіе мыслимо лишь при томъ предположеніи, что первая необходимость допускаетъ различныя видоизмѣненія въ зависимости отъ нашего произвола, отъ игры нашихъ субъективныхъ силъ, ибо иначе внутренняя необходимость была-бы для насъ не внутреннею, а внѣшнею, если-бы т. е. она не подлежала воздѣйствію нашихъ внутреннихъ совершенно свободныхъ побужденій, тогда не должно быть рѣчи ни о какой внутренней субъективной необходимости; должна быть признана существующею лишь одна внѣшняя объективная необходимость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и историческая наука о человѣческой жизни должна быть преобразована по образцу наукъ, изучающихъ физическую природу, такъ чтобы характеръ разсмотрѣ-

нія, подлежащаго ея изслѣдованію предмета, былъ исключительно *объективнымъ*. Такое именно стремленіе мы и видимъ въ новѣйшихъ попыткахъ создать науку объ обществѣ подъ именемъ социологіи.

Правда, Гегель усматриваетъ необходимость, условленную раскрытіемъ абсолютнаго начала, лишь въ общемъ ходѣ исторіи, чѣмъ ни мало не исключается случайность многихъ явленій и игра произвола отдѣльныхъ лицъ. Но допуская это, Гегель долженъ былъ признать, что не все происходящее въ исторіи есть моментъ въ раскрытіи абсолютной идеи; тогда слѣдуетъ придти къ тому выводу, что абсолютная идея не единственный дѣятель въ исторіи и что самыя проявленія этого начала обладаютъ самостоятельностью. Въ такомъ случаѣ должны быть измѣнены понятія и объ абсолютномъ существѣ, а равно и о тѣхъ существахъ, чрезъ посредство которыхъ оно дѣйствуетъ.

П. Липницкій.

(Продолженіе будетъ).

ФИЛОСОФСКІЯ ПИСЬМА.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Послѣднее письмо мы закончили тѣмъ положеніемъ, что высшимъ критеріемъ философской истины должна быть истина религіозная и именно истина откровенной христіанской религіи. Часто,—чтобъ не сказать въ большинствѣ случаевъ— философы новаго времени не имѣли въ виду этого критерія, стараясь прежде всего согласовать свои основоположенія о сущности вещей и о первыхъ началахъ вселенной съ ученіемъ о томъ положительныхъ наукъ. Но мы встрѣчаемъ также многихъ мыслителей, не упускавшихъ изъ виду главной задачи философіи—согласованія знанія и разума съ вѣрой въ Божественное Откровеніе. Самымъ выдающимся изъ такихъ мыслителей я считаю Лейбница, устремившаго все силы своего гениальнаго ума на примиреніе философіи и религіи въ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ онѣ вообще соприкасаться могутъ. Такое примиреніе онъ считалъ вполне возможнымъ, основываясь на томъ убѣжденіи, что между разумомъ и религіей не можетъ быть не разрѣшаемаго противорѣчія или дилеммы, такъ какъ сама религія, будучи дѣломъ вѣры, какъ способности разумной, есть тѣмъ самымъ дѣломъ разума, и то, что въ ней намъ не понятно и подлежитъ пока одной нашей вѣрѣ, то не противуразумно, но только сверхразумно; разумъ-же данъ человѣку для того, чтобы въ постепенно возрастающей мѣрѣ уяснять себѣ предметы вѣры и такимъ образомъ, усвоивъ ихъ въ своемъ познаніи, со-

гласовать это содержаніе своей познавательной способности со смысломъ Откровенія, насколько это возможно при данныхъ, ограничивающихъ эту способность, условіяхъ земнаго существованія.

Теперь спрашивается, почему Лейбницу, ясно сознававшему возможность примиренія философіи съ религіею, занимавшемуся этимъ вопросомъ, по собственному его признанію, въ продолженіе всей своей жизни и потратившему на его рѣшеніе столько усилій своего обширнаго и пронизательнаго ума, не удалось болѣе удовлетворительнымъ образомъ выполнить предположенной себѣ задачи?

Постараюсь дать отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Въ своемъ изслѣдованіи о монадологіи Лейбница и о нѣкоторыхъ, истекающихъ изъ нея теоріяхъ, Циммерманъ между прочимъ говоритъ про міросозерпаніе этого философа, что оно „въ своей геніальной недоконченности походитъ на торсъ, къ которому еще ни одинъ художникъ не рѣшился извѣять головы“¹⁾. Сравненіе это, конечно, не вполнѣ вѣрно, но очень наглядно, и, сохраняя его, я скажу, что дѣйствительно въ системѣ Лейбница какъ-бы не достаетъ головы, въ ней нѣтъ того относительно-безусловнаго начала, о которомъ я неоднократно говорила, какъ о началѣ по преимуществу подлежащемъ философскому мышленію, нѣтъ объединяющей центральной монады, съ необходимостью требуемой геніемъ монадологіи. Изъ этого пробѣла въ его системѣ истекаютъ всѣ ея неразрѣшенныя противорѣчія, въ немъ кроется главная причина неудачности его попытки примирить философію съ религіею.

На это можно возразить, что у Лейбница есть высшая монада, *monas monadum*. Но это возраженіе только кажущееся, а не дѣйствительное. Въ самомъ дѣлѣ, что такое монада по опредѣленію самого Лейбница? На этотъ вопросъ мы вмѣстѣ съ творцемъ монадологіи должны отвѣтить, что монада

¹⁾ Leibnitz' *Monadologie* mit einer Abhandlung über Leibnitz' und Gerbart's Theorien der wirklichen Geschehens, von Dr. Robert Zimmermann. Winn, 1847. Einleitung, Seite 4.

есть простая, т. е. недѣлимая субстанція или сила, ограниченная тѣломъ ¹⁾ и входящая въ составъ другихъ сложныхъ субстанцій. Ограниченность и вещественность составляетъ въ лейбницевскомъ смыслѣ необходимый элементъ каждой монады. Между тѣмъ его высшая монада совершенно не матеріальна и безгранична, она слѣдовательно вовсе не монада въ собственномъ смыслѣ и находится внѣ всякой естественной связи съ міромъ монадъ. Она есть Богъ, сотворившій данную множественность монадъ, Котораго мы должны принять на вѣру, какъ внѣмірнаго Бога откровенной религіи, и въ концѣ концовъ, вводя въ свою систему понятіе этой безграничной, творческой монады, Лейбницъ только повторилъ религіозный догматъ о сотвореніи міра нѣкоторымъ Высшимъ Существомъ, но ничего не выяснилъ. Собственно говоря, онъ даже внесъ неясность въ идею творенія, называя вещи фюльгураціями божества и превращая такимъ образомъ твореніе въ эманацию. Но это происходитъ отъ того, что прежде всего онъ внесъ противорѣчіе въ самое понятіе Бога, Который, будучи трансцендентнымъ міру дѣятелемъ съ точки зрѣнія лейбницевской теологіи, въ то же время съ точки зрѣнія монадологіи относится къ другимъ существамъ какъ монада господствующая къ монадамъ подчиненнымъ, или какъ душа къ организму, превращаясь тѣмъ самымъ въ дѣятеля имманентнаго міру, въ міровую душу міроваго тѣла.

Изъ этихъ противорѣчій, въ которыхъ колеблется вся философія Лейбница, онъ могъ-бы выйти при одномъ условіи: признавъ единую субстанцію или сущность и строго отдѣ-

¹⁾ *Примѣчаніе.* Говоря о тѣлѣ, ограничивающемъ монаду, мы, само собою разумѣется, не должны представлять здѣсь тѣло въ общепринятомъ значеніи этого слова, какъ чисто матеріальное. По ученію Лейбница, хотя дѣятельная сила (*vis activa*) есть существенное свойство монады, но въ то же время каждой конечной монадѣ свойственна и пассивность, которую Лейбницъ и называетъ *materia prima*, въ отличіе отъ агрегата или массы, обозначаемой имъ терминомъ: *materia secunda*, которая является какъ нѣчто протяженное. Только одинъ Богъ есть *actus purus*, только онъ свободенъ отъ всякой пассивности и потенціальности. Пассивность монадъ прежде всего является намъ какъ способность сопротивленія, на которой основана, такъ называемая, непроницаемость массъ.

ливъ понятіе Бога отъ понятія этой сущности, начало абсолютно - безусловное отъ начала относительно - безусловнаго, принципъ религіозный отъ принципа философскаго; тогда онъ также ясно отличилъ-бы твореніе отъ эманациі и, насколько это возможно, въ извѣстномъ отношеніи примирилъ-бы философію съ религіею, ибо примиреніе различныхъ началъ необходимымъ образомъ обусловлено предварительнымъ яснымъ ихъ различіемъ и распознаваніемъ ихъ отличительныхъ признаковъ, безъ чего оно превратится въ простое смѣшеніе подмезкащихъ примиренію понятій.

Но Лейбницъ, не смотря на собственное утвержденіе, что критеріемъ истины должно считаться Божественное Откровеніе, изъ водъ котораго, какъ изъ своего начала, исходятъ источники философскаго познанія, отвергъ первоначальную единую субстанцію, вопреки смыслу Откровенія, возвѣстившаго намъ, что созданіе Богомъ вселенной совершилось двоякимъ образомъ: первоначальнымъ актомъ сотворенія міроваго зародыша изъ ничего, затѣмъ производеніемъ одного изъ другаго, слѣдовательно путемъ непосредственнаго творенія и творенія посредственнаго (того, что въ философіи называется эманацией). Не уразумѣвъ различія этихъ двухъ понятій, Лейбницъ утратилъ ключъ къ примиренію безусловной истины Божественнаго Откровенія съ условной истиной философскаго пантеизма, и смѣшеніе объектовъ этихъ истинъ—Бога и единой міровой субстанціи—роковымъ образомъ отразилось на всемъ его дальнѣйшемъ міросозерцаніи, получившемъ какую-то странную окраску двойственности взглядовъ и противорѣчащемъ себѣ въ каждомъ изъ своихъ главныхъ тезисовъ.

Теперь постараемся прослѣдить главныя ошибки и противорѣчія лейбницевской системы и прежде всего начнемъ съ его міровой гармоніи, посредствомъ которой онъ пытается установить логическую связь между Богомъ и мопадами.

Эта попытка можетъ считаться и обыкновенно считается неудачной на томъ основаніи, что Лейбницъ, не выведя гармоніи изъ своихъ философскихъ основоположеній, совершенно догматически утверждаетъ ея существованіе и она такимъ

образомъ является скорѣе тезисомъ его вѣрованія, чѣмъ логическимъ звеномъ въ цѣпи его умозаключеній.

И дѣйствительно, философъ, хотя не однократно говоритъ, что міръ монадъ управляется гармоніей, представленной Богомъ, но нигдѣ не выводитъ одного понятія изъ другаго, оставляя ихъ вполне разрозненными.

Монада есть сила, и мы въ правѣ спросить, какимъ образомъ возможно отъ силы заключить къ гармоніи, или обратно? Лейбницъ обходитъ это затрудненіе, не разъяснивъ его, и становится понятнымъ, почему его гармонія, цѣлой пропастью отдѣленная отъ монадъ, не можетъ служить мостомъ между послѣдними и Богомъ.

А между тѣмъ, если мы глубже вникнемъ въ духъ философіи Лейбница и будемъ судить его систему не потому только какъ она говоритъ, но потому какъ она мыслитъ,—мы придемъ къ совершенно обратному заключенію относительно лейбницевской міровой гармоніи и вынуждены будемъ признать ее началомъ не только имманентнымъ міру монадъ, но и такимъ началомъ, понятіе котораго тѣсно связано съ понятіемъ Бога.

Въ самомъ дѣлѣ, по Лейбницу монада есть существо автономическое, т. е. существо, законы дѣйствія котораго слѣдуютъ изъ него самого. Далѣе, она дѣйствуетъ, стремится занять опредѣленную точку въ мірѣ и составить извѣстный членъ въ непрерывномъ ряду силъ, повинующься закону гармоніи. На вопросъ: откуда этотъ законъ, мы, для того, чтобъ быть послѣдовательными, необходимымъ образомъ должны отвѣтить, что онъ присущъ монадамъ какъ таковымъ, что онъ вытекаетъ изъ ихъ автономической природы. А такъ какъ затѣмъ міровая гармонія есть непрерывное, постепенное царство монадъ, которое чрезъ бесконечно малыя разности восходитъ отъ низшихъ силъ къ высшимъ, то очевидно, что это царство степеней идетъ къ Богу, какъ къ высочайшей силѣ, которая уже не можетъ быть превзойдена никакою болѣе высокою.

Вотъ логическій выводъ, къ которому приводитъ насъ ученіе о монадахъ и помощью котораго мы открываемъ проти-

ворѣчіе, заключающееся въ понятіи міровой гармоніи: какъ представленная Богомъ, она играетъ роль начала внѣшняго, потусторонняго для міра; по въ тоже время она является началомъ, вытекающимъ изъ собственной природы монадъ, имманентнымъ имъ.

Ошибка, приведшая Лейбница къ такому очевидному противорѣчію, совершенно подобна ошибкѣ Декарта въ его умозаключеніи отъ самоизвѣстности мышленія къ извѣстности трансцендентнаго Бога и состоитъ въ логическомъ скачкѣ, сдѣланномъ имъ при переходѣ отъ данной множественности монадъ къ представленной гармоніи, какъ къ началу ихъ объединяющему. Правда, изъ множественности монадъ, независимыхъ другъ отъ друга и не имѣющихъ оконъ, чрезъ которыя онѣ могли бы воспринимать извнѣ и производить во внѣ какое-бы то ни было вліяніе, невозможно было вывести вселенной съ ея единствомъ, и естественнымъ образомъ возникалъ вопросъ: не будутъ-ли эти силы дѣйствовать въ противность одна другой и не является-ли столько-же вселенныхъ, сколько монадъ? Лейбницъ обошелъ эти затрудненія, обратившись къ міровой гармоніи, какъ къ нѣкоторому вспомогательному, внѣшнему для его системы построенію, между тѣмъ какъ изъ его-же предпосылокъ слѣдуетъ, что гармонія можетъ быть только внутреннимъ закономъ монады и онъ, оставаясь послѣдовательнымъ, отъ множества монадъ и множества законовъ долженъ былъ заключить къ той единой монадѣ, изъ автономической природы которой онъ могъ-бы вывести всеединный міроуправляющій законъ гармоніи. Но онъ исключилъ изъ своей системы этотъ средній членъ отношенія между Богомъ и міромъ, и остается совершенно невыясненнымъ, почему онъ въ такомъ случаѣ дѣлитъ гармонію на представленную въ планѣ творенія и на преобразованную въ міровомъ порядкѣ вещей, невольно указывая этимъ дѣленіемъ на двойкій источникъ происхожденія гармоніи и какъ-бы намекая на разрѣшеніе, только что указаннаго мной противорѣчія въ самомъ ея понятіи. Смѣшеніе-же этихъ двухъ источниковъ гармоніи повлекло за собой новое противорѣчіе. новую ошибку: ложный взглядъ Лейбница на зло.

Дѣйствительно, только говоря о гармоніи вѣзмѣрной и непосредственно божественной, возможно, такъ сказать, включить зло въ кругъ ея примиряющаго дѣйствія, подпадая могуществу котораго, оно поглощается добромъ и становится какъ-бы его служителемъ, сообразно предназначенію Творца. Но такой высшій синтезъ добра и зла, если только существуетъ, навсегда останется для насъ однимъ предположеніемъ, если угодно тайной цѣлью нашихъ упованій, однимъ словомъ—темнымъ представленіемъ по терминологіи Лейбница, и напрасно послѣдній пытался сдѣлать его предметомъ философскаго мышленія, для котораго добро и зло навсегда останутся двумя непримиримыми понятіями. Къ такому результату, при правильныхъ умозаключеніяхъ, должны были привести Лейбница его собственные основоположенія.

Въ самомъ дѣлѣ, благою волею Творца вызвана изъ небытія къ бытію вселенная; въ то же время сила или воля, имѣющая благо цѣлью своего стремленія, признается Лейбницемъ за сокровенную сущность всякой монады. Такимъ образомъ само добро, состоящее въ согласіи имманентной воли сотвореннаго существа съ трансцендентной волей Творца, есть первоначальный источникъ жизни всего существующаго и слѣдовательно начало естественное.

Далѣе, желая доказать происхожденіе столь рѣзко въ жизни проявляющейся, но неизвѣстно откуда взявшейся дисгармоніи, изъ тѣхъ-же естественныхъ причинъ, Лейбницъ утверждаетъ, что между гармоніей и дисгармоніей, между добромъ и зломъ нѣтъ противоположности; зло не есть нѣчто самостоятельное: оно относится къ добру какъ *положительному* не какъ *отрицательное*, а какъ *недостаточное*; зло есть только недостатокъ добра и вытекаетъ, какъ прямое слѣдствіе, изъ ограниченности или, что то же, несовершенства монады, ограниченное стремленіе которыхъ, направляемое ограниченнымъ представленіемъ, имѣетъ своей цѣлью несовершенное, вмѣсто совершеннаго.

Очевидно, что съ этимъ разсужденіемъ нельзя согласиться. Изъ того, что монады ограничены и что ихъ воля несовершенна, еще не слѣдуетъ, чтобъ цѣль ихъ стремленій не долж-

на была согласоваться съ цѣлью воли абсолютной и чтобъ содержаніемъ ихъ воли являлся принципъ, дисгармонирующий съ содержаніемъ воли Творца, отъ которой воля монады могла, такъ сказать, различествовать только по своему объему, входя въ первую какъ меньшее въ большее, но покоряясь ей и дѣйствуя въ одномъ съ нею направленіи, подобно тому, какъ ручьи и рѣки, при впаденіи въ рѣку бѣольшую, въ своемъ теченіи направляются теченіемъ водъ послѣдней. Міровая гармонія, если была предуставлена Богомъ въ планѣ творенія, то должна была проявляться именно въ формѣ послушанія воли не ясно представляющихъ ея объектъ монады безграничной волѣ Премудраго Творца, имѣющаго своей цѣлью предметъ совершенный. И если въ мірѣ намъ прежде всего бросается въ глаза начало зла и дисгармоніи, то изъ этого мы можемъ вывести только то заключеніе, что господство міровой гармоніи должно было быть нарушено вторженіемъ въ міръ извнѣ враждебнаго и непонятнаго для нашего разума, т. е. сверхъестественнаго, или вѣрнѣе,—противуестественнаго начала зла.

Такое объясненіе происхожденія зла въ гармонически созданномъ Богомъ мірѣ, будучи вполнѣ логичнымъ съ нашей точки зрѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ согласуется съ ученіемъ Откровенія о грѣхопадении первыхъ людей, о которомъ Священное Писаніе повѣствуетъ, что оно произошло вслѣдствіе искушенія и посредствомъ искушителя, обманувшаго людей. Несовершенство людей еще не было зломъ, пока они покорялись Богу; оно было лишь необходимымъ условіемъ для того, чтобъ дисгармонія или зло вообще могли проникнуть въ міръ. Будь люди совершенны, то ихъ волю нельзя-бы было заставить дѣйствовать въ противность волѣ Божіей, хотя-бы для достиженія цѣли доброй самой въ себѣ, т. е. для достиженія познанія они или обладали-бы познаніемъ въ полной мѣрѣ, или достигали-бы его путемъ законнымъ, согласнымъ съ волею Божества, которая по благодати своей вела людей путемъ счастья. Какъ только люди воспротивились этой волѣ, зло вступило въ свои права: *отложеніе* воли тварной отъ воли творческой, или *разложеніе*, любовно объ-

единенной воли Божіей съ волей міровой, повлекло за собою смерть, какъ свое послѣдствіе ¹⁾.

Лейбницъ, признавъ зло началомъ естественнымъ, въ этомъ пунктѣ ярко обнаружилъ, кромѣ разпорѣчія своей системы съ ученіемъ Откровенія, ея внутреннее противорѣчіе самой себѣ.

Если все наличное въ мірѣ зло дѣйствительно исчерпывается, какъ опъ это говоритъ, началомъ ограпиченія и объясняется недостаточностью силы въ каждой отдѣльной монадѣ, т. е. ея безсиліемъ, то спрашивается, какимъ образомъ такое чисто-отрицательное понятіе, каково понятіе ничто, къ которому въ концѣ концовъ сводится само понятіе безсилія,—какимъ образомъ это ничто обращается въ пѣчто, противоборствующее положительному началу силы и добра и почему оно не покоряется послѣднему? Если зло не только ничтожно, но и естественно и подобно диссонансамъ въ музыкѣ или тѣнямъ въ картинѣ, не обезображивающимъ художественнаго произведенія, входитъ какъ содѣйствіе въ гармонию цѣлостнаго мірозданія, производя лишь кажущуюся дисгармонію въ отдѣльныхъ частяхъ его,—то почему оно не находитъ своего естественнаго разрѣшенія въ томъ-же самомъ міровомъ порядкѣ вещей, изъ котораго оно вытекаетъ? Для чего нужно было сверхъестественное появленіе Христа, Котораго самъ-же Лейбницъ въ своей теодицеѣ признаетъ Спасителемъ міра, для чего таинство Евхаристіи, чудодѣйственной силы котораго Лейбницъ также не отвергаетъ?

Очевидно, что только противуестественнымъ образомъ нарушенная гармонія для своего возстановленія могла потре-

¹⁾ *Примѣч.* Что грѣхъ, актъ чисто духовный, какъ преслушаніе воли Божіей, долженъ былъ своими послѣдствіями отразиться въ мірѣ физическомъ, ближе всего въ собственномъ тѣлѣ человѣка, это явленіе волюгѣ объясняется тѣсною связью духовнаго и вещественнаго міра. Духъ и матерія не образуютъ двухъ безусловно независимыхъ міровыхъ субстанцій, объединенныхъ лишь виѣшнею, формальною связью и происхожденіемъ отъ одной высочайшей причины; они составляютъ стороны одной и той-же міровой сущности. Естественно поэтому, что грѣхъ,—удаленіе отъ первоисточника жизни, долженъ былъ имѣть своимъ послѣдствіемъ смерть не только духовную, но и физическую.

бовать сверхъестественнаго божественнаго вмѣшательства, и въ Лицѣ Іисуса Христа, пришедшаго на землю *исполнить волю* Своего Отца, т. е. возсоздать первоначальную гармонию, Своимъ послушаніемъ покрывъ наше непослушаніе, мы, согласно Священному Писанію, должны видѣть Побѣдителя враждебнаго жизни начала зла и смерти.

В. Болшннх.

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

(Продолженіе *).

30. КСЕНОФОНТЪ.

На ряду съ Платономъ, любимымъ ученикомъ Сократа, былъ и Ксенофонтъ, который, хотя извѣстенъ болѣе какъ историкъ, нежели философъ, однако и въ исторіи философіи оставилъ по себѣ замѣтные слѣды, показавъ, что не даромъ слушалъ уроки великаго философа древности. Онъ родился въ 444 году до Р. Хр. отъ богатаго аѣнскаго гражданина Грилла и еще въ юности своей познакомился съ Сократомъ. Интересна первая встрѣча его съ послѣднимъ, послужившая началомъ знакомства ихъ. Сократъ, какъ извѣстно, училъ не только тѣхъ, которые искали его, но и тѣхъ, которыхъ онъ самъ находилъ и считалъ способными учиться у него. Последнее совершилось и въ отношеніи къ Ксенофонту, по свидѣтельству Діогена Лаэртія. Сократъ остановилъ красиваго юношу Ксенофонта на одной изъ улицъ аѣнскихъ, загородивъ ему путь палкою, и спросилъ его, гдѣ продаются съѣстные припасы. Когда Ксенофонтъ сказалъ ему необходимое въ отвѣтъ, Сократъ продолжалъ: „а гдѣ даются средства дѣлать

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 17.

людей честными и доблестными?“ Ксенофонтъ былъ въ недоумѣннн. Тогда Сократъ сказалъ ему: „слѣдуй за мною и узнаешь“. И съ тѣхъ поръ Ксенофонтъ сталъ внимательнымъ слушателемъ Сократа ¹⁾. Правда, такого сильнаго нравственнаго влїянїя Сократъ не произвелъ на Ксенофонта, какое произвелъ на Платона, что объясняется характеромъ самого Ксенофонта, живымъ, впечатлительнымъ, но не оставившимъ на себѣ глубокихъ слѣдовъ сторонняго влїянїя: тѣмъ не менѣе Ксенофонтъ всегда съ искреннею признательностію и благоговѣніемъ относился къ своему учителю, какъ то очевидно изъ его „Воспоминаній о Сократѣ“. И не смотря на то, что вся почти дальнѣйшая жизнь его протекла среди приключеній разнаго рода, отвлекавшихъ его умъ отъ серьезной и сосредоточенной работы мысли, умственная дѣятельность его была направлена хорошо и по всѣмъ плодамъ этой дѣятельности было видно, что уроки великаго философа не прошли для Ксенофонта совсѣмъ безслѣдно. Не даромъ и доселѣ въ учебныхъ заведенїяхъ образованнаго свѣта читаются, какъ образцы классической литературы, не только историческія произведенія его, каковы: „Анабазисъ“ (отступленіе 10000 грековъ) и „Киропедїя“ (воспитаніе Кира старшаго), но и „Воспоминанія о Сократѣ“. Впрочемъ, и „Киропедїя“ носитъ на себѣ ясныя слѣды уроковъ мудрости Сократа. Всѣ эти и другія сочиненія свои Ксенофонтъ написалъ въ помѣстьи своемъ Скиллѣ, куда онъ уединился послѣ тревоженнїи воинской и политической дѣятельности. И только остатокъ дней своихъ провелъ внѣ этого прекраснаго убѣжища. Умеръ онъ, по однимъ въ Коринѣѣ, а по другимъ въ Аѣинахъ около 356 года. Кромѣ цѣльныхъ большаго или меньшаго объема произведеній письменности, отъ Ксенофонта осталось много изреченій, дошедшихъ до насъ по преданію. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Однажды, когда Ксенофонтъ, съ вѣнкомъ на головѣ, приносилъ жертву, ему возвѣщено было, что одинъ изъ сыновей его умеръ. Ксенофонтъ тотчасъ-же снялъ вѣнокъ; но когда

¹⁾ Diog. L. II, 6, 1.

узналъ, что сынъ умеръ въ сраженіи, мужественно ратуя за отечество, то опять надѣлъ вѣнокъ. Иные-же говорятъ, что при извѣстіи о смерти сына онъ даже и не заплакалъ, но только сказалъ: „я зналъ, что родилъ его смертнымъ“.

Онъ-же говорилъ: тогда въ особенности должно служить Богу, когда человѣкъ находится въ благополучіи, дабы, когда случится несчастіе, мы могли дерзновенно и съ доброю надеждою прибѣгать къ нему за помощію.

Хорошій пастухъ и хорошій царь, говорилъ онъ, имѣютъ между собою сходство. И пастуху должно заботиться о томъ, чтобы скотина, ему ввѣренная, была благополучна, за что онъ въ свою очередь получаетъ пользу отъ нея: и царь долженъ заботиться о благополучіи городовъ и людей, но за то имѣетъ право и пользоваться отъ нихъ.

Солдату, говорилъ онъ, должно бояться больше полководца своего, нежели непріятелей.

Всѣ добродѣтели, какія только ты встрѣтишь именуемыми среди людей, могутъ быть усиливаемы посредствомъ наученія и упражненія.

Я не считаю счастливейшими тѣхъ, которые многое имѣютъ и многое берегутъ. Тѣ, которые оберегаютъ стѣны города, гораздо счастливѣе ихъ; потому что они оберегаютъ и все, что находится въ городахъ. Впрочемъ, кто можетъ приобрѣтать многое путемъ справедливости и пользоваться приобрѣтеннымъ хорошо, того я также считаю весьма счастливымъ по отношенію къ деньгамъ.

Имя хвастуна, мнѣ кажется, приложимо къ тѣмъ, которые дѣлаютъ видъ, что они болѣе богаты и мужественны, чѣмъ въ дѣйствительности суть, и обѣщаютъ сдѣлать болѣе, нежели въ состояніи сдѣлать; все-же это выставляютъ на показъ для того, чтобы получить что-либо и выгадать. А тѣ, которые производятъ смѣхъ среди присутствующихъ, не имѣя въ виду ни собственной выгоды, ни вреда для слушателей и вообще безъ всякаго ущерба для кого-бы то ни было, скорѣе могутъ быть названы превосходными собесѣдниками и остряками, нежели хвастунами.

Ксенофонтъ считалъ грѣхомъ похвальбу красотою лица

въ цвѣтущемъ возрастѣ; ибо люди, говорилъ онъ, имѣютъ привязанность къ тѣлу ради того, что въ немъ есть душа. И поэты, восхвалявшіе доблести человѣческія, или нисколько не хвалили тѣла, или-же весьма мало возсылали ему похвалъ; и великія дѣла души, каковы, напр., дѣла мудрости, они воспѣли въ назиданіе потомству.

Благополучіемъ я считаю, говорилъ онъ, то, когда кто, имѣя многое, издерживаетъ это на добрыя дѣла.

Прославляя Агезилая, Ксенофонтъ говорилъ, что онъ не любилъ никакой славы, которой не достигъ трудомъ. Смерть не кажется мнѣ, говорилъ Ксенофонтъ, ни постыдною, ни доброю. Предѣлъ жизни не для всѣхъ одинъ, такъ какъ природная крѣпость или немощность производятъ не одинаковое число лѣтъ бытія. Причина-же, вызывающая смерть, бываетъ то постыдная, то честная и благоприличная.

Утѣшая жену свою Сотиру по случаю смерти сына Грилла, онъ говорилъ: не слѣдуетъ предаваться печали, если ты знаешь, что начало человѣческой жизни есть рожденіе, а конецъ — смерть. Онъ умеръ, хотя, быть можетъ и не желалъ умереть. Но хорошо умереть добровольно и наставленнымъ въ томъ, въ чемъ должно. Итакъ блаженъ Грилла и всякій, кто избралъ жизнь не продолжительную, но соединенную съ добродѣтелью, хотя-бы Богъ надѣлилъ его и краткимъ срокомъ жизни.

Не множество и не сила доставляетъ побѣду на войнѣ; но тѣхъ, которые выходятъ противъ непріятелей съ надеждою на помощь Божію и сильны душою, непріатели по большей части не выносятъ.

Ни друзьямъ не можетъ кто-бы то ни было иначе принести больше всего добра во время войны, какъ только если будетъ казаться непріателемъ; ни врагамъ не можетъ принести болѣе всего вреда иначе, какъ только если будетъ казаться другомъ.

И малая переменна производитъ измѣненія во всей природѣ. Самъ Богъ научаетъ этому, въ короткое время переводя насъ отъ зимы къ жаркому лѣту и отъ лѣта къ жестокой зимней стужѣ. Слѣдуя этому указанію, мы должны при-

выкать къ тому, чтобы отправляться туда, куда должны прійти.

Не такъ тяжело не получать благъ, какъ, получивъ, лишиться ихъ. Если повиноваться начальству есть величайшее благо для того, чтобы получать добро, то знайте, что и сохранять то, что должно хранить, есть также величайшее благо.

Я думаю и то есть великое свидѣтельство доблести начальника, если подчиненные слѣдуютъ ему, добровольно и охотно остаются при немъ во время опасностей.

Такъ какъ ты—человѣкъ, то долженъ ожидать всего.

Прекрасное и доброе возрастаетъ въ людяхъ не благодаря красотѣ, но благодаря добродѣтельной жизни. Вино, подобно мандрагорамъ ¹⁾; человѣка усыпляетъ, а блудныя похотѣнія разжигаетъ, подобно тому, какъ масло—огонь ²⁾.

31. Евклидъ Мегарскій.

Въ числѣ многихъ слушателей Сократа былъ и Евклидъ, основатель Мегарской школы. Дабы избѣжать опасности посѣщенія Сократа, отъ приходилъ къ нему ночью и при томъ въ женской одеждѣ съ родины своей для слушанія уроковъ его мудрости. По смерти Сократа, когда ученики послѣдняго, и между прочими Платонъ, должны были удалиться изъ Аѳинъ по подозрѣнію въ соучастіи съ Сократомъ, Евклидъ принялъ ихъ радушно у себя въ Мегарѣ и не смотря на разность мнѣній, велъ съ ними непрерывную дружбу. Въ своемъ философскомъ ученіи онъ стремился соединить отвлеченное ученіе элеатовъ съ нравственнымъ ученіемъ Сократа при помощи того основоположенія, что только одно то истинно, что есть добро, какъ-бы ни называли его: θεός (Богъ), φρόνησις (мышленіе) или νόος (умъ). Но за-

¹⁾ Иначе: адамовы яблоки,—растеніе.

²⁾ См. Diog. L. II, 6; Stobaei, Floril. pag. 27, 155, 189, 410. 552, 201, 612, 618, 353, 366, 549, 152. 273, 320, 329, 360, 581, 221, 370 Анофо. стр. 83.

щищая это ученіе, Евклидъ способствовалъ развитію діалектики, и потому его и послѣдователей его школы называли также еристиками или діалектиками. По свидѣтельству Діогена Лаэртія, онъ оставилъ послѣ себя 6 діалоговъ; но до насъ они не дошли. За то остались нѣкоторыя изреченія его, которыя мы и приводимъ.

Удалившись изъ Элиды въ Олимпію, Евклидъ сталъ здѣсь заниматься философіею. Ученики спросили его, для чего онъ это дѣлаетъ. Онъ отвѣтилъ, что желаетъ основать школу (философскую), которую назоветъ Олимпійскою ¹⁾.

Сонъ, говорилъ Евклидъ, есть младшій и юный богъ, весьма способный къ тому, чтобы склонять челоуѣка на свою сторону и давать ему у себя убѣжище. Другой-же ²⁾—сѣдой и старшій, по большей части появляющійся въ старыхъ людяхъ, недовѣрчивый и непреклонный. Отъ этого бога трудно избавиться, когда онъ появился; ибо онъ не можетъ ни словамъ внимать, ни вообще слушать, такъ какъ глухъ; нельзя ему и показать что-либо и выставить на видъ, такъ какъ онъ слѣпъ.

Выслушавъ брата, который говорилъ: я не умру, не отомстивъ тебѣ, Евклидъ сказалъ: а я не умру, не убѣдивъ тебя полюбить насъ ³⁾.

32. СТИЛЬПОНЪ МЕГАРСКІЙ.

Въ числѣ ревностнѣйшихъ слушателей и послѣдователей Евклида былъ Стилповъ. О жизни его весьма мало извѣстно. По свидѣтельству Діогена Лаэртія, онъ оставилъ послѣ себя 9, а по свидѣтельству Свида—20 діалоговъ, ученіе которыхъ примыкаетъ къ общему ученію мегарской школы.

¹⁾ Олимпія—роца и равнина въ Элидской области Пизатидѣ, съ храмомъ Зевса Олимпійскаго, въ которой совершались Олимпійскія игры. Олимпъ,—гора въ Тессаліи,—мѣстопробываніе боговъ, называемыхъ потому Олимпійскими. Послѣ того смыслъ изреченія понятенъ.

²⁾ Разумѣется смерть; ибо уже издавна смерть и сонъ считались близнецами.

³⁾ Diog. L. II, 10, 5. Stobei, Florilegium, pag. 86. 476.

Димитрій, сынъ Антигона ¹⁾, взявъ Мегару, позаботился о томъ, чтобы сохранить домъ Стыльпона и возвратить ему все разграбленное имущество его. Когда-же захотѣлъ взять отъ него списокъ потеряннаго имущества, то философъ сказалъ, что онъ ничего изъ принадлежащаго ему не потерялъ, что науки отъ него никто не упустилъ, равно также и краснорѣчіе съ знаніемъ остается при немъ.

Однажды Стыльпонъ спросилъ кого-то относительно статуи Аѣины Паллады, изваянной Фидіемъ: Аѣина, дочь Зевса, есть-ли Богъ? ²⁾ Спрошенный отвѣчалъ: да. Тогда философъ возразилъ: но вѣдь эта (Аѣина) не есть произведеніе Зевса, а Фидія; когда-же тотъ согласился и съ этимъ, Стыльпонъ сказалъ: стало быть она не есть Богъ. За это его привлекли на судъ въ Ареопагъ; но онъ и тамъ объявилъ, что сказалъ правильно, такъ какъ Аѣина не есть Богъ, а богиня. Однако члены Ареопага приказали ему удалиться изъ города.

Когда циникъ Кратисъ спросилъ Стыльпона, пріятны-ли богамъ поклоны и молитвы, тотъ отвѣчалъ: безумецъ, объ этомъ не спрашивай меня на пути, а наединѣ.

Равнымъ образомъ, когда Віонъ ³⁾ спросилъ его, существуютъ-ли боги, онъ сказалъ: не отвлекай отъ меня народную толпу, противный старикъ!

Однажды Кратисъ предложилъ ему сушеную винную ягоду и нѣкоторый вопросъ. Стыльпонъ принялъ ягоду и съѣлъ ее. Когда-же Кратисъ воззвалъ: о Ираклъ, я потерялъ винную ягоду, то Стыльпонъ замѣтилъ: не только винную ягоду, но и вопросъ, залогомъ котораго была ягода.

Въ другой разъ замѣтивъ Кратиса, зимою грѣвшагося вслѣдствіе стужи, Стыльпонъ сказалъ ему: мнѣ кажется, Кратисъ, ты имѣешь нужду въ новой одеждѣ ⁴⁾.

1) Одинъ изъ такъ называемыхъ діадочовъ (преемниковъ) Александра Македонскаго, по прованію Полиоркетъ.

2) Греческое θεός (Богъ) употребляется и въ мужескомъ и въ женскомъ родѣ.

3) Разумѣется Віонъ Борисоенитъ, о которомъ будетъ рѣчь дальше.

4) Въ греческомъ игра словъ: ἱματίου καὶ χιτῶν (въ новой одеждѣ) и ἱματίου καὶ χιτῶν (въ одеждѣ и умѣ).

Въ бытность свою въ Аѣинахъ Стилпонтъ такое на себя обращалъ вниманіе всѣхъ, что даже и изъ мастерскихъ люди сбѣгались, чтобы посмотрѣть на него. И когда кто-то замѣтилъ ему: Стилпонтъ, на тебя всѣ дивятся, какъ на звѣря, то онъ сказалъ: не какъ на звѣря, а какъ на истиннаго человѣка.

Во время одной бесѣды съ Кратисомъ Стилпонтъ спѣшилъ уйти, чтобы купить рыбу. Когда-же Кратисъ удерживалъ его и говорилъ: ты покидаешь рѣчь? то Стилпонтъ отвѣтилъ: нѣтъ, рѣчь я имѣю при себѣ, а тебя покидаю; рѣчь останется, а рыба для жаркаго продана будетъ.

Спрошенный о томъ, что тверже, грубѣе статуи, Стилпонтъ отвѣтилъ: безчувственный человѣкъ.

Неправильно рассуждаютъ, говорилъ онъ, тѣ, которые изъ за умирающихъ небрегутъ о живыхъ ¹⁾.

33. Аристинъ Киринейскій.

Аристинъ былъ родомъ изъ Кирены. Онъ былъ сыномъ довольно богатаго торговца и родился въ 404 г. до Р. Хр. Отецъ его, наслышавшись о славѣ мудрости Сократа, послалъ своего сына учиться у него. Такимъ образомъ вся молодость Аристиппа прошла въ назидательномъ обращеніи съ Сократомъ. Въ послѣдствіи Аристинъ самъ выступилъ въ качествѣ учителя сперва на островѣ Эгинѣ, потомъ въ Сиракузахъ (въ Сициліи), при дворѣ тирала Діонисія младшаго, и наконецъ въ Аѣинахъ, вмѣстѣ съ Платономъ. Послѣ смерти Сократа онъ основалъ свою философскую школу, такъ называемую Киринейскую, а по основному началу, которое онъ проповѣдывалъ, школу идониковъ. Соответственно этому началу, *наслажденіе* (*ἡδονή*) онъ поставлялъ основоположеніемъ и теоретической и практической области жизни и дѣятельности, совершенно перетолковавъ такимъ образомъ основныя воззрѣнія философіи Сократа и отступивъ отъ направленія философіи вѣрнаго продолжателя послѣдняго и това-

¹⁾ Diog. L. II. 11. Stobei, Florilegium, pag. 57. 577.

рища своего Платона. Изящество обстановки, въ противоположность нищетѣ циниковъ, было отличительною особенностію его и его послѣдователей, къ которымъ потомъ примкнули эпикурейцы. Говорятъ, Аристиппъ первый изъ сократиковъ началъ брать плату за слушаніе лекцій. Изъ его сочиненій, которыхъ насчитывали много, ничего не дошло до насъ. Но за то съ его именемъ соединяется много различныхъ изреченій.

Спрошенный о томъ, какую пользу принесла ему философія, Аристиппъ отвѣчалъ: ту, что я смѣло могу разговаривать со всѣми.

Однажды онъ приказалъ купить куропатку за 50 драхмъ ¹⁾. Когда-же кто-то сталъ упрекать его за это, онъ сказалъ: ты ее купилъ-бы за оволь ²⁾, не правда-ли? Тотъ отвѣчалъ: да. Тогда Аристиппъ сказалъ: ну, такъ для меня 50 драхмъ значать тоже, что оволь.

Когда Діонисій ³⁾ однажды плюнулъ на него, онъ стерпѣлъ. А когда кто-то сталъ порицать его за это, то Аристиппъ замѣтилъ: вѣдь рыбаки терпятъ-же, когда на нихъ летятъ морскія брызги, лишь-бы поймать рыбу; мнѣ-ли не стерпѣть брызги изъ слюны, чтобы только захватить въ свои руки простофилю?

Однажды Діогенъ (циникъ), промывавшій овощи, увидѣвъ проходившаго мимо Аристиппа, сказалъ ему съ насмѣшкою: если-бы ты научился употреблять такія овощи, то не прислуживалъ-бы во дворцахъ тирановъ. Аристиппъ возразилъ ему на это: а ты, если-бы умѣлъ разговаривать съ людьми, то не промывалъ-бы овощей.

Когда Аристиппа порицали однажды за то, что онъ роскошно живетъ, Аристиппъ сказалъ: если-бы это было дурно, то не было-бы допускаемо при празднествахъ въ честь боговъ.

Спрошенный однажды о томъ, какое преимущество имѣютъ

1) Драхма=20—25 коп.

2) Оволь=4—5 коп.

3) Діонисій младшій—тиранъ сиракузскій.

философы, онъ отвѣтилъ: если даже всѣ законы будутъ уничтожены, мы будемъ жить все также, какъ теперь.

На вопросъ Діонисія, почему философы приходятъ къ дверямъ богачей, а богачи не приходятъ къ дверямъ философовъ, Аристиппъ отвѣтилъ: потому что тѣ знаютъ, что имъ нужно, а эти не знаютъ.

Когда Платонъ однажды порицалъ Аристиппа за то, что онъ роскошно жилъ, Аристиппъ сказалъ: кажется-ли тебѣ хорошимъ человѣкомъ Діонисій? и когда тотъ отвѣтилъ утвердительно, Аристиппъ сказалъ: а онъ живетъ гораздо роскошнѣе меня, такъ что ничто не препятствуетъ жить и роскошно и хорошо.

Спрошенный о томъ, чѣмъ отличаются воспитанные отъ не воспитанныхъ, Аристиппъ отвѣтилъ: тѣмъ-же, чѣмъ укрощенные копи отъ не укрощенныхъ.

Входя однажды въ жилище гетеры и видя входившаго вмѣстѣ съ нимъ одного изъ юношей, покраснѣвшаго при этомъ, Аристиппъ сказалъ: не трудно войти сюда, но трудно быть въ состояніи выйти отсюда.

Когда нѣкто предложилъ ему загадку и говорилъ: разрѣши ее! Аристиппъ сказалъ: глупый, для чего ты хочешь, чтобы я разрѣшилъ то, что и будучи связано доставляетъ намъ занятіе?

Лучше, говорилъ онъ, быть попрошайкой, нежели неучемъ; ибо тотъ нуждается въ деньгахъ, а этотъ—въ чело-вѣчности.

Будучи нѣкогда поносимъ, онъ удалялся молча; когда-же преслѣдовавшій его сказалъ ему: почему-же ты убѣгаешь? то Аристиппъ отвѣтилъ: потому что злословить имѣешь право ты, а не слушать злословія—я.

Когда кто-то замѣтилъ ему, что онъ высматриваетъ философовъ при дверяхъ богачей, онъ сказалъ: и врачи приходятъ къ дверямъ больныхъ; но ради этого никто не пожелаетъ быть лучше больнымъ, нежели врачомъ.

Случилось, что когда разъ Аристиппъ плылъ въ Коринѣ и была буря, то онъ началъ сильно беспокоиться. Кто-то сказалъ ему: мы люди простые, и то не боимся, а вы философы, да трусите. Аристиппъ на это замѣтилъ ему: это за-

виситъ оттого, что не одинакова душа, за которую каждый изъ насъ беспокоится.

Когда кто-то хвалилъ его за многознаніе, онъ сказалъ: какъ съѣдающіе очень много (и упражняющіеся) не бываютъ здоровы болѣе, нежели употребляющіе въ пищу лишь самое необходимое: такъ и истинно ученые бываютъ не тѣ, которые читаютъ многое, но тѣ, которые читаютъ полезное.

Когда одинъ риторъ велъ въ пользу его судебное дѣло и выигралъ его, а потомъ сказалъ ему: что-же пользы припесъ тебѣ Сократъ? Аристиппъ отвѣтилъ: то, что слова, которые ты говорилъ въ мою пользу, истинны.

Свою дочь Арету онъ наставлялъ наилучшему, утверждая въ ней убѣжденіе, что излишнее должно презирать.

Когда кто-то спросилъ его, въ чемъ лучшимъ окажется воспитанный имъ сынъ его, онъ отвѣтилъ: если ни въ чемъ другомъ, то по крайней мѣрѣ въ томъ, что въ театрѣ не будетъ сидѣть, какъ камень на камнѣ ¹⁾.

Когда нѣкто поручалъ ему сына для обученія, онъ потребовалъ за это пятьсотъ драхмъ ²⁾. А когда тотъ сказалъ ему: на такую сумму я могу себѣ купить раба, Аристиппъ возразилъ: купи, и будешь имѣть двухъ рабовъ.

Онъ говорилъ, что бралъ деньги отъ знакомыхъ не для того, чтобы самому ими пользоваться, но для того, чтобы тѣ знали, на что нужно употреблять деньги.

Когда однажды порицали его за то, что онъ, имѣя какое-то судебное дѣло, заплатилъ деньги ритору, который велъ въ пользу его это дѣло, то онъ сказалъ: и заказывая повару обѣдъ, я плачу ему деньги.

Когда однажды Діонисій принуждалъ его сказать что-либо изъ философіи, Аристиппъ возразилъ: смѣшно, что ты говорить научился отъ меня, а тому, когда нужно говорить, ты самъ меня учишь. Діонисій, разсердившись за это, посадилъ его за столъ на самое послѣднее мѣсто. Аристиппъ-же

¹⁾ Т. е. на каменныхъ скамьяхъ, расположенныхъ амфитеатромъ, соотвѣтственно устройству древнихъ театровъ.

²⁾ Свыше ста рублей на наши деньги.

сказалъ: ты должно быть захотѣлъ сдѣлать это мѣсто особенно славнымъ.

Кто-то хвалился искусствомъ плаванія. Аристиппъ сказалъ ему: неужели ты не стыдишься того, что хвастаешься дѣлами дельфина?

Спрошенный однажды о томъ, чѣмъ отличается мудрый отъ не мудраго, онъ отвѣчалъ: пошли обоихъ нагими къ не знающимъ ихъ, и узнаешь.

Когда кто-то хвалился, что можетъ много пить и не быть пьянымъ, Аристиппъ сказалъ: это свойственно и мулу.

На обвиненіе, что онъ, будучи ученикомъ Сократа, беретъ деньги за уроки, Аристиппъ отвѣчалъ: и я поступаю правильно. Вѣдь и Сократъ, когда нѣкоторые посылали къ нему хлѣбъ и вино, принимая не многое, остальное отсылалъ обратно. Но онъ имѣлъ плательщиками провизіею первыхъ гражданъ аѳинскихъ, а я — купленнаго за деньги раба Евтихида.

Порицавшему его за роскошныя яства, имъ употребляемыя, онъ замѣтилъ: а ты развѣ не купилъ-бы ихъ за три овола? И когда тотъ согласился съ этимъ, Аристиппъ сказалъ: такимъ образомъ я не настолько пристрастенъ къ удовольствіямъ, насколько ты — къ деньгамъ.

Когда разъ Симъ, казначей Діонисія, показывалъ Аристиппу роскошныя дома и прекрасныя мостовыя, — а онъ былъ фригіецъ и ничтожный человѣкъ, — Аристиппъ, отхаркнувшись, плюнулъ ему въ лицо; когда-же тотъ вознегодовалъ на это, философъ сказалъ: я не нашелъ болѣе удобнаго мѣста, куда-бы плюнуть.

Спрошенный о томъ, какъ умеръ Сократъ, Аристиппъ отвѣчалъ: такъ, какъ я желалъ.

Увидѣвъ одного слугу, несшаго деньги и тяготившагося своею ношею, Аристиппъ сказалъ ему: отсыпь лишнее и неси столько, сколько можешь.

Плывя однажды по морю и узнавъ, что судно, на которомъ онъ плылъ, есть разбойничье, Аристиппъ доставъ золото, началъ считать его; а потомъ какъ будто невзначай и противъ воли уронилъ это золото въ море и долго рыдалъ

по этому случаю. Нѣкоторые-же говорятъ, что онъ при этомъ добавилъ слова: лучше было золоту погибнуть ради Аристиппа, нежели Аристиппу ради золота.

Когда однажды Діонисій спросилъ Аристиппа, зачѣмъ онъ къ нему идетъ, Аристиппъ отвѣчалъ: за тѣмъ, чтобы отъдать то, что имѣю, и получить то, чего не имѣю. Нѣкоторые-же утверждаютъ, что онъ отвѣчалъ такъ: когда я имѣлъ нужду въ мудрости, то шелъ къ Сократу, теперь-же, когда нуждаюсь въ деньгахъ, иду къ тебѣ.

Онъ осуждалъ людей за то, что посуду на рынкѣ они узнаютъ по звуку, а жизнь людскую распознавать не стараются.

На одной пирушкѣ Діонисій приказалъ каждому изъ присутствовавшихъ плясать въ пурпуровой одеждѣ. Платонъ не согласился, сказавъ: не могу-же я надѣвать женское одѣяніе. Аристиппъ-же, взявъ эту одежду и надѣвъ ее, началъ плясать, остроумно замѣтивъ: здравый умъ и въ вакхическихъ оргіяхъ не потеряется.

Однажды онъ просилъ Діонисія о чемъ-то за друга своего и, не успѣвая въ просьбѣ, припалъ къ ногамъ его. Послѣ того кто-то сталъ смѣяться надъ нимъ по этому случаю. Аристиппъ въ свое оправданіе сказалъ: не я въ этомъ виноватъ, а Діонисій, который имѣетъ уни на ногахъ.

Находясь въ Малой Азій и захваченный сатрапомъ Артаферпомъ, Аристиппъ на чей-то вопросъ: хорошо-ли себя чувствуетъ, будучи захваченъ? отвѣтилъ: глупый, могъ-ли я когда-либо чувствовать себя лучше, нежели теперь, когда я буду разговаривать съ Артаферпомъ?

Спрошенный о томъ, чему должно учить хорошихъ дѣтей, Аристиппъ отвѣтилъ: тому, что имъ будетъ полезно, когда они возмужаютъ.

На обвиненіе, что отъ Сократа онъ перешелъ къ Діонисію, Аристиппъ сказалъ: но вѣдь къ Сократу я ходилъ ради науки, а къ Діонисію прихожу ради шутки ¹⁾.

¹⁾ Въ греческомъ игра словъ: ради науки (παιδείας ἕνεκεν) — ради шутки (παίδιάς, τ. ε. ἕνεκεν).

Когда Аристиппъ собралъ достаточно много денегъ за свои уроки, Сократъ спросилъ его: откуда у тебя такъ много денегъ? Аристиппъ-же отвѣтилъ: оттуда-же, откуда у тебя ихъ мало.

Когда разъ Аристиппъ получилъ отъ Діонисія деньги, а Платонъ—книги, кто-то сталъ упрекать перваго; но онъ замѣтилъ на это: я нуждаюсь въ деньгахъ, а Платонъ—въ книгахъ.

На вопросъ: за что его обличаетъ Діонисій? Аристиппъ отвѣтилъ: за то же, за что и его обличаютъ другіе.

Разъ онъ просилъ денегъ у Діонисія, и когда Діонисій сказалъ ему: вѣдь ты утверждалъ, что мудрецъ не нуждается въ деньгахъ, то Аристиппъ возразилъ на это: дай сперва, а потомъ мы и будемъ изслѣдовать этотъ вопросъ. Когда-же тотъ далъ, то философъ сказалъ: видишь, что теперь я не нуждаюсь въ нихъ.

Однажды Діонисій сказалъ ему: кто приходитъ къ тирану съ цѣлью проживанія у него, тотъ есть рабъ его, хотя бы пришелъ къ нему и свободнымъ. Аристиппъ-же возразилъ ему: таковой не есть рабъ, коль скоро онъ пришелъ свободнымъ.

Аристиппъ совѣтовалъ юношамъ брать съ собою тѣ же путевые запасы, какіе берутъ моряки для того, чтобы не потерпѣть кораблекрушенія.

Увидѣвъ кого-то разгнѣваннаго и ругавшагося, Аристиппъ сказалъ: мы не должны произносить слова по причинѣ гнѣва, но напротивъ должны гнѣвъ прекращать словами.

Онъ же обратился къ брату своему съ такими словами: помни, что ты виновникъ раздора, а я—примиренія.

Онъ сказалъ также, что царское достоинство настолько же отличается отъ тираніи, насколько законъ отъ беззаконія.

Властвуетъ надъ удовольствіемъ не тотъ, кто совсѣмъ воздерживается отъ него, но тотъ, кто пользуется имъ не увлекаясь страстію къ нему, подобно тому какъ управляетъ кораблемъ или конемъ не тотъ, который не употребляетъ ихъ въ дѣло, а тотъ, который направляетъ ихъ туда, куда хочетъ.

Не такъ бесполезно большое имущество, какъ большая обувь. Если послѣдняя очень велика, то она препятствуетъ свободѣ поступи: имуществомъ-же и въ цѣлости и по частямъ можно пользоваться, хотя-бы и большимъ ¹⁾).

. 34. ТЕОДОРЪ БЕЗБОЖНИКЪ.

Къ числу приверженцевъ школы Кирпейской, основанной Аристиппомъ, принадлежалъ Теодоръ, по прозванію безбожникъ (ἄθεος). О жизни его мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія. Сочиненіе его περὶ θεῶν также не дошло до насъ. Но за то дошли до насъ, кромѣ нѣкоторыхъ миѣній по предметамъ философіи, еще нѣкоторыя изреченія его, которыя мы и приводимъ.

Однажды Теодоръ, подѣвъ къ іерофанту ²⁾ Евриклиду, обратился къ нему съ словами: скажи мнѣ, Евриклидъ, кто суть нечестивцы въ отношеніи къ тайнствамъ? Когда-же тотъ отвѣтилъ, что это суть тѣ, которые открываютъ тайнства непосвященнымъ, Теодоръ замѣтилъ ему: стало быть нечестивъ и ты, сообщающій объ этомъ неносвященнымъ.

Пребывая, послѣ изгнанія изъ Аѳинъ ³⁾, у Птолемея Лага, онъ былъ однажды посланъ имъ въ качествѣ посла къ Лизимаху ⁴⁾. Когда-же онъ и у Лизимаха началъ говорить свободно, послѣдній спросилъ его: скажи мнѣ, не ты-ли тотъ Теодоръ, который изгнанъ изъ Аѳинъ? Теодоръ отвѣчалъ: ты вѣрно услышалъ; городъ Аѳинъ, не будучи въ состояніи носить меня, извергъ меня, подобно тому какъ Семела-Діониса. Когда-же Лизимахъ еще сказалъ ему: такъ смотри-же, не возвращайся опять къ намъ, Теодоръ замѣтилъ: я-бы и не пришелъ къ вамъ, если-бы меня не послалъ Птоломей.

¹⁾ Diog. L. II, 8, 1—4. Stobei, Florilegium, pag. 50, 174, 477, 344, 157, 514. Срав. Анофосемата, стр. 20 об.—27 об.

²⁾ Іерофантами назывались жрецы, посвящавшіе въ тайнства.

³⁾ Теодоръ и былъ изгнанъ изъ Аѳинъ именно за безбожіе.

⁴⁾ Лизимахъ—одинъ изъ преемниковъ Александра Македонскаго, царствовавшій во Фракіи.

Тогда къ нему приблизился Миеръ, распорядитель имѣніями Лизимаха, и сказалъ: ты, кажется, не признаешь не только боговъ, но и царей. Θεодоръ-же возразилъ на это: какимъ образомъ не признаю боговъ, когда даже тебя считаю враждебнымъ богамъ?

Однажды, въ бытность свою въ Коринѣѣ, онъ шелъ въ сопровожденіи толпы учениковъ мимо циника Митрокла, промывавшаго овощи. Митроклъ сказалъ ему при этомъ: ты софистъ не собралъ-бы около себя столько учениковъ, если-бы занимался промываніемъ овощей. Θεодоръ-же возразилъ ему на это: а ты, если-бы умѣлъ бесѣдовать съ людьми, то конечно не употреблялъ-бы эти овощи.

Θеодоръ довольно долго жилъ въ Киренѣѣ спокойно; однако и оттуда изгнали его. Тогда онъ радостно сказалъ: хорошо вы дѣлаете, Кирипейцы, изъ Ливіи направляя меня въ Грецію.

Когда Лизимахъ грозилъ Θεодору смертію, то Θεодоръ сказалъ ему: я не узнаю тебя, такъ какъ ты имѣешь силу не царя, а ядовитаго растенія ¹⁾.

Ц. Ж.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Diog. L. II, S, 14—18. Stobei, Florilegium, pag. 31.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Сентября (№ 18.) 1886 года.

Содержаніе: Определеіе Святѣйшаго Синода.—Отъ Правленія Харьковскаго духовнаго Училища.—Постановленія Сѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа 9/12 декабря 1885 года.—Журнальныя постановленія сѣзда духовенства Ахтырскаго училищнаго округа, бывшаго 2 сентября 1886 года.—Отъ Правленія Ахтырскаго духовнаго училища.—Объявленіе Харьковскаго Епархіальнаго Архитектора.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣсія и замѣтки.—Объявленія.

Определеіе Святѣйшаго Синода.

Отъ 27 августа—10 сентября 1886 г., за № 1813, о помѣщеніи свѣдѣній о недвижимой собственности духовныхъ лицъ въ клировыхъ вѣдомостяхъ старой формы, въ графѣ о прохожденіи службы.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: докладъ синодальной канцеляріи (по 1-му отдѣленію) слѣдующаго содержанія: Определеіемъ Святѣйшаго Синода отъ 2—23 іюля сего года утверждено заключеніе Хозяйственнаго Управленія, коимъ положено установленную для клировыхъ вѣдомостей о церковныхъ причтахъ форму, а равно и послужные о нихъ списки дополнить одною графюю, озаглавивъ ее такъ: „есть ли недвижимое имѣніе у самого, у родителей или у жены и какое именно“; при этомъ Хозяйственному Управленію предоставлено сдѣлать подлежащія распоряженія по приведенію сего въ исполненіе, о чемъ объявлено по духовному вѣдомству чрезъ „Церковный Вѣстникъ“ (№ 32). Между тѣмъ, по доставленнымъ нынѣ Святѣйшему Синоду свѣдѣніямъ, оказывается, что московская синодальная типографія, прежде полученія означеннаго распоряженія, заготовила бланки для клировыхъ вѣдомостей прежняго образца въ количествѣ до 150,000 листовъ. Приказали: Имѣя въ виду, что московская синодальная типографія уже заготовила бланки для клировыхъ вѣдомостей по старому образцу, Святѣйшій

Синодъ опредѣляетъ: предписать епархіальнымъ преосвященнымъ циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“, сдѣлать распоряженіе, чтобы впредь до израсходованія наличнаго запаса блянокъ стараго образца и до изготовленія блянокъ по новой формѣ, свѣдѣнія о недвижимой собственности духовныхъ лицъ помѣщались въ клировыхъ вѣдомостяхъ въ графѣ о прохожденіи службы; для чего и сообщить редакціи „Церковнаго Вѣстника“ выписку изъ настоящаго опредѣленія.

Отъ правленія Харьковскаго духовнаго училища.

Предметы занятій съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа, имѣющаго открытъ свои засѣданія съ *двадцать седьмого* октября н. г., слѣдующіе: а) избраніе членовъ Правленія отъ духовенства, согласно §§ 22. п. 3 и 31 уст. духов. учил.; б) разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училища и училищнаго общежитія въ 1887 году; в) разсмотрѣніе экономическаго отчета за 1885 годъ; г) избраніе, на основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода ³/₁₇ ноября 1882 года, трехъ членовъ ревизионнаго комитета для документальной повѣрки экономической отчетности по содержанію училища и училищнаго общежитія въ 1886 г., и для наблюденія за производствомъ расходовъ въ 1887 году; д) разсмотрѣніе вѣнчиковыхъ вѣдомостей за 1885 годъ; е) разсмотрѣніе проекта и смѣты на перестройство деревяннаго свода-потолка въ училищной церкви, согласно постановленію съѣзда духовенства отъ 12 декабря 1885 года, и ж) другія текущія дѣла, подлежащія обсужденію съѣзда.

На журналѣ Правленія училища по сему предмету резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: „Сентября 13. Согласно. Выборы депутатовъ произвести по прежнему порядку“.

Постановленія съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа
⁹/₁₂ декабря 1885 года.

Уполномоченные отъ духовенства Харьковскаго училищнаго округа, избравъ предсѣдателемъ съѣзда священника Харьковской Христо-Рождественской церкви Павла Тимоеева, а дѣлопроизводите-

лемъ съѣзда священника слободы Заводъ Волчанскаго уѣзда Александра Чернявскаго, слушали: а) предложеніе о. председателя съѣзда объ избраніи комиссіи для разсмотрѣнія вѣнчиковыхъ вѣдомостей, членами которыхъ и избрали священниковъ: Іоанна Федоровскаго, Іоанна Ракшевскаго и Петра Тимоѣева; б) прошеніе священника Никиты Шебатинскаго, нынѣ занимающаго мѣсто въ селѣ Былбасовкѣ, Изюмскаго уѣзда, и слѣдовательно, принадлежащаго къ Кушлянскому училищному округу, объ освобожденіи сына его Ивана Шебатинскаго, ученика 1 класса Харьковскаго духовнаго училища, отъ платы за правослушаніе уроковъ и отъ добавочнаго взноса за помѣщеніе въ училищномъ общежитіи на томъ основаніи, что онъ, Шебатинскій, состоя священникомъ 14 лѣтъ въ Харьковскомъ училищномъ округѣ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ духовенства, дѣятельно заботился объ изысканіи средствъ на благоустройство училища и исправно вносилъ положенныя суммы, и перешелъ въ другой округъ въ силу крайней необходимости поддержать сиротъ умершаго священника Крыжановскаго, и что въ семействѣ его въ настоящее время состоитъ 10 душъ дѣтей и престарѣлая его мать. *Постановили:* ученика 1-го класса Ивана Шебатинскаго отъ всѣхъ добавочныхъ взносовъ съ иноокружныхъ воспитанниковъ училища на все время воспитанія его въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ освободить; в) докладъ Правленія Харьковскаго духовнаго училища съ приложеніемъ прошенія учителей о квартирномъ пособіи въ виду дороговизны квартиръ въ г. Харьковѣ и скуднаго ихъ жалованья. По выслушаніи прошенія и всестороннемъ обсужденіи мотивовъ, изложенныхъ въ прошеніи гг. учителей *постановили:* такъ какъ на училищномъ округѣ состоитъ нынѣ долгъ за постройку училищныхъ зданій болѣе тридцати четырехъ тысячъ рублей и постройки училища еще вполнѣ не окончены, просьбу учителей о назначеніи имъ квартирнаго пособія при всемъ желаніи и сочувствіи о.о. уполномоченныхъ, за неимѣніемъ наличныхъ средствъ, отложить на будущее время, и вопросъ этотъ считать открытымъ.

Въ утреннемъ и вечернемъ засѣданіи 10 декабря уполномоченные разсматривали смѣту, составленную училищнымъ Правленіемъ о приходѣ и расходѣ суммъ на содержаніе училища въ 1886 году. По смѣтному назначенію училищнаго Правленія предполагается къ поступленію въ 1886 году по всѣмъ статьямъ прихода 19,472 р. 28 коп., а расходъ опредѣленъ по смѣтѣ въ суммѣ 22,187 р. 70 к.; такимъ образомъ, по смѣтѣ Правленія сумма расхода превышаетъ

приходъ на 2715 р. 42 к. При подробномъ-же разсмотрѣніи статей прихода съѣздъ нашелъ возможнымъ увеличить приходъ, а именно: а) по статьѣ VI вмѣсто 1700 руб., имѣющихъ поступить отъ епархіальнаго свѣчнаго завода пятидесяти конечнаго взноса съ каждаго пуда свѣчей, проданныхъ церквамъ училищнаго округа, въ виду усердія духовенства выраженного въ текущемъ 1885 года, назначить 2000 руб. и б) изъ доходовъ училищной церкви 200 руб., которые должны быть выдаваемы учителю церковнаго пѣнія за управленіе хоромъ воспитанниковъ въ церкви во время Богослуженія; такимъ образомъ смѣта прихода увеличится на 500 руб., и общій итогъ прихода составитъ сумму 19,972 р. 28 к. При разсмотрѣніи расхода съѣздъ нашелъ возможнымъ сократить расходъ: а) по содержанію учениковъ письменными принадлежностями, б) по содержанію полнокоштныхъ воспитанниковъ одеждою и обувью; по сей статьѣ предположено вмѣсто драпу употребить на пошитіе зимнихъ пальто черное гвардейское сукно № 1, в) по статьѣ VII по содержанію пищею на 85 полнокоштныхъ и полукостныхъ воспитанниковъ назначить не 5590 руб., а 5525 р., и на 26 воспитанниковъ, платящихъ половинный взносъ и одного стипендіата не 945 р., а 877 р. 50 к.; пяти надзирателямъ, эконому, кастеляншѣ и фельдшерицѣ вмѣсто чаю и сахару выдать 120 р. деньгами; г) по ст. VIII, по содержанію дома и двора предположить къ расходу не 7351 р. 80 к., а 6735 р. 32 к. Вообще расходъ по смѣтному исчисленію, по сокращеніи на 1227 р. 48 к., опредѣлится по всѣмъ статьямъ на 1886 годъ 20,960 р. 22 к. Недостающую по смѣтѣ на покрытіе расхода сумму 987 р. 94 к. въ 1886 году пополнить личными взносами отъ духовенства, предназначенными на устройство училища, въ такомъ размѣрѣ: отъ священника 2 руб., отъ штатныхъ діаконовъ 1 р. 50 к. и по 1 р. съ псаломщиковъ, а затѣмъ личный взносъ отъ духовенства на постройку училища прекратить. Взносъ за своекоштныхъ воспитанниковъ, по статьѣ содержанія воспитанниковъ пищею, оставить прежній, т. е. взымать съ каждаго пансіонера по 70 руб. въ годъ. При этомъ смиреннѣйше просить Его Преосвященство побудить Верхохарьковскій Николаевскій женскій монастырь уплатить недоимку за 1883—84 и 85 годы въ размѣрѣ 47 р. 52 коп., а съ 1886 г. назначить съ означеннаго монастыря на содержаніе Харьковскаго духовнаго училища ежегодно по 30 руб. на томъ основаніи, что при монастырѣ есть село Стрѣлечье, въ которомъ числится болѣе 500 душъ ревизскихъ, и при этомъ внушить женскому монастырю,

чтобы онъ забиралъ свѣчи изъ епархіального свѣчнаго завода какъ для монастыря собственно, такъ и для продажи на Харьковскомъ вокзалѣ ж. д., гдѣ монастырь имѣетъ свою икону св. Николая, передъ которою отъѣзжающими въ путь ставится весьма достаточное количество свѣчей. Постановленія эти утверждены Его Преосвященствомъ.

Въ вечернемъ-же засѣданіи 10 декабря слушали журналъ временнаго ревизіоннаго комитета о повѣркѣ строительнаго отчета по устройству зданія Харьковскаго духовнаго училища. Постройка этого зданія производилась съ 1882 г. по 1885 годъ на мѣстныхъ средства училищнаго округа; на нее употреблено 125.630 руб. 13 к. Членами ревизіоннаго комитета представленъ былъ на разсмотрѣніе съѣзда и самый отчетъ со всѣми документами и доложено было, что работы производились съ возможною бережливостью, всѣ уплаты производились по точномъ измѣреніи и вычисленіи дѣйствительныхъ работъ, и что составленный строителями отчетъ далъ полную возможность ревизіонному комитету провѣрить производство работъ какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ со всевозможною точностію; сами уполномоченные съѣздовъ неоднократно имѣли возможность лично разсматривать произведенныя постройки и убѣдиться въ ихъ прочности, цѣлесообразности и удобствѣ. *Постановили:* признать отчетъ Правленія Харьковскаго духовнаго училища и строительной комиссіи правильнымъ и во всемъ согласнымъ съ правилами строительнаго и счетнаго уставовъ; дѣло о постройкѣ училищнаго зданія считать оконченнымъ и строительную комиссію считать закрытою; строителямъ же: г. смотрителю училища Григорію Григорьевичу Лапчинскому, помощнику смотрителя, священнику Іоанну Левитскому, бывшему члену Правленія отъ учителей Михайлу Петровичу Важенцову, членамъ Правленія отъ духовенства, священникамъ: Филиппу Соболеву и Николаю Гутникову и членамъ строительной комиссіи, священникамъ: Петру Мигулину, Николаю Моценкову и Василю Ветухову изъявить искреннюю благодарность отъ лица духовенства всего училищнаго округа и ходатайствовать передъ Его Преосвященствомъ, чтобы эта признательная благодарность внесена была въ ихъ послужные списки; сверхъ того, смиреннѣйше просить ходатайства Его Преосвященства о представленіи смотрителя училища г. Лапчинскаго, за его особенно ревностный и полезный трудъ при постройкѣ училищнаго зданія, къ соотвѣтственной наградѣ. На журналъ по сему дѣлу резолюція Его Преосвященства такова: „Декабря 20. Утверждается. Относительно

лицъ отъ Правленія и духовенства, участвовавшихъ въ построеніи училищнаго зданія, Консисторія и Правленіе училища имѣютъ сдѣлать надлежащее распоряженіе“.

Въ засѣданіи 11 декабря уполномоченные слушали докладъ Правленія Харьковскаго духовнаго училища о томъ, что, на основаніи примѣчанія къ § 105 новаго училищнаго устава, эконоомъ избирается съѣздомъ духовенства для исполненія распоряженій по хозяйственной части. Прилагая при докладѣ прошеніе 12-ти лицъ, Правленіе училища полагаетъ, что гораздо выгоднѣе для училища избрать на должность эконома лицо духовнаго званія въ санѣ діакона. Основаніемъ къ этому служитъ то, что лицо духовнаго званія находится въ вѣдѣніи Епархіальнаго начальства, помимо котораго оно не можетъ своевольно оставить занимаемой имъ должности и получить другое мѣсто; а съ другой стороны это лицо кромѣ исполненія экономическихъ обязанностей, можетъ быть еще полезнымъ для училищной церкви исполненіемъ при ней псаломщицкихъ обязанностей въ такое время года, когда ученики уѣзжаютъ домой на праздники Рождественскіе и Воскресенскіе, и когда не съ кѣмъ отправлять Богослуженіе, чрезъ что и училищная церковь много теряетъ. Выслушавъ докладъ Правленія училища и разсмотрѣвъ при немъ приложенныя прошенія и документы разныхъ лицъ, уполномоченные съѣзда избрали на должность эконома училища діакона Успенской церкви, слободы Заводъ, Волчанскаго уѣзда Афанасія Толмачева большинствомъ голосовъ 18 избирательныхъ противъ 4 неизбирательныхъ. На журналѣ по сему дѣлу резолюція Его Преосвященства такова: „Декабря 20. Утверждается. Относительно увольненія діакона Толмачева отъ занимаемаго имъ мѣста Консисторія сдѣлаетъ надлежащее распоряженіе“.

Въ засѣданіи 12 декабря уполномоченные съѣзда слушали: а) журналы временно-ревизіоннаго комитета о провѣркѣ имъ отчета по приходу и расходу суммъ по содержанію Харьковскаго духовнаго училища и общежитія при немъ въ прошломъ 1884 году. Изъ журнала видно, что всѣ поступающія суммы записывались своевременно, хранились въ подлежащихъ учрежденіяхъ и расходовались правильно. *Постановили:* а) отчетъ по содержанію училища въ 1884 году признать совершенно правильнымъ и передать въ Правленіе училища для храненія; б) для документальной провѣрки экономической отчетности по содержанію училища въ 1885 году посредствомъ закрытой баллотировки избрали священниковъ: Григорія Бѣльева, Василия Лихницкаго и Андрея Григоренкова и кан-

дидатами къ нимъ священниковъ: Павла Тимоѳеева и Михаила Румянцева.

Въ томъ-же засѣданіи уполномоченные слушали доклады Правленія училища и разсуждали: а) *О покрытіи дома по постройкѣ училищныхъ зданій.* Такъ какъ на постройку училищныхъ зданій израсходовано 125,630 руб. 13 коп.; на приходъ-же на этотъ предметъ поступило 96,331 р. 23 к., а остальные позаимствованы у церковей округа съ платою по 6⁰/₁₀₀, то по сему и состоитъ за училищемъ долгу съ ⁰/₁₀₀ по 9-е декабря 1885 года 34,526 р. 08 к. Принимая во вниманіе, что уплата этого долга не можетъ быть произведена одновременно, а только постепенно, по мѣрѣ поступленія ежегодныхъ денежныхъ взносовъ отъ церковей въ суммѣ 10,028 руб. 90 коп., постановили: продолжать означенные взносы на три года до перваго января 1890 года. б) *О переустройствѣ деревяннаго свода въ училищной церкви.* При устройствѣ училищнаго корпуса ни смѣтою, ни съѣздомъ духовенства не ассигновано было ничего на ремонтровку училищной церкви; между тѣмъ деревянный сводъ училищной церкви виситъ на однихъ стропилахъ, которыя сдѣланы изъ липоваго дерева, по сему и самый сводъ вмѣстѣ съ ними провисаетъ, косится и распираетъ стѣпы. Правленіе училища обращалось за совѣтомъ къ архитектору Покровскому, который составилъ проектъ и предложилъ установить колонны по сторонамъ церкви и на этихъ колоннахъ утвердить самый сводъ, дабы онъ не распиралъ стѣны зданія. Устройство это, по приблизительному расчету архитектора, исчислено въ 7297 руб. *Постановили:* просить Правленіе училища вмѣстѣ съ епархіальнымъ архитекторомъ всесторонне осмотрѣть училищную церковь и составить проектъ и смѣту безъ устройства внутреннихъ колоннъ, которыя могутъ загроздить помѣщеніе церкви, и эту смѣту представить будущему съѣзду духовенства; при семъ просить Его Преосвященство разрѣшить Правленію училища открыть поднеску по всей епархіи чрезъ о.о. благочинныхъ на возобновленіе Іоанно-Богословской церкви, а въ настоящее время открыть поднеску между наличными уполномоченными съѣзда и подписной листъ вмѣстѣ съ деньгами передать въ Правленіе училища. в) *Касательно устройства каменной ограды съ задней стороны училищнаго зданія постановили:* поручить Правленію училища разломать каменную старую стѣну по Классическому переулку и построить новую съ выѣздными воротами, на что и употребить до 3000 рублей изъ строительнаго капитала, и г) *Касательно устройства классной мебели по-*

становили: необходимую классную мебель устроить на счетъ остаточныхъ суммъ изъ смѣтныхъ назначеній по содержанію училища.

Всѣ вышеозначенныя постановленія съѣзда утверждены Его Преосвященствомъ.

Журнальныя постановленія съѣзда духовенства Ахтырскаго Училищнаго округа, бывшаго 2-го сентября 1886 года.

Журналь № 1-й 1886 г. Сентября 2 дня. Предсѣдатель Съѣзда протоіерей Павелъ Малишевскій и уполномоченные отъ духовенства Ахтырскаго училищнаго округа въ количествѣ 20 лицъ, прибывъ въ собраніе въ 10 часовъ утра, разсматривали:

1. Смѣту прихода и расхода суммъ по содержанію Сумскаго, бывшаго Ахтырскаго духовнаго училища на 1887 годъ. Постановили: смѣту, составленную Правленіемъ училища, принять безъ измѣненія, за исключеніемъ сверхъ штатныхъ назначеній дѣлопроизводителю Правленія и эконому училища, изъ коихъ первому назначить годоваго жалованья 100 рублей, вмѣсто положенныхъ Правленіемъ 200 р., а послѣднему назначенное Правленіемъ добавочное содержаніе 100 руб. отмѣнить, по неимѣнію средствъ и имѣя въ виду предстоящія болѣе неотложныя училищныя потребности.

2. Разсматривали приходо-расходныя вѣнчиковыя вѣдомости за прошлый 1885 г. Постановили: принять къ свѣдѣнію.

3. Слушали отношеніе Правленія училища отъ 2 сентября 1886 г. за № 806, объ открытіи 10 полукоштныхъ вакансій на епархіальныя средства, полагая на каждую 60 руб. въ годъ. Постановили: вполнѣ сочувствуя нуждамъ бѣдныхъ родителей и учениковъ, открыть 10-ть новыхъ полукоштныхъ вакансій, разложивъ слѣдующіе на сей предметъ 600 руб. на церкви училищнаго округа чрезъ окружныя благотворительныя съѣзды, начавъ таковой взносъ по 2 р. 70 коп. отъ церкви съ 1 Января 1887 года.

4. Слушали докладъ ревизіонной комиссіи о приходѣ и расходѣ училищныхъ суммъ за 1885 годъ съ журналомъ временно-ревизіоннаго комитета. Постановили: докладъ временно-ревизіонной комиссіи принять къ свѣдѣнію, выразивъ признательность съѣзда членамъ комиссіи за ихъ труды.

На семь журпалѣ послѣдовала слѣдующая резолюція Его Высокосвященства: „Сентября 13. Утверждается за исключеніемъ

3-й статьи. Объ указанномъ въ ней предметѣ сужденіе отложить до окончанія постройки новаго зданія Сумскаго училища“.

Журналъ № 2-й. 1886 года сентября 2 дня. Уполномоченные отъ духовенства Ахтырскаго училищнаго округа въ томъ-же составѣ, прибывъ въ собраніе въ 5 часовъ вечера, слушали во 1) отношеніе правленія Сумскаго, бывшаго Ахтырскаго духовнаго училища, отъ 30 августа 1886 г. за № 813, коимъ оно даетъ знать, что постановленіе съѣзда духовенства Ахтырскаго училищнаго округа, бывшаго въ прошломъ 1885 году о замѣнѣ заимообразнаго отпуса изъ Святѣйшаго Синода на постройку училища 30,000 руб., двухгодичнымъ взносомъ отъ церквей, не утверждено Его Высокопреосвященствомъ, а предложенный епархіальнымъ начальствомъ и утвержденный Святѣйшимъ Синодомъ способъ уплаты строительной училищной ссуды 30 тысячъ, посредствомъ ежегоднаго 10 рублеваго взноса отъ каждой церкви училищнаго округа, остается въ силѣ и подлежитъ исполненію. Постановили: принять къ свѣдѣнію и оставить сужденіе по сему предмету до слѣдующаго съѣзда въ 1887 году, такъ какъ срокъ уплаты долга Святѣйшему Синоду долженъ быть начатъ только съ 1 Января 1888 года.

2) Слушали прошеніе псаломщика Захарія Горанина о сложеніи съ него 30 руб. недоимки за сына его, уволеннаго уже изъ училища. Постановили: передать означенное прошеніе на зависящее распоряженіе училищнаго Правленія.

3) Въ 1887 году училищный съѣздъ назначается на 1 сентября.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такого содержанія: „Сентября 13. Не признаю за съѣздомъ права пересматривать дѣла о ссудѣ, утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ по представленію епархіальнаго начальства. Последнее само озаботится скорѣйшею уплатою долга, если представится къ тому возможность по окончаніи постройки новаго корпуса для Сумскаго училища. Остальное утверждается“.

Отъ Правленія Ахтырскаго духовнаго училища.

Правленіе Ахтырскаго духовнаго училища объявляетъ, что, согласно постановленію съѣзда духовенства Ахтырскаго училищнаго округа, отъ $\frac{3}{4}$ сентября 1885 г., въ члены временно-ревизіоннаго комитета для повѣрки экономическихъ отчетовъ училища за 1886 и 1887 годы съѣздомъ духовенства избраны и Его Высокопреосвященствомъ утверждены священники: г. Ахтырки Іоаннъ Псичеч-

ковъ, слободы Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда, Василій Масловъ и слоб. Ямной того-же уѣзда Андрей Сапухинъ.

Объявленіе Харьковскаго Епархіальнаго Архитектора.

Для болѣе успѣшнаго хода строительнаго дѣла по церковнымъ постройкамъ—необходимо тѣмъ обществамъ и причтамъ, у которыхъ предполагаются постройки или перестройки церквей давать про это знать и заказывать проекты Епархіальному Архитектору заблаговременно, дабы весною не отрывать времени отъ наблюденія за постройками для составленія проектовъ. Самое удобное время заказовъ это осень и зима. Сюда, разумѣется, не относятся тѣ случаи, гдѣ надо составлять проекты экстренно; такіе проекты могутъ быть заказываемы во всякое время года.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ПРЪВЪЩЕНІЯ.

Псаломщикъ Преображенской церкви слободы Ворожбы, Лебедянскаго уѣзда, Владиміръ *Роменскій* опредѣленъ на праздное священническое мѣсто при Николаевской церкви села Асѣвки, Зміевскаго уѣзда.

— Священникъ Георгіевской церкви, села Бѣловода, Сумскаго уѣзда Іаковъ *Хорошковъ* перемѣщенъ на священническое мѣсто при Успенской церкви села Пристайлова, Лебедянскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Валковской Благовѣщенской церкви Николай *Богославскій* опредѣленъ штатнымъ діакономъ къ означенной церкви.

— На праздное псаломщицкое мѣсто къ Рождество-Богородичной церкви сл. Поповки, Купянскаго уѣзда, опредѣленъ безмѣстный псаломщикъ Михаилъ *Краснопольскій*.

Утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ церквамъ: Крестовоздвиженской села Кручка, Богодуховскаго уѣзда, крестьянинъ Иванъ *Тарасенко*; Рождество-Богородичной, села Губаревки, того-же уѣзда, Иванъ *Бутенко*; Рождество-Богородичной, с. Караванскаго, Валковскаго уѣзда, крестьянинъ Антоній *Галушка*; Успенской г. Лебедина, мѣщанинъ Алексѣй Прокофьевъ *Кравцовъ*; Христо-Рождественской, слободы Боромл, Ахтырскаго уѣзда, дворянинъ Уаръ Павловъ *Чернявскій*.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а :

При церкви Сумскаго тюремнаго замка Св. Синодомъ, вслѣдствіе представленія Харьковскаго Епархіальнаго начальства, открыта вакансія штатнаго священника.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Вызовъ миссіонеровъ въ Японію.—Положеніе о содержаніи православнаго духовенства въ Финляндіи.—Примѣры изуверства въ области раскола и сектанства.—Еврейскій фанатизмъ.—Образцовыя церковно-приходскія школы въ Цензѣ.— По поводу сближенія народной школы съ Церковію.—Правила для представленія къ наградамъ духовенства.—Распространеніе Св. Писанія въ Восточной Сибирѣ.—Мѣры противъ шунды.—Сѣздъ представителей церковно-приходскихъ попечительствъ.—Коллекція древнихъ монетъ.—Реставрація древняго храма въ Карсѣ.—Обращеніе католиковъ въ православіе.—Число жителей въ Іерусалимѣ.—Саранульская енархія.—Судъ надъ отступницей отъ православія.—Высочайшія награды.—Государственные доходы и расходы за этотъ годъ.—Дѣятельность католическихъ миссіонеровъ.—Предстоящій юбилей папы.—Научно этнографическая повѣдка.—„Церковное древнехранилище“.—По поводу крестьянскихъ переселеній.—Подчиненіе Прибалтійскихъ сельскихъ школъ Министерству Народнаго Просвѣщенія.—Открытіе общественной бібліотеки въ Харьковѣ.—Къ вопросу о лѣченіи на бактериологическихъ станціяхъ.—Давнія о чумной эпизоотіи.—Указъ сената мировымъ сѣздамъ.—По поводу распределенія расходовъ на новобранцевъ.—Открытіе памятника въ память Русско-Турецкой войны 1877—78 гг.—(1) положеніи дѣтей-рабочихъ у частныхъ мастеровъ.—Къ питейному вопросу.—Новые сѣрные источники.—Общественныя записки.—Памятникъ павшимъ при изятіи Ташкента.

-- Св. Синодъ поручилъ совѣтамъ С.-Петербургской, Кіевской, Московской и Казанской духовныхъ академій предложить студентамъ, окончившимъ въ текущемъ году курсъ ученія, не пожелаетъ ли кто-либо изъ нихъ поступить въ составъ Японской православной миссіи. Православная Церковь въ Японіи состоитъ нынѣ изъ 12.000 христіанъ. Для образованія проповѣдниковъ, священнослужителей и переводчиковъ духовной письменности на японскій языкъ существуютъ въ Тоокіо катехизаторское училище и семинарія, въ которой преподаваніе идетъ по-русски. Главными наставниками и руководителями въ этихъ училищахъ должны быть миссіонеры. Они-же, будучи сами въ санѣ іеромонаховъ, должны потомъ практически руководить проповѣдниковъ-японцевъ въ дѣлѣ ихъ служенія, а также руководить и туземныхъ священнослужителей въ отправленіи ихъ обязанностей. Такихъ вакансій миссіонеровъ въ Японіи въ настоящее время считается 6; онѣ-то и предлагаются нынѣ окончившимъ курсъ духовно-академическаго образованія.

— „Русск. Вѣд.“ сообщаютъ, что Финляндскимъ сенатомъ выработано положеніе о духовенствѣ и храмахъ въ православныхъ приходахъ въ Финляндіи, съ проектомъ штата содержанія православныхъ причтовъ при городскихъ церквахъ, походныхъ священниковъ и духовнаго правленія въ гор. Выборгѣ и объ ученіи дѣтей въ тамошнихъ православныхъ сельскихъ приходахъ. Утверж-

денными постановленіями увеличено содержаніе причтамъ городскихъ православныхъ храмовъ въ Финляндіи и, кромѣ казеннаго жалованья, назначенъ духовенству, въ видѣ вознагражденія за совершеніе церковныхъ требъ, ежегодный окладъ, который вносится прихожанами. Изъ назначенныхъ къ отпуску изъ финляндскаго казначейства 68,814 марокъ въ годъ, 11,514 марокъ исчислено на духовное правленіе въ Выборгъ и содержаніе двухъ походныхъ священниковъ, съ состоящими при нихъ псаломщиками, 15,400 марокъ на причтъ выборгскаго собора, 10,000 марокъ на причтъ гельсингфорскаго собора; остальная сумма на прочія городскія церкви. Новыми правилами учреждены въ каждомъ православномъ сельскомъ приходѣ въ Финляндіи дѣтскія школы для первоначальнаго обученія закону Божію и чтенію, а гдѣ позволяютъ обстоятельства—письму, ариѳметикѣ и пѣнію.

— Церковно-приходской школѣ предстоитъ великое дѣло—воспитать народъ въ духѣ истинной религіозности и освободить его отъ тяготяющаго на немъ ига умственнаго мрака, дѣлающаго его легкой жертвой всевозможныхъ лжеученій и дикаго изувѣрства. Примѣры послѣдняго нерѣдки въ области раскола и сектантства. Такъ изъ Астрахани сообщаютъ, что тамъ въ церкви Покрова присоединена была мѣстнымъ священникомъ изъ раскола поморскаго толка къ православной Церкви дѣвица Прасковья Суханова, крестьянка села Поима, Пензенской губерніи. Цомннутая дѣвица принадлежала къ семейству самыхъ закоренѣлыхъ раскольниковъ, а потому, когда родственники ея услышали о переходѣ ея въ православіе, то собрались для разсужденія объ отступницѣ. На собраніи этомъ первымъ долгомъ посыпались проклятія на отступницу отъ мнимо-древняго благочестія. „Пропала теперь на вѣкъ! Погибла! Цопала въ антихристовы руки!“ вопили кривотолки. И вотъ всѣмъ собраніемъ рѣшено было отправить въ Астрахань родную тетку Сухановой Марію Родіонову, поручивъ ей отъ имени всѣхъ родныхъ проклясть отступницу и сказать ей, чтобы она не считалась болѣе ихъ родственницей. Родіонова, потерпѣвъ неудачу въ попыткѣ совратить обратно въ расколъ свою племянницу, со злобою начала проклипать ее и затѣмъ стала было ругать Церковь и ея Таинства, обозвавъ Церковь антихристовою, а таинство муропомазанія—печатію антихриста. Но не успѣла Родіонова кончить своихъ проклятій, какъ съ неистовымъ крикомъ упала на полъ и начала биться головою, потомъ, вцѣпившись себѣ въ волосы, начала рвать ихъ, при чемъ лицо ея перекашивалось въ разныя стороны.

Находившіеся при этомъ нѣсколько человѣкъ, бросились было удерживать Родіонову, но ничего не могли сдѣлать. Въ этомъ мучительномъ состояніи Родіонова пробыла нѣсколько часовъ. Когда ей стали говорить, что это наказаніе Божіе за хулу на Церковь, и когда племянница предложила ей присоединиться къ православной Церкви, то она наотрѣзъ отказалась, говоря: „весь вѣкъ свой буду биться, а своего рода не осрамлю, чтобы идти къ вамъ въ Церковь“

— Еще болѣе дикаго изувѣрства показываютъ иногда штундисты. Извѣстный противостундистскій миссіонеръ о. Арсеній, по окончаніи собесѣдованій 1 сентября, въ с. Деміевкѣ, около Кіева, посѣтилъ церковнаго старосту, куда, по просьбѣ о. миссіонера, былъ приглашенъ и главарь деміевскихъ штундистовъ Андреевъ, съ которымъ о. Арсеній рассчитывалъ еще продолжать бесѣду. Но Андреевъ, войдя въ комнату, началъ свой разговоръ отборной бранью, обращенной къ о. Арсенію. О. Арсеній кротко пытался увѣщевать дышавшаго фанатизмомъ штундиста, но послѣдній не унимался и въ дальнѣйшемъ разговорѣ продолжалъ оскорблять въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ о. миссіонера, дѣлая при этомъ самыя дерзкіе отзвывы о высшей церковной іерархіи, о Св. Синодѣ и проч. Народъ, окружавшій домикъ старосты и бывшій невольнымъ свидѣтелемъ наглости штундиста, нѣсколько разъ пытался ворваться и схватить Андреева, но о. миссіонеръ каждый разъ обращался со словомъ увѣщанія къ народу и убѣждалъ его во имя христіанской любви и всепрощенія не допускать себя до грубой расправы съ главаремъ штундистовъ. Благодаря только этому, Андреевъ возвратился домой, не тронутый никѣмъ изъ довольно многочисленной толпы.

— Не дремлетъ и фанатизмъ еврейскій. Въ „Лит. Епарх. Вѣд.“ сообщается о слѣдующемъ происшествіи: 25 августа, въ 6 ч. утра, еврей Хаимъ-Мендель Ароновичъ, придя къ большимъ западнымъ дверямъ Пречистенскаго собора, облилъ ихъ керосиномъ и пытался поджечь посредствомъ спичекъ, которыхъ найдено на мѣстѣ болѣе десятка. Подметавшіе улицу люди, а также прохожіе, увидя это злодѣяніе, подняли крикъ и передали поджигателя городо-вому. Собравшіеся жидаы, стали галдѣть, что поджигатель не въ своемъ умѣ, сумасшедшій; явилась якобы и мать его, которая увела виновника въ домъ Яловцына, въ конецъ Пречистенской улицы. По сношеніи съ полиціей, поджигатель арестованъ, и дознаніе о немъ передано судебному слѣдователю. Въ случаѣ удачи поджога опасность собору грозила весьма серьезная: двери деревянныя:

толстыя соединены съ деревяннымъ тамбуромъ, который въ свою очередь неразрывно связанъ съ обширными хорами, идущими и по южной, и сѣверной сторонамъ собора, тоже деревянными. Ароновичъ къ тому не жалѣлъ керосина; еще часъ спустя послѣ происшествія капли керосина висѣли на ручкѣ замка, а слѣды керосина на порогѣ двери и до сихъ поръ замѣтны. - Народная молва предполагаетъ, что эта попытка къ поджогу стоитъ въ связи съ крещеніемъ въ соборѣ еврея наканунѣ этого происшествія. Надѣемся, что судебная власть лишитъ поджигателя возможности дѣлать подобныя попытки даже въ случаѣ доказаннаго сумасшествія его. Такія лица, какъ вредныя, подлежатъ изъятію изъ общества. Нельзя не замѣтить, что въ городѣ нерѣдко попадаются бродячіе по улицамъ съ руганью и какими-то причитаніями евреи и еврейки, видимо не въ здоровомъ умѣ; слѣдовало бы ихъ убирать подалеже, а то—до грѣха не далеко.

— Въ наступившемъ учебномъ году въ гор. Пензѣ открываются двѣ образцовыхъ церковно-приходскихъ школы,—одна при духовной семинаріи, другая при епархіальномъ женскомъ училищѣ. И та и другая имѣютъ своею задачею наглядно и практически приготовить своихъ воспитанниковъ и воспитанницъ къ обученію въ сельскихъ церковно-приходскихъ школахъ. Для образцовой школы при семинаріи готовится особое зданіе на семинарскомъ дворѣ, на средства, отпущенныя изъ Св. Синода, въ размѣрѣ 1,312 р. 25 к. школа же при училищѣ будетъ помѣщаться въ самомъ, училищномъ зданіи и содержаться на остаточныя суммы. Учительницей при послѣдней опредѣлена окончившая курсъ въ епарх. училищѣ съ отличными успѣхами З. Чернозерская.

— Тамбовскій епархіальный училищный совѣтъ выработалъ правила, которыми должны руководиться священники-законоучители въ видахъ сближенія народной школы съ Церковію. Вотъ нѣкоторыя правила. Священникъ всѣми мѣрами побуждаетъ и располагаетъ учениковъ школы во всѣ праздничные и воскресные дни неопустительно присутствовать при богослуженіи и становиться въ опредѣленномъ по его распоряженію мѣстѣ, чтобы онъ могъ видѣть, какъ ученики стоятъ и молятся. Въ виду пріученія учениковъ къ сознательному участию въ богослуженіи, священникъ долженъ передъ праздничными днями во время урока объяснять смыслъ и значеніе сихъ дней, а иногда и во внѣклассное время въ храмѣ разъяснять значеніе и смыслъ св. иконъ, передъ самыми св. иконами. При помощи учителя, а также и способныхъ членовъ причта,

онъ долженъ пріучать учениковъ къ клиросному чтенію и пѣнію. Способные ученики, по достаточной подготовкѣ въ церковномъ пѣніи и чтеніи, по распоряженію священника, становятся на клиросѣ участвуя въ пѣніи и чтеніи. Обученіе способныхъ учениковъ церковному пѣнію и чтенію членами причта производится во внѣ-классное время въ школѣ или храмѣ. Ученики, съ позволенія священника, могутъ по очереди стоять въ алтарѣ и прислуживать во время священнослуженія, напр., подавать кадило, теплоту. Наконецъ, священникъ всѣми мѣрами долженъ пріучать учениковъ школы къ точному исполненію правилъ и постановленій св. Церкви, напр., св. постовъ, исповѣди и причащенія, предостерегать ихъ отъ сквернословія, ссоръ между собою.

— Соотвѣтственно особымъ запросамъ времени, требующимъ отъ духовенства напряженія всѣхъ духовно-просвѣтительныхъ силъ, епархіальныя начальства стараются также опредѣлить правила для представленія къ наградамъ, какъ къ поощрительному средству къ усердной дѣятельности. Такъ, Пензенская духовная консисторія предписала благочинническимъ совѣтамъ о томъ: а) чтобы представленія къ наградамъ были не объ однихъ только священникахъ, но и о діаконахъ и псаломщикахъ; б) чтобы въ таковыхъ представленіяхъ было прописываемо, за что именно представляется то или другое лицо къ наградѣ, напримѣръ: 1) за дѣятельное попеченіе о благоустройствѣ и украшеніи храма; 2) за ревностное проповѣданіе слова Божія; 3) за открытіе вѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ прихожанами и благотворное вліяніе оныхъ на прихожанъ, доказанное фактами; 4) за успѣшное преподаваніе закона Божія въ училищахъ; 5) за увеличеніе свѣчной и вѣчичковой суммы; 6) за благотворное вліяніе на раскольниковъ, доказанное фактами; 7) за присоединеніе нѣсколькихъ лицъ къ православію изъ разныхъ вѣроисповѣданій; 8) за значительное пожертвованіе изъ своихъ средствъ въ церковь или въ пользу учебныхъ и богоугодныхъ заведеній; 9) за расположеніе прихожанъ къ посѣщенію храма Божія и неопустительное исполненіе ими христіанскаго долга; 10) за ревностное исполненіе различныхъ особыхъ порученій, возлагаемыхъ на священнослужителей и т. п.; но одно неопустительное богослуженіе въ храмѣ и примѣрное поведеніе не могутъ служить достаточнымъ основаніемъ къ представленію къ наградѣ; в) чтобы таковыя представленія были отъ всего состава благочинническаго совѣта, а представленія къ наградамъ отъ однихъ благочинныхъ, или безъ подписи кого-либо изъ членовъ совѣта, будутъ оставляемы безъ послѣдствій.

— Общество Распространенія Священнаго Писанія въ Россіи, въ текущемъ году, по словамъ „Новаго Времени“, въ первый разъ въ продолженіе своей многолѣтней дѣятельности нашло возможнымъ отправить въ Восточную Сибирь полныя Библии на русскомъ и славянскомъ языкахъ. Книги отправлены съ книгоношей и членомъ названнаго Общества, И. К. Голубевымъ. Этотъ дѣятель Общества въ прошломъ году продалъ въ Сибири до 6.000 экземпляровъ книгъ Священнаго Писанія и нынѣ рѣшился въ третій разъ посвятить свой миссіонерскій трудъ Якутскому краю. Въ нынѣшнее лѣто г. Голубевъ забралъ съ собою до 8.000 экземпляровъ книгъ Св. Писанія. На своемъ пути въ Сибирь, г. Голубевъ пробылъ около двухъ мѣсяцевъ въ Омскѣ и тамъ распродалъ до 3.000 экз. По дорогѣ въ Якутскъ, г. Голубевъ намѣренъ посѣтить всѣ селенія по берегу рѣки Лены, а на обратномъ пути изъ Якутска побывать на приискахъ.

— „Кіевлянинъ“ сообщаетъ, что по всѣмъ приходамъ Кіевской епархіи, куда проникло ученіе штундизма, въ настоящее время рассылаются печатные листы о почитаніи храма Божія; затѣмъ рассылаются книжки для бесплатной раздачи, въ которыхъ разъясняются тѣ обрядовыя стороны православной Церкви, какія отвергаются штундистами.

— „Новости“ слышали, что предстоящей осенью состоится съѣздъ представителей церковно-приходскихъ попечительствъ Петербургской губерніи для разсужденія о принятіи болѣе радикальныхъ мѣръ къ предупрежденію и пресѣченію нищенства въ столицѣ. Между прочимъ, для этого будутъ предложены вопросы: 1) о дѣйствительномъ согласованіи дѣятельности комитета для разбора и призрѣніе нищихъ съ однородною дѣятельностью Императорскаго челолюбиваго общества, приходскихъ попечительствъ и городского управленія и 2) объ установленіи надзора надъ просящими милостыню въ храмахъ.

— Начальникомъ духовной миссіи въ Іерусалимѣ, о. архимандритомъ Антониномъ, неутомимымъ дѣятелемъ на поприщѣ археологіи, какъ извѣстно, принесена въ даръ православному палестинскому обществу коллекція древнихъ и средневѣковыхъ монетъ, имѣющихъ весьма цѣнное значеніе для науки. Всѣхъ монетъ 564. Въ настоящее время проф. И. Помяловскій составилъ каталогъ этимъ монетамъ съ ихъ подробнымъ описаніемъ. Этотъ каталогъ изданъ Палестинскимъ обществомъ отдѣльно, во второмъ выпускѣ 1 части сборника *Палестина и Синай*.

— Извѣстно, что съ 1879 года по всей Россіи былъ открытъ сборъ пожертвованій на возстановленіе православнаго военнаго крѣпостнаго собора въ Карсѣ; тогда-же былъ образованъ особый комитетъ по этому дѣлу. Въ настоящее время этотъ комитетъ опубликовалъ отчетъ о приходѣ суммъ, поступившихъ въ его распоряженіе, и о произведенныхъ имъ расходахъ. Оказывается, что на возстановленіе православнаго карскаго собора, основаннаго еще въ X вѣкѣ анатолійскими греками, а потомъ, по взятіи Карса турками, превращеннаго въ мечеть, всего собрано было, со времени открытія подписки по настоящее время, 29,070 руб. 29 коп., изъ которыхъ 4,935 руб. 58 коп. поступили изъ суммъ, находившихся въ распоряженіи бывшаго августѣйшаго намѣстника кавказскаго, 23,894 р. 89 к. составляютъ пожертвованія различныхъ учреждений и лицъ и, наконецъ, 239 р. 82 к. поступило $\frac{1}{100}$ на суммы обращенныя въ $\frac{1}{100}$ бумаги. Израсходовано-же 26,862 р. 75 к. и осталось къ 1 іюля 1886 года въ наличности только 2,207 руб. 54 к. Оставшейся незначительной суммы оказывается далеко не достаточно, чтобы карскій военный соборъ привести въ надлежащій видъ; требуются деньги на постройку при соборѣ колокольни, на пріобрѣтеніе полнаго набора колоколовъ и на образованіе при соборѣ площади, для чего нужно совершить экспроприацію частныхъ мусульманскихъ домовъ, близъ собора лежащихъ. Между тѣмъ пожертвованія перестали поступать. Въ виду всего этого, карскій комитетъ, по возстановленію собора, снова обращается къ ревнителю православія не отказать въ своемъ посильномъ содѣйствіи къ окончательному устройству карскаго крѣпостнаго собора.

— Въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ напечатано слѣдующее извѣстіе: „На дняхъ въ здѣшней бывшей униатской, нынѣ православной церкви, на Медовой улицѣ, совершилось весьма утѣшительное событіе. Двое изъ самыхъ упорныхъ и фанатическихъ агентовъ іезуито-польской пропаганды въ средѣ кореннаго русскаго (бывшаго униатскаго) населенія края, крестьяне: деревни Вульки-Шлебанской, Бѣльскаго уѣзда, Василій Прокопюкъ, и села Витулина, Константиновскаго уѣзда, Яковъ Гусакъ, искренно раскаявшись въ своемъ уклоненіи отъ православной церкви, исповѣдывались у настоятеля названной церкви протоіерея Луки Цыбика и пріобщались Св. Таинъ. Нужно было видѣть ту радость, можно сказать, восторгъ, съ какимъ эти бывшіе коноводы упорствующихъ, послѣ окончанія обѣдни, рассказывали о томъ, какъ они чувствуютъ себя теперь счастливыми, какъ они довольны тѣмъ, что опять могутъ

свободно молиться въ своей родной церкви и исполнять въ ней требы. На вопросъ кто-же мѣшалъ имъ сдѣлать это раньше, Проклюкъ, со слезами на глазахъ, заявилъ, что католическіе ксендзы, къ которымъ они обратились еще давно, взяли съ нихъ на исповѣди присягу о непосѣщеніи впредь православной церкви и преслѣдованіи посѣщающихъ таковую бывшихъ уніатовъ. Теперь-же, когда они набрались храбрости, не смотря на эту присягу, вновь обратиться къ своей церкви и своему законному пастырю—они весьма счастливы“.

— Въ 1847 году, въ Іерусалимѣ числилось 17,070 жителей. Въ 1851 году это число возвысилось до 23,324, въ томъ числѣ 12,256 магометанъ, 7,488 христіанъ и 3,580 евреевъ. Въ 1858 году оно возрасло уже до 30,000. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ число евреевъ изумительно возрасло, достигнувъ 20,000, между тѣмъ какъ населеніе магометанъ пало до 5,000, а число христіанъ осталось почти тоже. Христіанское населеніе состоитъ изъ 4,600 православныхъ, 2,100 католиковъ, 850 протестантовъ (большею частію нѣмцевъ и англичанъ), 450 армянъ и затѣмъ, въ маломъ количествѣ, коптовъ, абиссинцевъ, сирійцевъ и уніатовъ. Все населеніе Іерусалима теперь можно опредѣлить круглой цыфрой въ 35,000 человекъ.

— Волжскій Вѣстникъ сообщаетъ, что жители города Сарапула и духовенство трехъ юго-восточныхъ уѣздовъ Вятской губерніи заняты вопросомъ объ учрежденіи самостоятельной, отдѣльной отъ Вятской, епархіи. Сарапульское городское общество, начиная съ 1869 года, нѣсколько разъ (въ 1881 и 1885) обращалось чрезъ своихъ довѣренныхъ съ ходатайствомъ къ вятскому епархіальному начальству о томъ, чтобы сарапульскій епископъ, викарій вятскій, имѣлъ постоянное мѣстопробываніе не въ Вяткѣ, а въ Сарапулѣ. Въ просьбахъ говорилось, что жители Сарапульскаго, Елабужскаго и Малмыжскаго уѣздовъ, по отдаленности ихъ отъ губернскаго города, почти совершенно лишены возможности видѣть архіерейское служеніе и слышать архіерейское слово, въ чемъ, однако, настоятъ крайняя необходимость, такъ какъ въ этихъ уѣздахъ среди православнаго населенія обитаютъ и раскольники разныхъ сектъ, а также магометане и язычники, оказывающіе иногда пагубное вліяніе на православныхъ. Епархіальное начальство такую просьбу не могло удовлетворить, потому что перемѣщеніе преосвященнаго викарія въ отдаленный отъ губернскаго города край весьма затруднило-бы сношеніе съ нимъ епархіальнаго преосвященнаго и консисторіи по дѣламъ епархіальнаго управленія; при-

томъ такое перемѣщеніе должно было вызвать затрудненіе въ средствахъ содержанія викарнаго преосвященнаго. Саранульское общество, получивъ отказъ отъ епархіальнаго начальства, обратилось съ ходатайствомъ въ Св. Синодъ. Св. Синодъ согласился, что перемѣщеніе викарія изъ Вятки въ Сарануль неудобно, но въ то же время призналъ необходимымъ учрежденіе въ городѣ Сарануль самостоятельной архіерейской кафедрѣ.

— Кіевлянинъ сообщаетъ: „Въ Кіевской судебной палатѣ недавно слушалось въ апелляціонномъ порядкѣ дѣло объ еврейкѣ Черниговской губерніи Ханѣ Гнесиной, названной при Св. крещеніи Татьяной, по обвиненію ея въ отступленіи отъ православія. Обстоятельства дѣла слѣдующія. Въ селѣ Маломъ Лиственѣ поселился Герша Гнесинъ, который велъ тамъ водочную торговлю. Въ запрошломъ году шестнадцатилѣтняя дочь его Хана пожелала принять Св. крещеніе и обратилась къ мѣстному священнику съ просьбой крестить ее. Послѣ установленныхъ предварительныхъ наставленій въ христіанской вѣрѣ, она была крещена и стала посѣщать церковь. Вслѣдъ затѣмъ крещеная дѣвушка безвѣстно пропала. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, она была отыскана въ домѣ евреевъ, но заявила что, она снова исповѣдуетъ іудейскую вѣру, такъ какъ христіанство приняла будто-бы по малолѣтству и необдуманности. Въ виду рѣшительнаго ея заявленія о желаніи оставаться въ іудействѣ, Черниговская духовная консисторія передала это дѣло въ вѣдѣніе гражданскихъ властей. На предварительномъ дознаніи Гнесина заявила, что она не желаетъ быть христіанкой и крещена была безъ разумнаго обязанностей новой вѣры. Черниговскій окружный судъ, куда поступило это дѣло, признавая Хану Гнесину виновною въ отступленіи отъ православія, опредѣлилъ: отправить ее къ духовному начальству для увѣщанія и вразумленія; до возвращенія-же Гнесиной въ православіе она не должна пользоваться правами своего состоянія, и имущество ея должно быть отдано въ опеку. Затѣмъ дѣло перешло въ судебную палату. Надо замѣтить, что дѣло тянулось два года, и принявшая христіанство дѣвушка, по распоряженію полиціи, находилась все это время въ семействѣ евреевъ. При разборѣ дѣла въ судебной палатѣ, защитникъ подсудимой просилъ вызвать Хану Гнесину и допросить, по своей-ли волѣ она отказалась отъ христіанства или-же по чьему-либо постороннему вліянію, но ходатайство это было отклонено. По разсмотрѣніи дѣла, судебная палата отмѣнила опредѣленіе Черниговскаго окружнаго суда и признала Хану Гнесину невиновною“

-- Опубликованы Высочайшія награды разнымъ лицамъ; въ числѣ которыхъ пожалованы: Высокопреосвященному экзарху Грузіи брилліантовый крестъ для ношенія на клобукѣ, «за неутомимые труды какъ по управленію церковными дѣлами Закавказскаго края, такъ и на пользу непосредственно ввѣренной вамъ паствы, по особымъ мѣстнымъ условіямъ требующей и особыхъ попеченій объ ея благоустроеніи и духовномъ преуспѣяніи», — сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ по случаю пожалованія креста; и директору лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ, тайному совѣтнику Каткову—орденъ св. Владиміра 2 степени, «въ воздаяніе плодотворной дѣятельности его на учебно-воспитательномъ поприщѣ и постоянного неусыпнаго рвенія, съ коимъ онъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ неуклонно стремился всѣми зависящими отъ него средствами къ укрѣпленію въ умахъ яснаго пониманія истинныхъ началъ русской государственной жизни».

— „Правительственный Вѣстникъ“ сообщаетъ: За первые пять мѣсяцевъ текущаго года государственныхъ доходовъ въ счетъ росписи поступило 240,596,686 рублей, менѣе соотвѣтствующаго поступления въ прошломъ году (263, 219, 616), на 22, 622, 930 руб. Присоединяя къ показаннымъ итогам доходы льготнаго срока и въ счетъ будущихъ смѣтъ, общее поступленіе государственныхъ доходовъ къ 1-му іюня опредѣляется въ 258,907,384 руб. въ 1886 году и въ 279,392,688 руб. въ 1885, или въ настоящемъ году на 20,485,304 руб. менѣе.

— Римская пропаганда усиленно расширяетъ свою всесвѣтную дѣятельность, и итоги ея за минувшее полстолѣтіе поразительны. Со времени основанія этого миссіонерскаго учрежденія, въ 1822 году, пожертвованія въ пользу его составляютъ огромную сумму въ 220 милліоновъ лиръ (лира—25 коп. зол., или 40 к. по курсу), и вновь открыто напой 270 епископій и префектуръ. 63 года тому назадъ во всей Азіи было только 12 римско-католическихъ епископовъ, именно, два въ Индіи, шесть въ Китаѣ и четыре въ Индостанѣ; теперь-же въ одной Индіи считается 26 архіепископовъ и 1,200 священниковъ. Въ Индостанѣ, Китаѣ и Японіи считается полтора милліона католиковъ, находящихся подъ управленіемъ 50 апостолическихъ викаріевъ и 1,400 миссіонеровъ. На африканскомъ материкѣ до 1822 года не было ни одного епископа. Съ того времени учреждены двѣ архіепископіи, 12 епископій, 17 викаріатствъ и 16 апостолическихъ префектуръ. Особенно быстры были успѣхи римскаго католицизма въ С. Америкѣ и Австраліи. Въ послѣдней

теперь имѣется не менѣе 23 епископскихъ кафедръ, и недавно состоялся первый полный соборъ римско-католической церкви въ этой пятой части свѣта.

— Приготовленія къ празднованію юбилея папы быстро идутъ впередъ. Съ юбилеемъ предположено соединить открытіе въ Ватиканѣ выставки христіанскаго искусства, въ которой примутъ участіе католики со всего свѣта. Необходимыя постройки уже возводятся. Предметы и подарки стекаются отовсюду. Жители Неаполя предполагаютъ поднести Льву XIII золотой престолъ. Торжество будетъ на славу.

— Новости сообщаютъ: „На дняхъ возвратился въ Петербургъ изъ поѣздки съ научною археологическою и этнографическою цѣлью членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Императорскаго Археологическаго Общества, Н. М. Ядринцевъ. Имѣя порученіе осмотрѣть музеи на Востокѣ и собрать свѣдѣнія объ археологическихъ открытіяхъ въ Сибири, г. Ядринцевъ проѣхалъ чрезъ Екатеринбургъ, Тюмень, Тобольскъ, Томскъ, Красноярскъ и Минусинскъ, осмотрѣвъ всѣ находящіяся на пути музеи и коллекціи древностей, въ томъ числѣ и коллекціи музея будущаго Сибирскаго университета. Нахожденіе остатковъ каменнаго вѣка около Тюмени, Тобольска и Красноярска обратило на себя особенное вниманіе изслѣдователя. Минусинскій округъ, Енисейской губерніи, особенно изобилуетъ древними памятниками; здѣсь находятся тысячи кургановъ, обставленныхъ огромными камнями, иногда съ изваяніями и надписями. По Енисею находятся тесаницы и фигурныя изображенія. Осмотрѣвъ музей Восточнаго Сибирскаго отдѣла Географическаго Общества и совершивъ поѣздку на Байкалъ, изслѣдователь воротился по той-же дорогѣ, по пути остановившись на нѣкоторое время въ Казани для осмотра университетскаго музея и сравненія новолжскихъ древностей съ сибирско-алтайскими. На пути г. Ядринцевъ дѣлалъ и этнографическія наблюденія. Настоящая поѣздка заняла три мѣсяца, и изслѣдователь сдѣлалъ въ лѣто 9,000 верстъ по Сибири. Г. Ядринцевъ нынѣшнею зимою сдѣлалъ нѣсколько докладовъ на основаніи собранныхъ археологическихъ и этнографическихъ матеріаловъ. Имъ вывезена масса фотографій, типовъ и снимковъ съ древностей. Въ виду того научнаго интереса, который получаютъ русскій Востокъ и Сибирь, г. Ядринцевъ, какъ видно изъ доклада его въ восточно-сибирскомъ отдѣлѣ Географическаго Общества, проектируетъ обширную экспедицію для изученія Сибири и имѣетъ въ виду привлечь къ ней лучшія на-

учныя силы и всѣхъ мѣстныхъ изслѣдователей. Такая работа предполагается на нѣсколько лѣтъ. Г. Ядринцевъ этою экспедиціей предполагаетъ осуществить этнографическую программу для изслѣдованія областей, предложенную А. Н. Пыпинымъ въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ“.

— При С.-Петербургскомъ Археологическомъ Институтѣ открывается въ настоящее время „церковное древлехранилище“ или музей для собиранія и храненія древнихъ церковно-историческихъ памятниковъ исключительно Петербургской губерніи, для лучшаго сохраненія ихъ и доставленія любителямъ такихъ памятниковъ возможности знакомиться съ ними, а равно и для пользы церковно-исторической науки. Въ него, по словамъ „Новостей“, входятъ: 1) Церковно-историческіе памятники, а именно: старопечатныя церковно-богослужебныя книги, а также и другія старинныя книги религіозно-нравственнаго и историческаго содержанія какъ на славянскомъ, такъ и на другихъ языкахъ. 2) Древнѣйшія рукописи религіозно-нравственнаго и историческаго содержанія. 3) Замѣчательныя по древности принадлежности православнаго храма, какъ-то: разнаго рода церковная утварь, сосуды, иконы, кресты и украшенія ихъ, а также и другіе памятники служащіе къ уясненію религіознаго быта Петербургской губерніи.

— Упорядоченіе крестьянскихъ переселеній снова возбуждаетъ заботы правительства. Давно извѣстно, что крестьянскія семейства, предпринимающія переселеніе, часто бываютъ поставлены въ критическое положеніе вслѣдствіе полнаго незнанія пути и условій мѣстности, куда переселяются, и кромѣ того нерѣдко эксплуатируются людьми, пользующимися крестьянскимъ невѣдѣніемъ. Въ видѣ попытки устранить эти печальныя явленія, предполагается учредить въ Петербургѣ центральное переселенческое бюро, которое будетъ собирать всѣ свѣдѣнія о мѣстахъ свободныхъ для колонизаціи, и о мѣстныхъ условіяхъ. Центральное переселенческое управленіе будетъ имѣть мѣстные органы, обязанности которыхъ будутъ состоять въ предоставленіи переселенцамъ всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній относительно стоимости переѣзда и земель, которыми могутъ располагать переселенцы на новыхъ мѣстахъ, и т. д. Всѣ эти свѣдѣнія будутъ доставляемы министерствомъ государственныхъ имуществъ центральному переселенческому бюро, которое въ свою очередь будетъ сообщать ихъ мѣстнымъ отдѣленіямъ. По слухамъ, переселенія крестьянскихъ семействъ будутъ допускаться впредь не иначе, какъ съ разрѣшенія мѣстнаго губерторна.

— По поводу подчиненія Прибалтійскихъ сельскихъ школъ министерству народнаго просвѣщенія, по сообщенію эстонскихъ газетъ, распространяются и поддерживаются въ народѣ разные нелѣпныя слухи, для противодѣйствія которымъ въ эстонскую газету „Olewik“ пишутъ: „Эстонскій сельскій учитель въ своей должности отнынѣ не будетъ болѣе слугою феодала и пастора, а слугою русскаго государства, наравнѣ со всѣми другими чиновниками его. Ни феодалъ, ни пасторъ не будутъ болѣе въ силѣ произвольно устранять учителя отъ должности противъ закона и справедливости. Положеніе сельскаго учителя будетъ тверже. Напрасно опасеніе пасторовъ, будто вмѣстѣ съ подчиненіемъ Прибалтійскихъ сельскихъ школъ министерству народнаго просвѣщенія эти школы совершенно отдѣляются отъ лютеранской церкви. При послѣдней ревизіи школъ нѣкоторые пасторы простились съ учениками какъ будто павѣки; нѣкоторые пасторы даже устроили поднесеніе себѣ благодарственныхъ адресовъ и т. д. Подобныя агитаціи порождаютъ среди населенія нелѣпыя мысли и ни на чемъ не основанныя предположенія. Истинное-же положеніе дѣла просто и ясно: съ подчиненіемъ Прибалтійскихъ народныхъ школъ министерству народнаго просвѣщенія эти школы, разумѣется, выйдутъ изъ рукъ нынѣшнихъ руководителей; мѣсто нынѣшнихъ ревизоровъ школъ займетъ правительствомъ назначенный инспекторъ сельскихъ школъ. Обученіе Закону Божию однако останется попрежнему въ вѣдѣніи мѣстнаго пастора, который во всякое время будетъ воленъ посѣщать школы и принять надлежащія мѣры, чтобы дѣло шло нормальнымъ образомъ. Съ церковной кафедрой пасторамъ попрежнему будетъ возможно укрѣплять своихъ прихожанъ какъ взрослыхъ, такъ и не совершеннолѣтнихъ въ правилахъ своей вѣры. По нашему крайнему разумѣнію, дѣти при новыхъ порядкахъ не станутъ меньше чтить церковь, вѣру и достойнаго церковнаго пастыря чѣмъ до сихъ поръ, быть-можетъ еще больше. Пастырь церкви и учитель сельской школы въ глазахъ новаго училищнаго начальства, будутъ однородные дѣятели въ пользу народнаго блага и благо имъ, если они оба будутъ идти рука объ руку въ благонамѣренномъ русско-патріотическомъ трудѣ“.

— На дняхъ, въ Харьковѣ, во флигелѣ городскаго дома состоялось открытіе бесплатной „общественной бібліотеки“. Фактъ этотъ, кто знаетъ, можетъ быть будетъ записанъ крупными буквами въ лѣтописяхъ Харькова. Возникнувъ въ кружкѣ немногихъ лицъ, мысль объ „общественной бібліотекѣ“ въ городѣ, послѣ своего осуществ-

вленія обратившись въ фактъ, надо полагать, привлечетъ массу сочувствующихъ и найдетъ поддержку. „Общественная библіотека“ имѣетъ въ виду удовлетворить разнообразныя потребности въ „печатномъ словѣ“ всѣхъ слоевъ городского населенія безъ всякой платы. Въ первые моменты своего существованія она, конечно, не въ состояніи будетъ удовлетворить эти потребности во всемъ ихъ объемѣ, но, чуждая коммерческихъ цѣлей, гостеприимно открывая входъ всѣмъ „алчущимъ духовной пищи“, „Общественная библіотека“ будетъ пополняться и расширяться сообразно этимъ потребностямъ.

Ко дню открытія „общественной библіотеки“, правленіе ея издало временный каталогъ или правильнѣе опись книгамъ, въ настоящее время уже разобраннѣмъ и переплетеннѣмъ, т. е. такимъ, которыя могутъ быть выданы теперь-же. Книги эти частью пожертвованы, частью куплены самой библіотекой. Въ настоящее время „общественная библіотека“ получаетъ 45 періодическихъ изданій, число совершенно достаточное для начала. Мы слышали, что предполагается завязать связи со всѣми провинціальными редакціями, чтобы сосредоточить въ Харьковѣ всѣ періодическія изданія провинціи. Столичныя изданія и теперь уже получаютъ въ достаточномъ количествѣ.

Отдѣлъ „народныхъ книгъ“ состоитъ пока изъ нѣсколькихъ десятковъ пожертвованныхъ книжекъ. Этотъ отдѣлъ разрабатывается свѣдущими людьми и будетъ организованъ на спеціальныя средства, пожертвованныя одною изъ ревнительницъ народной грамотности города. Научный отдѣлъ тоже состоитъ исключительно изъ пожертвованныхъ книгъ и носитъ на себѣ характеръ случайности этихъ пожертвованій. По мѣрѣ средствъ „общественной библіотеки“, составленная ею программа этого отдѣла, будетъ осуществляться. Отдѣлъ дѣтскихъ книгъ и беллетристика полнѣе предшествующихъ отдѣловъ, такъ какъ для этихъ отдѣловъ многія книги были куплены. Каталогъ „общественной библіотеки“ составленъ по системѣ нѣсколько отличной отъ принятыхъ системъ,—въ немъ каждый экземпляръ имѣетъ отдѣльный номеръ. Мы не знаемъ—думаетъ-ли „общественная библіотека“ держаться этой системы и въ будущемъ или, въ виду нѣкоторыхъ удобствъ, она издала въ такомъ видѣ только первоначальную опись книгамъ, подлежащимъ выдачѣ? Опытъ, конечно, укажетъ, насколько эта система лучше или хуже общепринятой.

„Общественная библіотека“ организовалась на членскіе взносы и

пожертвованія деньгами и книгами. Существовать она будетъ также взносами и пожертвованіями. Всѣми газетами и журналами и книгами библіотеки можетъ пользоваться въ самомъ помѣщеніи библіотеки всякій посѣтитель бесплатно, — на домъ-же книги будутъ выдаваться только членамъ. Членомъ „общественной библіотеки“ считается тотъ, кто сдѣлаетъ годовой взносъ въ 3 р. Члены библіотеки участвуютъ въ общихъ собраніяхъ по дѣламъ библіотеки и могутъ направлять дѣло сообразно своимъ убѣжденіямъ. Въ виду этого „общественная библіотека“ не можетъ обратиться въ „окаменѣлое книгохранилище“, а будетъ жить и развиваться сообразно своимъ средствамъ и общимъ потребностямъ. Въ виду интересовъ читающихъ посѣтителей, членамъ „общественной библіотеки“ будутъ выдаваться только дубликаты, такъ что библіотека всегда будетъ имѣть на лицо всѣ книги, помѣщенныя въ ея каталогахъ.

Помѣщеніе, занимаемое „общественной библіотекой“ въ настоящее время, не соотвѣтствуетъ всѣмъ удобствамъ, необходимымъ для учрежденія подобнаго рода. Надо надѣяться, что городское самоуправленіе сочувственно отнесется къ новому просвѣтительному учрежденію города и окажетъ ему свою матеріальную поддержку какъ въ формѣ постоянной субсидіи, такъ и бесплатнымъ удобнымъ помѣщеніемъ.

— Скоро-ли, нѣтъ-ли, а все-таки въ Харьковѣ откроется бактериологическая станція для леченія укушенныхъ бѣшеными животными по способу Пастера. Въ виду этого не безынтересно слѣдующее сообщеніе столичныхъ газетъ. Въ непродолжительномъ времени будетъ разослано циркулярное предложеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, которымъ вмѣняется лицамъ, отъ кого это зависитъ, сообщать данныя о состояніи здоровья всѣхъ лицъ, которымъ сдѣланы прививки на нашихъ бактериологическихъ станціяхъ или у Пастера. Эти данныя помогутъ разъясненію сомнѣній въ дѣйствительной пользѣ предохранительнаго прививанія, которыя возникли въ послѣднее время. Кроме того, въ виду тѣхъ результатовъ, которые достигнуты Пастеромъ, по отношенію къ прививкѣ собакамъ предохранительной матеріи, медицинскій департаментъ намѣревается предложить учрежденіе при нашихъ ветеринарныхъ институтахъ и бактериологическихъ станціяхъ прививки предохранительной матеріи собакамъ частныхъ владѣльцевъ, которые пожела-ли-бы обезпечить своихъ животныхъ отъ зараженія укушеніемъ бѣшеной собаки.

— Чумная эпизоотія, рядомъ съ Харьковской губерніей, свирѣп-

ствуеть и въ сосѣдной Екатеринославской; эпизоотія особенно рѣзкія формы принимаетъ въ уѣздахъ Славяносербскомъ, Бахмутскомъ, Новомосковскомъ, Ростовскомъ, Александровскомъ, Павлоградскомъ и Мариупольскомъ. Здѣсь къ 22 августу оставалось больныхъ 1814 животныхъ; отъ этого числа до 1 сентября заболѣло 4937, пало 3099, выздоровѣло 742 и оставалось больныхъ 2960. Такимъ образомъ среднимъ числомъ ежедневная смертность рогатаго скота достигала 443. Къ обязательному убиванію зачумленныхъ животныхъ въ Екатеринославской губерніи приступлено не было, не смотря на недавній циркуляръ комитета министровъ, предлагающій принять слѣдующія мѣры: 1) разрѣшить подлежащимъ властямъ примѣнять временно, въ теченіе настоящей зимы, убиваніе зачумленныхъ и подозрѣваемыхъ въ зачумленіи животныхъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эта мѣра представится наиболѣе необходимою, именно въ губерніяхъ: Рязанской, Симбирской и Тамбовской, а также въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Екатеринославской, Воронежской, Полтавской, Харьковской и Донской области, въ которыхъ примѣненіе означенной мѣры окажется необходимымъ и возможнымъ по мѣстнымъ условіямъ, и 2) назначать хозяевамъ за убитыхъ у нихъ животныхъ денежные вознагражденія (по оцѣнкѣ экспертовъ, но не свыше 45 руб. за каждую голову скота степной и 25 р.—русской породы), отчисливъ на этотъ предметъ, примѣрно, до ста пятидесяти тысячъ рублей изъ суммъ процентнаго сбора съ гуртоваго скота.

— Опубликованъ указъ сената мировымъ съѣздамъ. Указъ требуетъ неослабнаго со стороны съѣздовъ надзора за безотлучнымъ пребываніемъ судей въ участкахъ и предписываетъ о всякой самовольной отлучкѣ судей немедленно доносить сенату, подъ опасеніемъ уголовной отвѣтственности. Судьи, по указу сената, должны разбирать дѣла ежедневно, исключая дней, въ которые присутствуютъ на съѣздахъ; для контроля-же надъ этимъ сенатъ постановляетъ судьямъ и съѣздамъ въ обязанность: первымъ—доносить о числѣ засѣданій и разобранныхъ дѣлъ, вторымъ—подвергать ежемѣсячно эти вѣдомости тщательному разсмотрѣнію, виновныхъ-же въ медленности привлекать къ отвѣтственности. Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ засѣданія съѣзда происходятъ разъ въ мѣсяцъ, на нихъ должны являться всѣ наличные участковые судьи. Съѣзды обязаны о всякомъ несостоявшемся засѣданіи доносить сенату, при чемъ на личную отвѣтственность председателей будетъ возложено наблюденіе за своевременнымъ представленіемъ означенныхъ донесеній. Далѣе, сенатъ разъясняетъ, что продолжитель-

ность срочныхъ засѣданій съѣзда опредѣляется не заранѣе установленнымъ числомъ дней, а исключительно окончаніемъ разсмотрѣнія всѣхъ имѣющихся въ съѣздѣ дѣлъ.

— Столичные газеты передаютъ, что по вопросу о распредѣленіи расходовъ по призыву и приему въ войска новобранцевъ по смѣтамъ департамента государственнаго казначейства и главнаго интендантскаго управленія, состоялось уже соглашеніе между министрами военнымъ, финансовъ и государственнымъ контролеромъ, по которому впредь всѣ расходы на новобранцевъ, со времени ихъ приѣма до сдачи въ войска, будутъ отнесены на счетъ главнаго интендантскаго управленія, а издержки по призыву новобранцевъ до приѣма ихъ на службу — на счетъ государственнаго казначейства. Къ призыву въ нынѣшнемъ году предназначено 230,000 человекъ при чемъ на расходы ассигновано слишкомъ 13 тысячъ рублей на каждую тысячу призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности. Съ настоящимъ призывомъ будутъ введены въ дѣйствіе и новыя правила, Высочайше утвержденныя зимою нынѣшняго года, относительно увеличенія сроковъ дѣйствительной службы для лицъ, удовлетворяющихъ извѣстнымъ условіямъ образовательнаго ценза.

— Недавно состоялось торжественное открытіе и освященіе памятника сооруженнаго въ Петербургѣ, передъ соборомъ Св. Троицы, въ Измайловскомъ полку, въ ознаменованіе подвиговъ русскихъ войскъ въ послѣднюю Русско-Турецкую войну. Памятникъ этотъ, напоминая потомкамъ о славныхъ подвигахъ и выдающемся участіи нашей блестящей гвардіи во всѣхъ битвахъ минувшей кампаніи, займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди нынѣшнихъ монументовъ. Самая площадь съ широкимъ проспектомъ дала возможность не стѣсняться размѣрами монумента и поставить его, какъ говорится, „на виду“. Площадь основанія памятника 28½ кв. с., высота 12 саж.; фундаментъ сдѣланъ изъ отборной бутовой плиты, на цементѣ, на немъ поставленъ четырехугольный пьедесталъ, высотой въ 3 саж., изъ мелко-зернистаго гранита краснаго и бѣлаго цвѣта, въ который со всѣхъ четырехъ сторонъ вдѣланы бронзовыя доски съ надписями о главныхъ эпизодахъ войны и именами всѣхъ частей войскъ, участвовавшихъ въ минувшей войнѣ. Пьедесталъ состоитъ изъ 54 камней финляндскихъ каменоломень. На пьедесталѣ поставлена чугунная колонна съ канелюрами (нишами) въ нѣсколько ярусовъ, при чемъ въ нишахъ размѣщены отбитыя у непріятеля орудія. Колонна на верху увѣнчана капителемъ сдѣланнымъ въ коринтскомъ стилѣ; на капитель поставлена статуя

изображающая генія побѣды, вѣнчающаго лавровымъ вѣнкомъ побѣдителей. Со стороны собора памятникъ будетъ обнесенъ полукруглою изящною рѣшеткой, вдоль которой поставятъ десять орудій, взятыхъ у непріятеля во время сраженія при Горномъ Дубнякѣ. Позади памятника рѣшено разбить, на мѣстѣ нынѣ существующаго сада, образцовый скверъ. Стоимость памятника и устройство сада обойдется около 170,000 руб. Работами по сооруженію памятника завѣдуетъ военный инженеръ Жидковъ.

— „Русск. Кур“. обращается къ старому но и вѣчно юному вопросу о положеніи дѣтей-рабочихъ, находящихся въ обученіи у частныхъ мастеровъ. Газета высказываетъ пожеланія объ улучшеніи участи малолѣтокъ, которые находятся въ безконтрольномъ подчиненіи у своихъ хозяевъ.

„Судьба малолѣтнихъ, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ, уже ограждена отъ произвола хозяевъ закономъ. Можно надѣяться, что, наконецъ, и дѣти-ремесленные ученики скоро вздохнутъ свободнѣе, ибо одиннадцатый томъ свода законовъ, заключающій въ себѣ ключъ къ ихъ счастію, будетъ пересмотрѣнъ и заново редактированъ. Понятно, что и условія взаимныхъ отношеній между ремесленниками-хозяевами и ихъ учениками будутъ изложены согласно инымъ требованіямъ.

Обезопасивъ личность ученика такимъ образомъ, можно будетъ затѣмъ подумать и о ея развитіи. Масса дѣтей бѣдныхъ родителей, поступающихъ къ мастеру для обученія ремеслу, остается безъ всякаго развитія, даже—безъ религіознаго. Нѣсколько лѣтъ въ качествѣ ученика, употребляемаго на посылки и всякія домашнія работы при семействѣ мастера, послѣ этого—нѣсколько лѣтъ подмастерской работы и во все это время неприглядные примѣры лѣнства и буйства, которымъ очень часто предается хозяинъ-мастеръ, не могутъ благотворно дѣйствовать на душу и сердце будущаго ремесленника. Конечно, устройство ремесленныхъ училищъ, о которыхъ хлопочетъ херсонское земство, могло-бы устранить большую половину зла. Но пока этого нѣтъ, хорошо-бы, пограничному примѣру, завести воскресные классы для ремесленниковъ. Развитіе элементарныхъ знаній и разъясненіе задачъ будущаго гражданина-ремесленника, истолкованіе ему правъ и обязанностей, ознакомленіе съ дарованнымъ имъ самоуправленіемъ и значеніе ихъ труда и сословія для отечества, — это такія знанія, которыя, будучи привиты къ молодой нивѣ, дали-бы весьма желательные результаты“.

— Многія губернскія присутствія по питейнымъ дѣламъ, какъ сообщаетъ „Русск. Кур.“, обратились недавно къ министру финансовъ съ заявленіями, въ которыхъ указываютъ на крайнюю неудовлетворительность работъ по распредѣленію мѣстностей на разряды въ отношеніи взиманія патентнаго сбора, при чемъ губернскія присутствія просили разрѣшенія пересмотрѣть въ нынѣшнемъ году, утвержденныя ими росписанія. Въ виду этихъ заявленій министерствомъ финансовъ предпринято было обслѣдованіе питейнаго дѣла, которое выяснило слѣдующее: дѣятельность присутствій по питейнымъ дѣламъ выразилась главнымъ образомъ въ сокращеніи числа мѣстъ распивочной продажи въ селеніяхъ на 72,70%, взамѣнъ которыхъ открыто приблизительно 30,000 новыхъ заведеній для торговли питіями на выносъ. Но продажа вина на выносъ, какъ показываетъ опытъ, не можетъ удовлетворить потребностямъ населенія, привыкшаго къ распитію вина на мѣстѣ. Не находя возможности удовлетворить своей потребности въ винѣ обычнымъ путемъ, народъ перешелъ къ другому способу употребленія на улицѣ, причемъ мѣра, введенная въ новыя правила—воспрещеніе продажи вина въ винныхъ лавкахъ въ посудѣ емкостью менѣе $\frac{1}{4}$ ведра — достигаетъ противоположныхъ результатовъ. Установленіемъ этихъ правилъ имѣлось въ виду затруднить распитіе вина въ самомъ кабацѣ, а теперь крестьяне собираются компаніями по два, по три человекъ и тутъ-же около лавки распиваютъ покупаемое вино. Такіе результаты новыхъ питейныхъ правилъ засвидѣтельствованы нѣкоторыми начальниками губерній и управляющими мѣстными акцизными сборами. Во вниманіе къ вышеприведеннымъ обстоятельствамъ проектируется въ настоящее время установить слѣдующія новыя правила о торговлѣ крѣпкими напитками: 1) ограничительную мѣру емкости посуды отмѣнить и разрѣшить всѣмъ виннымъ лавкамъ продажу вина въ посудѣ всякими количествами до одной сотой; 2) присутствіямъ по питейнымъ дѣламъ предоставляется пересмотрѣть дѣйствующее нынѣ распредѣленіе мѣстностей по разрядамъ и составить новое, которое по утвержденіи министра внутреннихъ дѣлъ и финансовъ ввести въ дѣйствіе съ 1-го января 1887 года и 3) въ отношеніи открытія мѣстъ продажи питей вблизи извѣстныхъ учрежденій, мѣстному начальству предоставлено будетъ право допускать отступленія отъ первоначально установленныхъ правилъ. Вышеприведенныя измѣненія питейныхъ правилъ, какъ намъ сообщаютъ, утверждены уже комитетомъ министровъ и будутъ введены въ дѣйствіе съ наступленіемъ новаго года.

— Вблизи слободы Мурафа, Богодуховскаго уѣзда, Харьковской губерніи недавно открыты весьма обильные сѣрные источники. Цѣлебное свойство этихъ водъ было понято самими крестьянами, и они стали употреблять ихъ при многихъ болѣзняхъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ употребляютъ сѣрныя воды по совѣту мѣстныхъ врачей, другіе-же болѣе невѣжественные полагаютъ, что эти воды должны приносить пользу во всѣхъ болѣзняхъ, а потому пьютъ ихъ безъ всякаго совѣта врача. Извѣстный сахарозаводчикъ, И. Г. Харитоненко, узнавши объ этихъ водахъ, хотѣлъ купить этотъ участокъ земли съ цѣлью устроить здѣсь лечебницу; но сельское общество не согласилось на продажу, боясь того, что если г. Харитоненко откроетъ здѣсь лечебницу и пріѣдетъ сюда много городскихъ жителей, то у крестьянъ слободы Мурафа отнимутъ земли для построекъ, необходимыхъ для пріѣзжихъ. Въ настоящее время, какъ передаютъ „Нов.“, о появленіи сѣрныхъ источниковъ узнало уѣздное земство и начало переговоры съ мурафанскимъ обществомъ о продажѣ этого участка земли для эксплуатаціи сѣрныхъ водъ.

— По мѣрѣ того какъ въ нѣкоторыхъ земствахъ возникаетъ вопросъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія, однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для этого признается введеніе общественныхъ запасекъ. Поэтому, въ настоящее время, какъ передаютъ „С.-Пет. Вѣд.“, уже многія земскія управы, озабочиваясь изысканіемъ средствъ къ возможному облегченію тяжелаго экономическаго положенія населенія, пострадавшаго отъ неурожая въ последнее время, остановилось на общественныхъ запашкахъ, какъ мѣрѣ, которая можетъ представлять собою довольно надежное средство для улучшенія положенія обѣднѣвшихъ крестьянъ. Въ виду сего, управы разослали всѣмъ волостнымъ и сельскимъ правленіямъ циркулярныя предписанія, въ которыхъ вмѣнили имъ въ обязанность предложить всѣмъ сельскимъ обществамъ, съ осени настоящаго года, отвести участки земли для общественныхъ запасекъ.

— Въ городѣ Ташкентѣ, 15 іюня сего года, въ день 21-й годовщины взятія этого города русскими войсками, происходило освященіе и открытіе памятника въ честь воиновъ павшихъ при взятіи Ташкента. Мысль о постановкѣ этого памятника, какъ сообщается въ Правительственномъ Вѣстникѣ, возникла въ 1872 г. въ средѣ участниковъ знаменитаго штурма. 17 іюня того года, по отслуженіи на Комеланскомъ кладбищѣ панихиды по убиеннымъ на ихъ братской могилѣ, была совершена закладка надгробнаго памятника. Но въ то время дѣло остановилось, главнымъ образомъ,

по недостатку средствъ. 2 іюля 1883 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на постановку на Гимназической площади города Ташкента памятника въ честь убитыхъ при штурмѣ Ташкента, по проекту академика Микѣшина. Но и этотъ проектъ, по своей грандіозности требовавшій на осуществленіе весьма значительныхъ средствъ, не былъ приведенъ въ исполненіе по той-же причинѣ. Имѣя въ виду незначительные размѣры средствъ собранныхъ на сооруженіе памятника, было рѣшено ограничиться постановкой недорогого памятника на мѣстѣ погребенія воиновъ павшихъ при штурмѣ Ташкента, надъ ихъ братскою могилой, на кладбищѣ у Комеланскихъ воротъ.

Инженеръ-технологъ Уляновъ составилъ проектъ памятника имѣющаго видъ часовни, съ чугунною доской внутри, на которой золочеными буквами вырѣзаны имена павшихъ при штурмѣ Ташкента. Внутри часовни помѣщены иконы Спасителя и Распятіе, съ лампадой, и небольшой аналой для служенія панихидъ въ годовщину взятія Ташкента, 15 іюня. Кромѣ этой доски, имѣется снаружи другая, чугунная-же, съ надписью золочеными буквами: „Памяти воиновъ павшихъ при штурмахъ города Ташкента въ 1864 и 1865 годахъ, здѣ лежащихъ. Сооруженъ въ царствованіе Императора Александра III, иждивеніемъ жертвователей, лѣта 1886“. На часовнѣ водруженъ крестъ изъ красной мѣди, покрытый червоннымъ золотомъ.

Кромѣ часовни долженствующей служить напоминаніемъ доблестей русскихъ воиновъ во брани положившихъ за отечество жизньъ свой и покрывшихъ свои имена неувядаемою славой, надъ братскою могилой, находящеюся рядомъ съ часовней, съ ея сѣверо-восточной стороны, сдѣланъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ заложенъ памятникъ въ 1872 году, сводъ изъ жженого кирпича съ мраморною плитой на верху. На верху плиты помѣщенъ крестъ и подъ нимъ надпись „Здѣсь покоится прахъ воиновъ павшихъ при взятіи города Ташкента. Упокой, Господи, души ихъ въ селеніи праведныхъ“. Съ южной стороны кладбищенскаго мѣста (съ остальныхъ оно защищено сосѣдними садами и строеніями) устроена деревянная на кирпичномъ фундаментѣ ограда. Ведущая на кладбище калитка въ оградѣ сдѣлана очень изящно, по проекту архитектора Гейнцельмана. Въ ея угольныхъ вырѣзахъ помѣщено восемь кокандскихъ мѣдныхъ орудій, изъ которыхъ два имѣютъ на себѣ надписи Муллы Алимкула, кокандскаго вождя, убитаго русскими подъ Ташкентомъ 9 мая 1865 года, и трѣхъ—бывшаго кокандскаго хана Худояра. На верху калитки сдѣлана надпись славянскимъ шрифтомъ: „Души ихъ во благихъ водворятся“.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ НОВЫЯ КНИГИ:

ЖИЗНЬ ГОСПОДА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА

ОПЫТЪ ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКАГО ИЗЛОЖЕНІЯ
Евангельской исторіи,

съ опроверженіемъ возраженій, указываемыхъ отрицательною критикою новѣйшаго времени.

Священника М. Буткевича.

Изданіе второе, исправленное и дополненное.

С.-Петербургъ. Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова.
Цѣна 4 руб.

ОПЫТЪ КРАТКАГО ИЗЪЯСНЕНІЯ

на

ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ ІОАННА.

Составилъ С. Тернеръ.

С.-Петербургъ. 1886. Цѣна 60 копѣекъ.

СОЛНЫШКО.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ.

Составилъ А. Радонежскій.

Изданіе второе. Одобрена учебнымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для класснаго и внѣ класснаго чтенія. С.-Петербургъ 1880 г.

Цѣна 60 копѣекъ.

КНИГА ТОГО-ЖЕ ИЗДАТЕЛЯ

„РОЩИНА“.

Сборникъ для класснаго чтенія, съ упражненіями въ разборѣ,
устномъ и письменномъ изложеніи.

въ 3-хъ частяхъ

Съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича,
посвящена Августѣйшему Имени Великаго Князя Николая Александровича.

Складъ изданія: С.-Петербургъ, въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о.

Цѣна 75 копѣекъ.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.